

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2018

Наша методологическая установка заключается в отыскании таких признаков написаний, которые были бы специфичны, отличая каждое написание от всех прочих написаний, и были бы в то же время наиболее ценны методически. Для решения этой задачи нам кажется необходимым исходить из правильного понимания сущности письма, как зрительно-двигательного языка, и правописания, как системы правил, регулирующих это зрительно-двигательное мышление и устанавливающих соотношения между буквами и звуками.

Следует вспомнить, что наше письмо – это тоже своего рода язык, только язык, получающий свое содержание в зависимости от языка звуков, факты которого он отражает; вне соответствия с фактами устной речи отдельные единицы русского письменного языка – написания – не имеют значения. Признаков отдельных написаний следует поэтому искать в характере этих соответствий. <...>

Правописание для нас не механическое соединение написаний, но сложный организм, все части которого находятся в определенных соотношениях. Игнорировать эти соотношения было бы не только методологической, но и методической ошибкой. Принцип взаимной обусловленности явлений должен вообще лежать в основе правильно организованного педагогического процесса. Только распределяя по этому принципу орфографический материал, мы избежим резких противоречий между специальными интересами правописания и общими требованиями комплексности и педагогики. Это блестяще подтверждается рекомендуемым современной методикой распределением орфографического материала. Построенное на признаке соответствия написаний произношению (мы имеем в виду специальный подбор материала для первых лет обучения) и тем самым на принципе рассмотрения изолированных явлений, оно с неизбежностью приведет к искусственности, к обязательному ограничению учащегося узкими рамками одних только слов, целиком соответствующих произношению.

(Ушаков М.В. Основы методики обучения правописанию // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 2. – С. 111–112).

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 9 раз в год

Москва

Издатель – ООО «Наш язык»

6

июнь

2018

16 +

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Калинина Л.В.</i> О принципах подготовки школьников к олимпиадам по русскому языку	3
<i>Бочкарева Г.А., Дорожкина Т.Н.</i> Виды сочинений в формате ОГЭ по русскому языку: стилевые и жанровые характеристики (Статья 2)	8
Совершенствуем профессиональную подготовку	
<i>Шпильная Н.Н.</i> Риторические нормы устной научной речи	13
<i>Горбунова М.В.</i> Письменная речь студентов в цифровой образовательной среде	16
<i>Сагитова А.Ф.</i> Трудности, связанные с преподаванием темы «Чередование гласных в корне»	19

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

<i>Цейтлин С.Н.</i> Некоторые факторы, обеспечивающие возможность спонтанного освоения орфографических правил	27

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

<i>Дубова М.А.</i> Изучаем однородные члены предложения	31
<i>Лысова О.В., Лысова А.И.</i> Работа по формированию навыков выразительного чтения у учащихся (Подготовка к устной части ОГЭ по русскому языку)	38

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Карамышева С.Н.</i> Публикации профессора М.В. Ушакова на страницах журнала «Русский язык в школе» (К 120-летию со дня рождения)	43

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Шестакова Л.Л., Кулева А.С.</i> Специальная лексика в поэзии В. Маяковского	52
<i>Колокольцева Т.Н.</i> Интертекстуальный анализ стихотворения Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой»	59

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Москвин В.П.</i> Ударение в именах существительных мужского рода с консонантной концовкой: норма и варианты	64
<i>Норман Б.Ю.</i> Есть ли в русском языке слово <i>спички</i> ? (О полноте словоизменительной парадигмы и грамматических профилях слова)	71

В МИРЕ СЛОВ

<i>Зеленин А.В. Нищерброд (Часть 2)</i>	77
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО	
<i>Козерук А.А. «Русская грамматика» А.Л. Шлёцера 1764 г.</i>	82
<i>Никитин О.В. Академик С.П. Обнорский: личность ученого в контексте проблем и дискуссий отечественного языкознания (К 130-летию со дня рождения)</i>	87

Редакционная коллегия:

Главный редактор **Н.А. Николина**

Л.Г. Антонова, Б.Г. Бобылев, Н.С. Болотнова, Г.Н. Владимирская, Ю.Н. Гостева, А.Д. Дейкина, О.Е. Дроздова, Е.Л. Ерохина, А.В. Зеленин (Финляндская Республика), Л.П. Крысин, В.В. Лопатин, О.В. Никитин, Б.Ю. Норман (Республика Беларусь), С.С. Оганесян, И. Палоши (Венгерская Республика), Т.М. Пахнова, В.М. Пахомов, М.Н. Приемышева, Б. Тошович (Австрийская Республика), С.Н. Цейтлин, М.Р. Шумарина

Зам. главного редактора **А.Е. Куманьева**. Редактор **Е.А. Фролова**

Компьютерная верстка – **К.В. Морозов**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–22548 от 30 ноября 2005 г.

Подписано в печать 27.05.2018. Формат 70х100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печ. л. 7. Тираж 780 экз.

Редакция журнала «Русский язык в школе». Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17. Телефон/факс 8(495)671–09–85

E-mail: admin@riash.ru <http://www.riash.ru/>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», филиале «Чеховский Печатный Двор»

Сайт: www.chpd.ru E-mail: sales@chpd.ru Тел. 8(499)270–73–59

© «Русский язык в школе». 2018

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-3-7

Л.В. КАЛИНИНА

О принципах подготовки школьников к олимпиадам по русскому языку

В статье обобщается опыт работы автора по подготовке учащихся к региональному и всероссийскому этапам олимпиады школьников по русскому языку, обосновываются принципы построения работы по развитию у школьников «олимпиадного» мышления.

Ключевые слова: олимпиада школьников по русскому языку; развитие «олимпиадного» мышления; принципы подготовки к олимпиаде по русскому языку.

Liudmila V. Kalinina

About Principles of Schoolchildren Preparation for the Olympiad on Russian Language.

The author's experience of schoolchildren preparation for the regional and all-Russian stages of the School olympiad on Russian language is extended. The principles of organization of the work on the development of olympiad thinking among the schoolchildren are proved.

Key words: School olympiad on Russian language; development of olympiad thinking; principles of preparation for the olympiad on Russian language.

Подготовка школьников к участию в олимпиадах разного уровня является важной составляющей работы учителя. Но именно эта составляющая очень часто оценивается учителями как весьма сложная для реализации, поскольку олимпиадные задания изначально не предполагают возможности «натаскать» учеников на их решение и тем самым гарантировать какой-то определенный уровень выступлений своих подопечных на олимпиаде.

Цель настоящей статьи — предложить ряд принципов, на которых может быть построена подготовка школьников к олимпиадам

по русскому языку. Рекомендации автора основываются на многолетнем опыте работы с одаренными школьниками города Кирова и Кировской области, чтения лекций для учителей города и области, участия в составлении олимпиадных заданий муниципального этапа и членства в составе жюри на региональном этапе всероссийской олимпиады по русскому языку.

Для подготовки детей к олимпиадам в школах обычно проводят дополнительные занятия по углубленному изучению отдельных тем (часто приглашая для этого вузовских преподавателей), предлагают школьникам читать дополнительную литературу или решать олимпиадные задания прошлых лет. Все это хорошие способы передать детям дополнительные знания и развить у них требующиеся аналитические навыки. Но такого рода подготовка, как правило, носит эпизодический и во многом «внешний» характер — детям предлагается некая новая порция знаний и определенное количество уже «отыгранных» олимпиадных заданий. Пригодятся ли им в будущем именно эти знания и умения решать именно такие типы заданий? Вероятно, да, поскольку в жизни никакие

Людмила Викторовна Калинина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения

E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

ул. Московская, д. 36, г. Киров, 610000, Россия

Uyatka State University

36 Moskovskaya str., Kirov, Kirov region, 610000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Калинина Л.В. О принципах подготовки школьников к олимпиадам по русскому языку // Русский язык в школе. — 2018. — № 6. — С. 3–7. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-3-7.

знания и навыки лишними не бывают. Но можно ли подойти к подготовке детей-олимпиадников как-то иначе, используя, так сказать, не столько «экстенсивный», сколько «интенсивный» путь формирования нужных способностей? Мы полагаем, что это возможно.

Прежде всего следует понимать, что успешно участвовать в олимпиадах может не всякий ученик, а только такой, который обладает «олимпиадным» мышлением, причем этот тип мышления далеко не всегда совпадает с наличием высоких оценок по предмету. О сути «олимпиадного» мышления хорошо сказал один из недавних школьников-олимпиадников: это «умение находить выход из трудных положений, когда ты, может быть, не вполне знаешь теорию, но все равно — решаешь задачу, догадываешься» [Долженко 2009, Электронный ресурс]. Об этом же говорит и многократный победитель и призер всероссийских и международных олимпиад по русскому языку и литературе Юлия Панченко: «Даже прочитанная гора учебников не гарантирует вам решения олимпиадных задач. В идеальном задании от вас требуется действие ученого — сформулировать гипотезу, которая описывала бы весь имеющийся материал» [Кипнис 2017, Электронный ресурс]. Итак, «олимпиадное» мышление предполагает умение выстроить путь к решению задачи при минимуме имеющихся знаний, но на основе «догадки», которая появляется в результате «действия ученого». Это значит, что «олимпиадное» мышление совмещает логический и интуитивный поиск ответа на вопрос и не связано с воспроизведением уже имеющихся знаний или уже наработанной модели решения задачи. Каким образом можно сформировать у учащихся основы «олимпиадного» мышления, практически не выходя за рамки обычного школьного урока?

На наш взгляд, формированию «олимпиадного» мышления на уроках русского языка будут способствовать следующие принципы.

1. Подача любого факта современного языка с точки зрения тенденций и закономерностей развития языка.

Для многих школьников большой проблемой является то, что каждый факт в какой-либо области знания они воспринимают как нечто уникальное, изолированное, а потому каждый раз требующее специального механического запоминания.

Забывание частного факта превращается в «маленькую трагедию» и создает иллюзию невозможности выучить и понять предмет. Безусловно, в русском языке, как и во всяком учебном предмете, существует информация, требующая заучивания — чаще всего это нормы и правила. Но для развития «олимпиадного» мышления важнее не простое знание норм или запоминание отдельных фактов, а понимание того, как исторически сложилось современное состояние языка и какие тенденции могут повлиять на его дальнейшее развитие. В связи с этим мы предлагаем в той или иной форме знакомить учащихся с основными законами развития языка — по крайней мере, с теми, которые охватывают большую часть языкового материала, изучающегося в школе. Подробнее о законах развития языка ср., напр.: [Валгина 2001: 12–25; Головин 1977: 216–223; Попова, Стернин 2007: 94–129; Серебренников 1990: 159–160]. Если подать эту информацию наглядно и компактно (например, в виде рисунков, схем, таблиц, которые найдут свое постоянное место в кабинете русского языка), то ее будет несложно усвоить даже пятиклассникам. Суть необходимой информации заключается в следующем (приведем ее в виде тезисов).

Язык развивается по определенным законам, среди которых принято выделять внутриязыковые и внеязыковые.

Важнейшими внутренними факторами развития языка являются закон системности, закон традиции, закон аналогии, закон экономии.

Закон системности: изменения на одном уровне языка отражаются на других его уровнях.

Закон традиции: язык на определенном этапе своего развития стремится к стабильности.

Закон аналогии: одни формы уподобляются другим.

Закон экономии: стремление к сокращению средств выражения на всех уровнях языка.

Внешними факторами, влияющими на развитие языка, являются разнообразные случаи воздействия на язык со стороны общества.

Тенденции развития языка могут проявляться непоследовательно и противоречиво, так как язык является саморегулирующейся системой.

Для иллюстрации действия каждого из законов можно подобрать множество примеров, связанных с изучаемыми с V по IX класс темами и объединяющих историю и современность, язык и действительность.

Например, в учебнике русского языка для V класса Т.А. Ладыженской,

М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой и др. одной из первых рассматривается тема «Звуки и буквы. Произношение и правописание» [Ладыженская, Баранов, Тростенцова и др. 2015: 14–15]. В рамках разговора на эту тему вполне можно рассказать учащимся (возможно, в игровой, занимательной форме) об истории букв *ѣ* и *ь* и сообщить, что давняя утрата этими буквами звукового значения привела к появлению многих следствий, которые ребятам на протяжении нескольких школьных лет предстоит изучать как орфограммы: правописание проверяемых согласных в корне слова (*дуб* — *дубы*, *дорожка* — *дороженька*), правописание непроизносимых согласных в корне слова (*честный*, *известный*, *солнце*, *сердце*), правописание согласных в приставках (*подбежать*, *подписать* — но *разбудить*, *расписать*), беглые гласные (*сон* — *сна*, *день* — *дня*), гласные в суффиксах существительных *-ек*- и *-ик*- (*сыночек* — *сыночка*, но *носик* — *носика*) и др. Кроме того, именно утратой редуцированных обусловлено появление в русском языке нулевого окончания; форм типа *ветер*, *уголь*, *стёкол*, *сосен* (на месте прежних *вѣтрѣ*, *углѣ*, *стѣклѣ*, *соснѣ*); отсутствие суффикса *-л* после согласного в глаголах прошедшего времени мужского рода (*мог* — но *могла*, *могло*, *могли*; *сох* — но *сохла*, *сохло*, *сохли*) и др. Соответственно при изучении данных тем следует напоминать учащимся, какой исторический процесс обусловил наличие того или иного факта или явления в современном русском языке.

В качестве примеров для закона традиции подойдут сведения из истории русской графики, традиционные написания современной орфографии, рассказ о нормативных пометах в словарях, объяснение роли традиции как одного из важнейших критериев нормативности.

Иллюстрациями для закона аналогии могут послужить колебания ударения в ряде слов и форм в современном русском языке (*включит* — *включит*, *звонит* — *звонит*), появление вариантных глагольных форм (*машет* — *махает*, *колышет* — *колыхает*, *замёрз* — *замёрзнул*, *промок* — *промокнул*), колебание по роду слова *кофе* и др.

Закон экономии можно продемонстрировать на таких фактах, как древняя утрата количественных различий гласных, в результате чего возникли чередования *о/а*, *е/и* в корнях слов; сокращение количества прошедших и будущих времен в истории

языка, сокращение типов склонения существительных в единственном числе и унификация склонений во множественном числе, явления разговорной фонетики, графические сокращения в речи Интернета и др.

Внешние факторы, влияющие на развитие языка, могут быть проиллюстрированы рассказами о заимствованных и новых словах, профессионализмах, диалектизмах, изменениях в языке в переломные исторические периоды и периоды бурного технического развития и т.д.

2. Сообщение фоновой информации как основы для возможных аналогий и ассоциаций.

Т.В. Черниговская утверждает: «Открытия делаются с помощью ассоциативного мышления. Невозможно спланировать открытие (недаром оно приходит во сне или вдруг падает на голову яблоко — и внезапно происходит то, чего вчера еще никто не ожидал). Чем больше ассоциаций к человеку придет, самых пестрых (и именно в разговоре, без чтения тонны книг и сотен тонн статей), тем лучше» [Черниговская 2006, Электронный ресурс]. Поэтому хорошим способом развития «олимпиадного» мышления может стать регулярное и уместное сообщение учащимся разного рода экстралингвистических сведений. Эти сведения, превращаясь в фоновые знания учащихся, в дальнейшем станут основой для различных ассоциаций и аналогий, ведущих в ситуации поиска решения к необходимым связям между известным и неизвестным.

Поводом для обсуждения может послужить любое встретившееся на уроке слово: устаревшее, заимствованное, окказиональное, диалектное, хорошо освоенное русским языком или на днях возникшее в Интернете и т.д. Например, одним из популярных слов современного молодежного жаргона является глагол *флексить* — в ходе обсуждения жаргонного значения этого слова можно показать школьникам его связь с грамматическим термином *флексия*. Еще один повод для привлечения фоновых знаний — работа с латинскими и греческими корнями. Несколько лет назад мы предложили на муниципальном этапе олимпиады такие задания (уровень VII–VIII класса):

1) В греческих мифах известны два брата-титана: Прометей и Эпиметей. Имя первого означало «мыслящий прежде», «предвидящий». Что означало имя второго брата? Почему вы так считаете?

2) В сказке В. Гауфа «Халиф-аист» упоминается волшебное заклинание «мутабор». Дайте его грамматически точный перевод с латинского языка, если известно, что *-or* — это окончание глагола 1-го лица единственного числа страдательного залога, а *-b-* — суффикс-показатель будущего времени. Догадайтесь, что означает корень слова и переведите заклинание.

3) Что объединяет приведенные ниже слова? Какой общий оттенок значения в них присутствует?

Рекс, режим, режиссер, Регина, регент, регламент, ректор, регулировать.

Для решения даже этих несложных заданий учащимся необходимы не только языковые знания, но и хотя бы минимальная общекультурная эрудиция. Формированию этой эрудиции способствует всякая дополнительная информация, которую уместно сообщить на уроке по тому или иному поводу. Любое слово способно прямо на занятии вырасти до уровня концепта, т.е. предстать, по словам В.А. Масловой, как «некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности», как результат «столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Маслова 2011: 47].

3. Критически-творческое отношение к содержанию учебников.

«Олимпиадное» мышление предполагает умение выйти за очерченные границы, за рамки стандарта, действовать не по шаблону, уметь сделать «следующий шаг». Для развития этих качеств можно использовать в том числе и материалы школьных учебников — если не ограничиваться теми сведениями и теми заданиями, которые в них приводятся, не догматизировать написанное в учебнике. Так, в учебнике русского языка для VI класса (часть 2, § 79 «Вопросительные и относительные местоимения») приводится информация о том, что «вопросительные местоимения *кто* и *что* не изменяются по родам и числам» [Баранов, Ладыженская, Тростенцова и др. 2015: 72]. При этом ничего не говорится об отсутствии рода и числа у местоимения *сколько*, которое рассматривается в том же параграфе. Это значит, что вывод об отсутствии у местоимения *сколько* категорий рода и числа можно предложить сделать самим учащимся.

В этом же учебнике приводится схема морфологического анализа местоимения, в которой встречается формулировка «падеж (если есть)» [Там же: 95]. Данная схема

дублируется и в учебнике для IX класса [Тростенцова, Ладыженская, Дейкина, Александрова 2014: 198]. В связи с этим можно поставить перед учащимися вопрос: а может ли вообще местоимение (как и любая именная часть речи) стоять «в никаком» падеже?

Особым типом творческой и одновременно аналитической работы может стать задание под условным названием «Употреби иначе», связанное с выявлением омонимии и многозначности единиц языка. На олимпиадах часто встречаются различные вариации этого задания. Олимпиадные вопросы могут звучать, например, так:

Представьте, что слово *какаду* — это глагол в форме 1-го лица единственного числа. Проспрягайте этот глагол и укажите его инфинитив и спряжение. Аргументируйте свой ответ; Сколько значений может иметь предложение «Он вынул трубку из глины»? Опишите синтаксическое различие полученных конструкций и т.п. [см.: Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку, задания, Электронный ресурс].

Подобные вопросы можно и нужно предлагать детям и на обычных уроках. Например, если в упражнении приводится слово *тихо* в значении слова категории состояния (*В комнате было тихо*), то можно предложить употребить это слово в значении краткого прилагательного (*Пение было тихо*) и наречия (*Он говорил тихо*). Еще больше возможностей для «грамматического творчества» дает слово *один*, которое может выступать в роли числительного, неопределенного местоимения, наречия, прилагательного, существительного, ограничительно-выделительной частицы. Ср.: *Он нашел один гриб* = 1 штуку; *Один человек сказал, что ты хорошо поешь* = кое-кто, кто-то; *На рыбалку он всегда ходит один* = в одиночку, одиноко; *Они были одного роста* = одинакового, равного; *Один в поле не воин* = одиночка; *Один ты отказался помочь* = только, лишь. Приведенные нами примеры относятся к области морфологии, но аналогичные задания можно предложить на уровне фонетики, словообразования, лексики, синтаксиса.

Таким образом, подготовка к олимпиадам по русскому языку может стать частью обычных школьных уроков. «Олимпиадное» мышление, сочетающее в себе рациональный и интуитивный путь поиска решения,

нужно, очевидно, не только сильным ученикам, постоянным «олимпиадникам», но и, в той или иной степени, всем учащимся. Формированию «олимпиадного» мышления, как показывает опыт нашей работы с одаренными школьниками, способствует введение фактов современного языка в контекст закономерностей и тенденций его исторического развития; уместное сообщение фоновой информации для возможности построения аналогий и ассоциаций; критически-творческое отношение к содержанию учебников.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. и др. Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций с прил. на электрон. носителе: в 2 ч. / науч. ред. Н.М. Шанский. — М., 2015. — Ч. 2.
- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. — М., 2001.
- Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку, задания // Olimpiada.ru. — 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://olimpiada.ru/activity/80/tasks> (дата обращения 12.02.2018).
- Головин Б.Н. Введение в языкознание. — М., 1977.
- Долженко А. Нужен опыт олимпиад и олимпиадное мышление // Всероссийская олимпиада школьников «Экономика» в ГУ—ВШЭ 2009. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hse.ru/data/693/851/1239/brosch4.pdf> (дата обращения 20.10.2017).
- Кипнис М. 10 лайфхаков по русскому языку от многократной победительницы филологических олимпиад // Olimpiada.ru. — 2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://olimpiada.ru/article/731> (дата обращения 12.02.2018).
- Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Л.А. и др. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. организаций с прил. на электрон. носителе: в 2 ч. / науч. ред. Н.М. Шанский. — М., 2015. — Ч. 1.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. — М., 2011.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. — М., 2007.
- Серебренников Б.А. Законы развития языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 159–160.
- Тростенцова Л.А., Ладыженская Т.А., Дейкина А.Д., Александрова О.М. Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / науч. ред. Н.М. Шанский. — М., 2014.
- Черниговская Т.В. Штурм мозга // Эксперт Online. — 2006 [Электронный ресурс]. — URL: <http://expert.ru/northwest/2006/20/chernigovskaya/> (дата обращения 20.10.2017).
- Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. et al. Russkii yazyk. 6 form. Textbook for general ed. organizations enclosing by electronic media: in 2 p., science ed. N.M. Shanskii, Moskva, 2015, p. 2.
- Valgina N.S. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke, Moskva, 2001.
- Vserossiiskaya olimpiada shkol'nikov po russkomu yazyku, zadaniya, at Olimpiada.ru, 2017, available: <http://olimpiada.ru/activity/80/tasks> (12.02.2018).
- Golovin B.N. Vvedenie v yazykoznanie. — M., 1977.
- Dolzhenko A. Nuzhen opyt olimpiad i olimpiadnoe myshlenie, in Vserossiiskaya olimpiada shkol'nikov «Ekonomika» v GU—VShJe, 2009, available at: <https://www.hse.ru/data/693/851/1239/brosch4.pdf> (20.10.2017).
- Kipnis M. 10 laifhakov po russkomu yazyku ot mnogokratnoi pobeditel'nitsy filologicheskikh olimpiad, at Olimpiada.ru, 2017, available at [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://olimpiada.ru/article/731> (12.02.2018).
- Ladyzhenskaya T.A., Baranov M.T., Trostentsova L.A. et al. Russkii yazyk. 5 form. Textbook for general ed. organizations enclosing by electronic media: in 2 p., science ed. N.M. Shanskii, Moskva, 2015, p. 1.
- Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku, Moskva, 2011.
- Popova Z.D., Sternin I.A. Obshhee yazykoznanie, Moskva, 2007.
- Serebrennikov B.A. Zakony razvitiya yazyka, in Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar'. Chief ed. V.N. Yartseva, Moskva, 1990, pp. 159–160.
- Trostentsova L.A., Ladyzhenskaya T.A., Deikina A.D., Aleksandrova O.M. Russkii yazyk. 9 klass. Textbook for general ed. organizations, science ed. N.M. Shanskii, Moskva, 2014.
- Chernigovskaya T.V. Shturm mozga, at Ekspert Online, 2006, available at: <http://expert.ru/northwest/2006/20/chernigovskaya/> (20.10.2017).

Виды сочинений в формате ОГЭ по русскому языку: стилевые и жанровые характеристики (Статья 2)

В статье рассматривается такое речевое произведение школьного учебно-творческого дискурса, как сочинение-рассуждение по фрагменту текста в формате ОГЭ по русскому языку (15.2); обстоятельно разбираются особенности его стилевой и жанровой реализации, а также формулировки темы и тезиса. Предлагаются рекомендации по предупреждению типичных ошибок при написании сочинения обучающимися; дается его образец, сопровождаемый аналитическим комментарием.

Ключевые слова: *сочинение-рассуждение по фрагменту текста; научно-публицистический стиль; филологический анализ; жанр; филологический этюд; рассуждение-размышление; рекомендации по написанию и оформлению сочинения.*

Galina A. Bochkareva, Tatyana N. Dorozhkina

Kinds of Composition in the Format of the Basic State Examination on Russian Language: Style and Genre Characteristics (Article 2).

The article considers such genre of school educational and creative discourse as the argument composition on the text fragment in the format of the basic state examination on Russian language (15.2); carefully explains the special aspects of style and genre realizations, and also theme and thesis definitions. It is offered the typical mistakes prevention tips during writing the composition. The example with the analytic comment is given.

Key words: *argument composition on the text fragment; scientific-journalistic register; philological analysis; genre; philological essay; reasoning-thinking; recommendations on writing and presentation of composition.*

В настоящей статье в центре нашего внимания — сочинение-рассуждение по фрагменту текста в формате ОГЭ по

русскому языку и прежде всего — его стилевые и жанровые особенности.

Данное сочинение создается в рамках научно-публицистического стиля. Этот тезис можно аргументировать следующим образом.

Во-первых, в творческом задании 15.2 изначально заложена установка на объективную интерпретацию текстового фрагмента, т.е. в нем должна быть реализована цель — поиски смысла. По сути, ученик строит эвристический дискурс, обсуждая проблему, решение которой связано с поиском истины — правильной интерпретации анализируемого высказывания. Объективная интерпретация требует хотя бы элементарного научного подхода к анализу предложенного исходного текста.

Так, для того чтобы извлечь из авторского текста информацию, объективно заложенную в нем, необходимо соблюдать общенаучный принцип системности: каждый элемент системы (а любой правильно построенный текст — это тоже система) рассматривается не сам по себе, а как часть целого. Элементами текстовой системы являются и слово, и предложение, и высказывание, и абзац, и сложное синтаксическое целое — каждый из этих элементов есть фрагмент текста. Чаще всего, однако, в задании 15.2 для рассмотрения предлагается абзац, и ученик при восприятии текста

Галина Александровна Бочкарева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: rusilit@mail.ru

ГАУ ДПО Институт развития образования Республики Башкортостан
ул. Мингажева, д. 120, Уфа, 450005, Республика Башкортостан, Россия

The Institute of education development of the Republic of Bashkortostan

120 Mingazheva str., Ufa, 450005, Republic Of Bashkortostan, Russian Federation

Татьяна Николаевна Дорожкина, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы

E-mail: rusilit@mail.ru

ГАУ ДПО Институт развития образования Республики Башкортостан
ул. Мингажева, 120, Уфа, 450005, Республика Башкортостан, Россия

The Institute of education development of the Republic of Bashkortostan

120 Mingazheva str., Ufa, 450005, Republic Of Bashkortostan, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Бочкарева Г.А., Дорожкина Т.Н. Виды сочинений в формате ОГЭ по русскому языку: стилевые и жанровые характеристики (Статья 2) // Русский язык в школе. — 2018. — № 6. — С. 8–12. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-8-12.

обязательно должен уметь связывать этот фрагмент с содержанием всего прочитанного им произведения.

Во-вторых, воспринимая содержание текста, осмысливая его, нельзя обойтись без опоры на такие общенаучные методы, как анализ и синтез. Анализируя текст, ученик выявляет ключевые слова, дифференцирует информацию на основную и второстепенную, определяет для себя тему текста и его главную мысль, а также смысл предложенного для интерпретации фрагмента, находит нужные примеры-аргументы. Операции синтеза предполагают сведение в единое целое данных, добытых анализом.

Вместе с тем в сочинении необходимы оценка того, о чем говорится в тексте, и соответствующий эмоциональный отклик. Таким образом, должна быть реализована и функция воздействия — функция публицистического стиля.

Черты *публицистического* стиля в сочинении определяются апелляцией (в подтексте) к адресату, желанием воздействовать на него. Рассуждая о предложенном для анализа тексте и его фрагменте, ученик вместе с тем должен выразить свое эмоционально-оценочное отношение к прочитанному, дать свои ответы на вопросы: «Какой отклик вызывают у него как у читателя герои или события, описанные автором? В чем он видит положительное (или отрицательное) в поведении героев? Какие нравственные оценки он им выносит?» Тем самым он выражает собственное видение и понимание ситуации, изображаемой автором художественного произведения (для написания сочинения 15.2 предлагаются фрагменты художественных текстов). Такая целевая установка предполагает речевые

действия «похвала»/«порицание» и реализуется при построении эпидейктического дискурса, цель которого — выразить свое видение (понимание) добра и зла, прекрасного и постыдного (см.: [Михальская 1996: 57–58]).

Свои оценки ученик выражает открыто и аргументирует примерами из исходного текста, что также предполагает воздействие на адресата речи. Совершенно очевидно, что декларативность позиции в сочетании с экспрессивностью речи — характерные признаки публицистического стиля.

В целом функцию такого сочинения можно охарактеризовать как воздействие и сообщение научно достоверной информации и реализовать ее можно только в рамках научно-публицистического стиля.

Вопрос о жанровой принадлежности сочинения-рассуждения по фрагменту текста в методической литературе не рассматривался, что, на наш взгляд, является досадным пробелом в теории и практике преподавания русского языка (как в школе, так и в вузе).

Мы предлагаем квалифицировать жанр данного сочинения как *филологический этюд*. Подобно сочинению на лингвистическую тему, оно невелико по объему; является научно-публицистическим произведением, посвященным частному вопросу. Поскольку главное для него — осмысление фрагмента текста в связи со всем его целым, то характер работы, безусловно, имеет *филологическую* направленность. Именно поэтому жанр сочинения, создаваемого по фрагменту текста, целесообразно определить как филологический этюд. Различные характеристики этого жанра иллюстрирует приводимая ниже таблица.

Филологический этюд: анкета жанра

Таблица 1

Параметры анкеты	Их характеристика
Коммуникативная цель	Осмысление фрагмента исходного текста с опорой на текст в целом (поиски смысла)
Функция	Сообщение и воздействие в соединении с аналитической функцией
Содержание	Рассуждение о смысле фрагмента текста; оценка выявленного смысла и ее обоснование (примеры-аргументы)
Языковые особенности	Характерно соединение черт двух стилей — <i>публицистического</i> (книжная и отвлеченная лексика, слова и устойчивые обороты речи с публицистической стилистической окраской, образительно-выразительные языковые средства и приемы) и <i>научного</i> (общенаучные термины, термины филологии, «мы» научное и др.). В основе — научно-публицистический стиль
Ведущие стилистические черты	Публицистичность (декларация авторских оценок), аналитичность, логичность, конкретность, аргументированность, экспрессивность, эмоциональность

По типу речи сочинение представляет собой рассуждение-размышление: развитие темы организуется как движение мысли в ее противоречиях, сомнениях и раздумьях, направленных на поиски истины, которая еще далеко не очевидна. В этом случае автор как бы предлагает адресату пройти вместе с ним извилистый путь, ведущий к истине.

Как в любом рассуждении, здесь тоже выделяются три совершенно обязательные части: тезис, доказательство и вывод.

Предметом анализа в задании 15.2 являются поступки, взгляды, переживания главного героя, связанные с тем или иным событием, которое описывается в исходном тексте. Кроме того, из сочинения должно быть понятно, совпадают ли точки зрения ученика и автора. Важно и то, какой свой смысл нашел девятиклассник в произведении автора, ведь при чтении художественного произведения совершенно необходимо выработать собственное отношение к содержанию текста и выразить его.

Особенностью работы над сочинением 15.2 является и то, что ученик *самостоятельно* формулирует тему сочинения и его основную мысль, проанализировав предложенный фрагмент и выделив в нем ключевые слова.

Как правило, для интерпретации чаще предлагается *финал текста*, в котором акцентируется основная мысль исходного текста, всегда связанная с основным событием и главным героем (героями). Именно поэтому нужно обратить внимание на состояние персонажа (рассказчика), подумав, в чем причина такого состояния, как (какими языковыми средствами и художественными приемами) оно выражается, как характеризует героя. Подчеркнем: при простом пересказе исходного текста работа считается невыполненной и оценивается нулем баллов.

Исходя из вышесказанного, можно предложить следующий план работы над филологическим этюдом:

- 1) внимательно прочитайте исходный текст;
- 2) вдумчиво прочитайте предложенный для анализа фрагмент этого текста;
- 3) выделите ключевые слова фрагмента;
- 4) осмыслите содержание фрагмента как части исходного текста в целом;
- 5) исходя из понимания фрагмента в соотношении с предложенным текстом, сформулируйте тезис (основную мысль) — далее

именно она будет доказываться двумя примерами-аргументами;

6) найдите в предложенном тексте два примера-аргумента, иллюстрирующих тезис (основную мысль), и введите их в текст сочинения (допустимо цитирование или указание номеров предложений);

7) при развитии темы на разных ее этапах используйте языковые средства, выражающие отношение к предмету речи;

8) сделайте вывод, обобщающий размышления о смысле фрагмента текста.

Как показывает практика, наиболее удобна следующая схема сочинения:

1. Тезис сочинения.
2. Комментарий к тезису.
3. Первый пример-аргумент из прочитанного текста.
4. Второй пример-аргумент из прочитанного текста.
5. Вывод (обобщение по собственному рассуждению ученика).

В композиционном отношении в сочинении по фрагменту текста возможное минимальное число абзацев — четыре, но их может быть и пять, если каждый аргумент оформить как самостоятельный абзац.

Опираясь на опыт экспертной проверки сочинений, целесообразно предложить некоторые рекомендации, касающиеся написания и оформления этого вида сочинения.

1. Фрагмент исходного текста, на основе которого выполняется задание 15.2, переписывать не рекомендуется, особенно, если он большой по объему и включает в себя несколько предложений. Количество слов, входящих в него, в объем сочинения при оценивании не включается. Кроме того, при переписывании фрагмента ученики часто допускают разного рода ошибки, что ведет к снижению баллов за грамотность по критериям ГК1—ГК3.

2. Вместо ненужного переписывания следует сформулировать тему данного для анализа фрагмента и тезис сочинения, который в нем ученик утверждает и доказывает.

3. В самом начале сочинения целесообразно не только охарактеризовать тему исходного текста, но и дать его атрибуцию — указать автора, апеллируя к той информации, которая сообщается о нем составителями КИМов. Работы, в которых автор даже не упоминается, нельзя считать корректными.

4. Необходимо также помнить, что для анализа предлагается не целостный текст

(рассказ, повесть, роман и т.п.), а только часть произведения, поэтому определить его жанр не представляется возможным — всегда есть риск совершить фактическую ошибку. Для обозначения исходного текста следует использовать следующий словесный ряд: *текст, исходный текст, произведение, художественное произведение, литературное произведение* и т.п.

5. В сочинении этого вида выглядит нелепым суждение *Я (полностью) согласен / не согласен с автором*. Подобное высказывание совершенно не согласуется с установкой на осмысление текстового фрагмента; кроме того, его авторская интерпретация не представлена — она есть в подтексте и формируется всем текстом в целом.

6. Приводя примеры-аргументы, ученик может написать только номер предложения, которое доказывает высказанное им понимание смысла фрагмента. Номер указывается без скобок, без кавычек, без знака № (номера), без сокращения слова *предложение* (например: *предложение 5*).

7. Если аргументация связана с анализом и комментированием образительных средств, то нужно выписать фрагмент предложения, содержащий тот художественный прием, о котором идет речь (например: фрагмент предложения, где есть эпитет, или метафора, или сравнение, или фразеологизм и т.д.).

В заключение приведем корректный пример воплощения жанра *филологический этюд*, а также комментарий к нему.

Задание 15.2

Объясните, как вы понимаете смысл предложений 18–22: «— И-и, милый, — ответила тетя Груня сердито. — Кабы люди за все друг с дружкой рассчитывать принялись, весь бы мир в магазин превратили. Храни нас Бог от этого магазина! Тогда уж добро изничтожится! Не станет его».

Сочинение

Для истолкования нам предложен фрагмент текста, в котором его автор, А.А. Лиханов, рассказывает о замечательной русской женщине тете Груне. Работая во время войны в госпитале «не санитаркой, не медсестрой, а вахтершей», она помогает раненым не по долгу службы, а по велению сердца, не за плату, а бескорыстно.

Предложения 18–22 — это слова тети Груни, в которых выражено ее понимание жизни, понимание того, как людям следует относиться друг к другу. Платить за покупки и услуги нужно только в магазине, а человеческие отношения

должны быть проникнуты теплотой, добротой, сердечностью. Люди нуждаются в сострадании и милосердии, стремление же только к выгоде, корыстолюбие несовместимы с этими лучшими человеческими качествами.

Мы не можем не согласиться с такой точкой зрения: в ней утверждается человечность как подлинная духовная ценность.

Убеждения тети Груни проявляются в ее поступках: каждый день после дежурства она поднимается в палаты к раненым и ухаживает за ними: ходит, взбивая им подушки; кому водички подаст, кому подоткнет одеяло, кому компресс поставит на жаром пышущий лоб. Никто не просит об этом тетю Груню. Она сама понимает, что идет война и что «люди нуждаются в сострадании больше, чем в хлебе».

Доброта и великое желание тети Груни спасти тяжело раненного солдата Алексея Пряхина помогли ему победить боль и выжить. Она не только ухаживала за ним в госпитале, но и после выписки поселила его в своем доме до полного выздоровления. Ей не надо было никакой платы. Она радовалась: Алексей Пряхин вернулся к жизни.

Мы видим, что поступки тети Груни совершенно бескорыстны и продиктованы только милосердием. Вот таким и должен быть человек, чтобы добро в нашем мире не «изничтожилось».

Приведенное сочинение с полным основанием можно считать филологическим этюдом. В нем реализована целевая установка — интерпретация смысла фрагмента художественного текста, или, иначе, истолкование высказывания, предложенного для размышления. Оно создано как итог *филологической* работы со всем исходным текстом: объяснение жизненной позиции героини тесно увязано с описанием и оценочной характеристикой ее поступков.

Композиция сочинения характеризуется правильным расположением и соотношением содержательных частей:

- характеристика фрагмента как неотъемлемой части исходного текста;
- объяснение того, как ученик понимает содержание фрагмента, предложенного для написания сочинения; эта часть сочинения является тезисом, который далее развивается и обосновывается примерами-аргументами;
- первый пример-аргумент из исходного текста подтверждает приведенную в сочинении характеристику героини: перечисляются ее поступки и действия, свидетельствующие о милосердии и желании помочь раненым в госпитале;

• второй пример-аргумент из исходного текста, объясняющий содержание предложенного фрагмента, представляет собой описание того, как тетя Груня выходила тяжело раненного Алексея Пряхина;

• заключение, построенное как итог рассуждений и аргументации ученика.

В сочинении верно определено противопоставление, являющееся основой мировоззренческой позиции героини: «магазинный» мир — мир человеческих отношений. В соответствии с этим выстроены противопоставленные ряды соответствующих ключевых слов: *выгода, корыстолюбие — доброта, сострадание, милосердие*.

В сочинении отражается умение использовать филологические термины: *истолкование* (в значении «семантизация»), *текст, автор текста, предложение, слово*.

Есть в сочинении общекижские лексические элементы и характерные для публицистического стиля обороты речи: *точка зрения, по долгу службы, по велению сердца*; особенно частотны в нем слова с абстрактным значением (отвлеченной семантикой): *доброта, теплота, сердечность, сострадание, милосердие, корыстолюбие, желание, качество, добро*.

Целесообразно используются в сочинении глагольные формы, представляющие «авторское мы», что наблюдается чаще всего в научном стиле: *Мы не можем не согласиться, мы видим*.

Синтаксис сочинения достаточно богат; в нем есть весьма разнообразные конструкции: простые предложения (в том числе с осложнением), предложения сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные. Рассуждение как тип речи почти всегда требует использования таких видов сложноподчиненных предложений, как предложения с придаточными изъяснительными, причины, следствия, цели. Есть они и в этом сочинении: *Она сама понимает, что идет война и что «люди нуждаются в сострадании больше, чем в хлебе»; Вот*

таким и должен быть человек, чтобы добро в нашем мире не «изничтожилось».

Отмеченные особенности позволяют сделать вывод о «двойственном» стилистическом характере сочинения. С одной стороны, в нем есть особенности организации текста, свойственные публицистическому стилю; с другой стороны, обнаруживаются определенные качества стиля научного — ряд свойственных ему морфологических и лексико-синтаксических примет. Таким образом, характерные стилевые черты сочинения — объективность, аналитичность, логичность, аргументированность, но вместе с тем — публицистичность, экспрессивность, эмоциональность, выразительность. Все это дает основание квалифицировать стиль данного сочинения как научно-публицистический.

На ОГЭ сочинение девятиклассника, выполнившего задание 15.2, позволяет проверить его умение самостоятельно интерпретировать (истолковывать, разъяснять, раскрывать) смысл текстового фрагмента. Это умение — одно из главных для смыслового чтения, без него невозможно извлечение информации, особенно концептуальной, выраженной в художественном произведении преимущественно имплицитно (неявно, в подтексте). Оно чрезвычайно важно в системе универсальных учебных действий, поскольку навыки смыслового чтения — ключ к корректному и глубокому пониманию любого текста.

ЛИТЕРАТУРА

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10–11 классов общеобразоват. учреждений. — М., 1996.

REFERENCES

Mikhal'skaya A.K. Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo: ucheb. Guidebook for 10–11 form learners of general ed. organizations, Moskva, 1996.

Риторические нормы устной научной речи

Данная статья посвящена научному докладу как жанру устной научной речи. Автор определяет цель научного доклада, его структуру и функции, рассматривает речевые формулы как средство организации доклада и соблюдения речевого этикета.

Ключевые слова: *научный доклад; риторические нормы устной речи; этикетные нормы; адресат-эксперт; приемы орализации.*

Nadezda N. Shpil'naya

Rhetorical Norms of the Oral Scientific Speech.

The article is dedicated to the scientific report as the genre of the oral scientific speech. The author determines the purpose of the report, its structure and functions, considers the speech formulae as the mean of report organization and compliance of speaking etiquette.

Key words: *scientific report; rhetorical norms of the oral speech; etiquette norms; expert receiver; oralization procedures.*

Цель статьи — охарактеризовать риторические нормы устной научной речи. Специфика риторических норм устной научной речи определяется противоречием между требованиями к ее содержанию и к форме изложения. Противоречивый характер устной научной речи обусловлен прежде всего стандартизованностью научного сообщения и его ориентацией на конкретную целевую аудиторию — специалистов, знакомых с проблематикой данной научной области.

Ключевыми для нас являются следующие положения: 1) риторические нормы устной научной речи сопряжены с жанровыми особенностями научного доклада; 2) риторические нормы устной научной речи обусловлены экстралингвистическими факторами, сопутствующими созданию

научного доклада; 3) риторические нормы устной научной речи определяются владением приемов орализации и невербальными средствами установления и поддержания контакта с аудиторией.

Как известно, одним из жанров устной научной речи является научный доклад. Доклад — это публичное сообщение на определенную тему. Как известно, научные доклады произносятся на конференциях, семинарах, т.е. в ситуации публичного, официального общения. В методической литературе принято различать научно-проблемный и научно-реферативный доклады. Научно-реферативные доклады содержат обобщение научных фактов и достижений, а научно-проблемные — сообщают новую информацию, результаты научного исследования. Понятно, что в условиях научных конференций, симпозиумов и семинаров эффективными будут являться научно-проблемные доклады, ориентированные на решение конкретной научной проблемы.

Научный доклад — это подготовленный устный научный текст, обладающий четкой композицией и жанровой оформленностью, включающий черты устной научной речи.

При подготовке научного доклада необходимо ответить на следующие вопросы:

1) зачем я это буду говорить (какова цель научного доклада);

2) кому я это буду говорить (тип аудитории);

Надежда Николаевна Шпильная, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

E-mail: venata85@mail.ru

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

ул. Молодежная, д. 55, г. Барнаул, 656031, Россия

Altai State Pedagogical University

55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Шпильная Н.Н. Риторические нормы устной научной речи // Русский язык в школе. — 2018. — № 6. — С. 13–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-13-15.

3) что я буду говорить (каково содержание научного доклада);

4) как я буду говорить (языко-речевое оформление научного доклада).

Цель научного доклада — сообщить информацию на определенную тему, обеспечить активное логическое мышление слушателей и добиться ее (информации) усвоения. Важно, что цель сообщения определяется не фактором содержания, а фактором аудитории. Это означает, что для адресатов-экспертов важно понять не содержание речи, а логику исследования, скорее, логику научно-исследовательского мышления докладчика.

Известно, что научные доклады произносятся в ситуации публичного, официального общения. Официальный характер научного доклада предполагает, во-первых, соблюдение этикетных норм речевого общения (приветствие, благодарность и пр.), во-вторых, ориентацию на адресата-эксперта и, в-третьих, стандартизованность содержания, задаваемую параметрами научно-исследовательской работы.

Соблюдение этикетных норм речевого общения проявляется в правилах приветствия аудитории (*Уважаемые... Вашему вниманию предлагается доклад на тему...*), в наличии спокойного, доброжелательного тона, в соблюдении принципа вежливости, в умении поблагодарить за вопросы (*Спасибо за вопрос... Если я Вас правильно понял(а)...*).

Адресатом научного доклада являются специалисты, знакомые с проблематикой конкретной научной области, т.е. аудитория, ориентированная на содержание речи, на то, о чем говорится в сообщении. Ориентированность адресата на содержание речи предполагает от докладчика умения структурировать сообщение.

Структура научного доклада, конечно, зависит от его содержания, но определяется прежде всего фактором аудитории.

Содержание научного доклада задается параметрами научно-исследовательской работы. В докладе формулируются проблема, актуальность работы, ее новизна, обозначаются объект, предмет, методы и материал исследования, излагаются его основные результаты. Однако при произнесении речи необходимо не просто озвучить составные части научного исследования, необходимо продемонстрировать путь «от мысли к слову», или от проблемы к результатам. Для эксперта важно понять новизну исследовательской работы докладчика.

Поэтому целесообразно начинать выступление с формулировки проблемы (противоречие в изучении объекта), демонстрации актуальности решения данной проблемы (*Зачем это нужно изучать?*). Важно показать противоречие в изучении объекта исследования и тем самым сформулировать гипотезу (*Чем можно объяснить данное противоречие?*), предмет и цель исследования.

Далее следует перейти к характеристике основных результатов исследования. Таким образом, адресат-эксперт увидит в работе оппозицию аспектов представления объекта (изучали так, в таком аспекте — вы предлагаете другой аспект), новизну исследования (*что нового вы предлагаете*) и его практическую значимость (*где это может быть использовано*).

Завершающая фраза доклада должна быть исчерпывающе информативной. В заключении можно обозначить практическую значимость исследования, его перспективы. Более традиционным является суммирующее заключение, в котором обобщаются результаты работы (*Таким образом, цель / гипотеза...*).

Если по содержанию научный доклад — это именно научный текст, то по *форме представления* — это *устный публичный текст*, время произнесения которого ограничено (7–8 мин.).

Устный характер предъявления научного доклада предполагает владение техникой устной речи, техникой работы над речевой формой выступления. Это нужно для того, чтобы текст был удобен для устного воспроизведения и для восприятия на слух.

И.А. Стернин выделяет следующие приемы орализации, т.е. приемы «превращения письменного текста в устный»: разговорность стиля, простота изложения, конкретность лексики, выразительность речи.

Разговорность стиля проявляется в использовании разговорной интонации — интонации рассказа. Простота изложения — в использовании понятных для аудитории слов и выражений, простых синтаксических конструкций. Как отмечает И.А. Стернин, в выступлении целесообразно избегать длинных сложноподчиненных предложений, развернутых причастных оборотов, так как все эти конструкции плохо воспринимаются на слух. Что касается использования цифровых данных, то необходимо соблюдать следующие правила: цифры лучше округлять (*В 20-х гг. XX в. и пр.*), статистические данные необходимо давать

в сравнении или в пропорции (*в 2 раза больше / меньше*) [Стернин 2003]. При произнесении речи можно использовать риторические вопросы (*Что из этого следует?*), перечислительные ряды (*Во-первых, во-вторых...*). Выразительность речи проявляется в умении выделять голосом отдельные смысловые блоки, в отсутствии монотонности изложения.

Обобщая сказанное, обозначим основные риторические нормы устной научной речи: доступность, диалогичность и этикетное оформление.

Доступность научной речи проявляется в использовании понятных для адресата слов и выражений, простых синтаксических конструкций, использовании пауз при произнесении речи, разговорной (повествовательной) интонации.

Диалогичность научной речи обнаруживается в использовании контактоустанавливающих (риторические вопросы, адресация к слушателям — *мы*, «оппонирование» своего выступления) и метаязыковых речевых действий (*В начале своего выступления мы бы хотели обратить внимание на...; Повторим еще раз...; во-первых...*).

Этикетное оформление речи предполагает использование специальных фраз,

открывающих и завершающих процесс общения, создание атмосферы доброжелательности и профессионального общения.

К риторическим нормам устной научной речи относят и нормы невербального поведения: зрительный контакт (целесообразно разбить аудиторию на сектора и переводить взгляд от одного сектора к другому в процессе выступления), наличие пауз (произнесение слов блоками от 5 до 7 слов), демонстрация уверенности (открытая поза, стоите свободно, прямо, голос четкий).

Таким образом, при подготовке устного научного доклада необходимо учитывать его жанровые особенности, экстралингвистические факторы (ситуация, тип адресата), оказывающие влияние на формально-содержательное оформление текста выступления, использовать приемы орализации и невербальные средства, позволяющие установить и поддержать контакт с аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

Стернин И.А. Практическая риторика. — М., 2003.

REFERENCES

Sternin I.A. Prakticheskaya ritorika, Moskva, 2003.

Уважаемые авторы!

Статья, подготовленная для журнала, должна содержать:

1) титульный лист, в который входят:

- а) название статьи, которое должно быть информативным и достаточно кратким (аббревиатуры не допускаются);
- б) ФИО всех авторов с адресами электронной почты каждого автора;
- в) полное название учреждения(ний), откуда представляется работа, и его местонахождение;

2) аннотацию (основная и наиболее читаемая часть работы, основывающаяся на фактах) без аббревиатур и сокращений; ее текст должен быть структурированным и состоять из четырех обязательных разделов:

- а) цель исследования;
  - б) методы;
  - в) изложение основных полученных результатов;
  - г) краткие выводы исследования, основанные на собственных результатах;
- 3) ключевые слова** (не более 10), способствующие индексированию статьи в информационно-поисковых системах;
- 4) список источников и литературы** должен включать в себя все работы, использованные автором.

Все эти части статьи приводятся также **на английском языке (список литературы дается в транслитерации)**.

Объем статьи не должен превышать 12–14 страниц (кегль 14 через 1,5 интервала), а список цитируемой литературы должен содержать не менее 8–10 наименований.

Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки, фамилия автора отделяется от года издания пробелом, номер цитируемой страницы указывается через двоеточие, например: [Смирнов 2010: 73]. Если в квадратных скобках одновременно приводятся ссылки на несколько источников, они разделяются точкой с запятой: [Елизаров 2005: 84; Хомяков 2011: 25]. Ссылки на интернет-источники обязательно включают указание «Электронный ресурс»: [Сидоров 2008, Электронный ресурс].

Список источников и литературы должен включать в себя все работы, использованные автором. Каждая ссылка должна содержать следующие пункты: автор/авторы, заглавие, место издания, год издания. Также указываются редактор, составитель, переводчик и т.п. Между областями описания ставится разделительный знак «точка и тире». Список литературы составляется в алфавитном порядке. Названия журналов, в которых опубликованы цитируемые источники, даются без сокращений, например: Русский язык в школе. — 2012. — № 4. — С. 24–28; Вопросы языкознания. — 2015. — № 1. — С. 38–45. Ссылки на интернет-ресурсы приводятся в общем списке литературы по автору или заглавию публикации с обязательным указанием адреса сайта, где эта публикация размещена, и датой ее размещения или датой последней проверки наличия ресурса, например:

Белоус Н.А. Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2006. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (дата обращения: 15.12.2007).

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на источники и литературу.

Письменная речь студентов в цифровой образовательной среде

Статья посвящена особенностям письменной речи в современной цифровой культуре. На примере анализа письменных высказываний студентов в образовательной среде Moodle определены характерные тенденции развития письменной формы речи. Автор предлагает использовать лингвистические данные в обучении русскому языку и методике развития речи.

Ключевые слова: *письменная речь; связная речь; цифровая коммуникация; корпус речи; текст; коммуникативные умения.*

Mariya V. Gorbunova

Students Written Speech in the Digital Educational Environment.

The article is dedicated to the special aspects of written speech in the modern digital culture. The specific tendencies of written form of speech development are determined on the base of analysis of students' written entries in MOODLE. The author suggests using the linguistic facts in Russian language teaching and speech development methodology.

Key words: *written speech; coherent speech; digital communication; speech body; text; communicative skills.*

Среди большого количества научных работ, посвященных письменной речи студентов, немного исследований, в которых анализируются новые факты, характерные для письменных высказываний современной молодежи. При этом совершенно очевидно, что использование, например, цифровых технологий в образовании не проходит бесследно: меняются механизмы чтения, письма и текстовой деятельности в целом. Определить характер этих изменений — цель данной статьи.

Зарубежные ученые в ряде экспериментов по чтению текстов доказали, что «механизмы человеческой памяти адаптируются к появлению новых компьютерных и коммуникационных технологий» [Sragow 2011: 778]. Вероятно, существуют и некоторые изменения в сфере письменной речи. В практической деятельности с этим

сталкивается любой преподаватель русского языка. Однако скорректировать методику обучения не всегда удастся. Зачастую это связано с отсутствием необходимых лингвистических сведений об особенностях современной письменной речи. Ее специфика проявляется именно в цифровой коммуникации, например при создании текстов в образовательной среде Moodle.

Вместе с тем возможность зафиксировать языковые факты существует. Описательный аппарат корпусной лингвистики позволяет проводить многоаспектный анализ текстов на базе живой речевой практики общения. Даже на примере небольшого корпуса письменных высказываний студентов выявляются новые типичные тенденции в функционировании письменной речи. Рассмотрим некоторые из них.

В процессе обучения студенты I курса Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета (МПУ) написали 143 текста в системе Moodle. Студенты выполняли одно письменное задание. Общий объем высказываний, обработанный морфологическим анализатором русскоязычных текстов Rymystem3, составил 14 149 слов. Анализатор не смог определить морфологические характеристики слов в 30 позициях (например, при написании слов латиницей). В ряде случаев проявилась неверная интерпретация единого графического комплекса как нескольких слов. Проведенная коррекция единиц корпуса предполагала упрощение следующих позиций:

Мария Владимировна Горбунова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры риторики и культуры речи, Институт филологии

E-mail: tashagorbunova88@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Горбунова М.В. Письменная речь студентов в цифровой образовательной среде // Русский язык в школе. — 2018. — № 6. — С. 16–18. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-16-18.

– индексация фамилий и инициалов как трех слов (коррекция: *И.С. Тургенев* = 1 ед.);

– устойчивые графические сокращения как нескольких слов (коррекция: *и т.д.* = 1 ед., *XIX в.* = 1 ед.);

– отаббревиатурные суффиксальные производные как единицы, утратившие в современном русском языке свою внутреннюю форму, которая, однако, «оживает» в письменной коммуникации: ср. англ. *short message service* – «услуга коротких сообщений» (коррекция: *СМСки* = 1 ед.);

– слова, в написании которых используется латиница (коррекция: *WhatsApp* = 1 ед.; *sim-карта* = 1 ед.).

В результате проведенной коррекции языковых единиц объем письменных высказываний студентов в Moodle составил 14 111 слов. На основании собранного языкового материала были проанализированы орфография, лексика и синтаксис текстов учебной речи.

В число особенностей орфографии и графики письменных ответов студентов входит употребление буквы *ё*. На 14 111 слов приходится 65 случаев ее появления в следующих словах:

берём, ведёт (2), влечёт, времён, всё (11), (во) всём, всё-таки, даёт, днём, её (5), ещё (5), займёт, идёт (3), лёгких, лёгкой, молодежи, молодёжный, молодёжь (4), (в) нём (4), определённых, осведомлённое, отдалённой, перестает, пойдём, поймём, придётся, причём, своё (2), слоёв, совершённые, сокращённые, сокращёнными, счёт, твёрдо, чётко, щёки.

При этом только в единичных случаях использование буквы *ё* выполняет смысло-различительную функцию (ср.: *совершенные* и *совершённые*; *все* и *всё*), например:

Это долг гражданина Российской Федерации. Однако, сейчас мы *всё* чаще и чаще забываем об его исполнении¹.

В других речевых ситуациях использование данной буквы не связано с различением семантики лексических единиц, контекст не допускает неверного толкования слов, например:

Это те самые уникальные личности, которые на любое, даже вежливое указание на *совершённые* ими грубые ошибки отвечают: «ну мы же не на экзамене».

¹ Орфография и пунктуация студенческих письменных работ сохранены.

Всё вышеперечисленное, безусловно, сильно влияет на нас и путает наше представление о своей стране.

Естественно, возникает вопрос о причинах дифференциации букв *е* и *ё* в письменной речи студентов. Возможно, это связано со школьной установкой различать данные буквы, поскольку представления о хорошей письменной речи и культуре письменного ответа у первокурсников не сформированы или искажены.

Орфография и пунктуация студенческих работ говорит сама за себя. При этом грамотность печатных работ первокурсников несколько выше, чем рукописных. Так происходит по известным причинам: цифровые устройства автоматически предлагают корректные варианты написания слов. Например, в диагностическом диктанте студенты допускают от 0 до 11 орфографических ошибок. При его написании индекс ошибочного письма составил 2,08 ош./чел. Сформированность орфографической грамотности продемонстрировали 28 человек из 108 студентов I курса Института иностранных языков, т.е. примерно четвертая часть первокурсников – 26 %.

Лексика письменных ответов студентов содержит языковые явления, которые традиционно относят к сфере социального жаргона. В письменной речи встречаются элементы как просторечной, так и заимствованной лексики, образованной путем калькирования или оформленной латиницей:

– баг, батл, бойфренд, герлфренд, деффчонка, комьюнити, красава, музло, пазитиффчик, панкейк, сейлз, секьюрити, селебрити, траблы, треш, фикрайтер, хайп, чувак, школота, юзер и др.;

– дамажить, ехай, зафолловить, зырить, чатиться, шоппиться и др.;

– go, like, please, real, sorry, user и др.

Интересно, что морфологический анализатор Rymystem3 индексирует в качестве слов условные сокращения и слитные написания словосочетаний:

– го, жиза, йоу, крч, лан, лол, патсталом, пжлст, прив, ржунимагу, спс².

В общем объеме проанализированных текстов субъективно можно выделить до 130 единиц социально маркированной

² Иди, жизненно, ой, короче, ладно, весело, под столом, пожалуйста, привет, ржу не могу, спасибо.

лексики (менее 1%). Однако детальный анализ контекстного употребления показывает, что даже этот небольшой процент проявляется в письменной речи в зависимости от поставленной коммуникативной задачи. Первокурсникам было предложено прочитать текст — размышления известного лингвиста М.А. Кронгауза о языке — и продолжить его [Кронгауз 2013]. Для того чтобы выполнить это задание, студентам необходимо было критически оценить свою речь и позицию по отношению к литературному языку, привести примеры из речевой практики.

В большинстве случаев первокурсники выражают желание сохранить русский язык, описывают ситуации, в которых они наблюдали небрежное отношение к слову, например:

Когда мне было пятнадцать, мои одноклассники говорили «прикольно» вместо «весело» и «забавно», а в мои шестнадцать они заменили «прикольно» на «лол» и «кек». Подобное неуважение к родному языку всегда возмущало меня.

В социальных сетях нередко можно увидеть «новые» слова, которые создаются подростками и детьми. Таких слов много, например: «пазитифчик» или «ржунимагу». Можно заметить, что дети преднамеренно изменяют структуру языка!

Однако студенты не всегда могут оформить свои размышления в аргументированный текст. Для этого нужны специальные речеведческие знания и определенные коммуникативно-речевые умения. Другими словами, в письменных высказываниях встречаются ошибки, вызванные «нарушением закономерностей функционирования языковых средств в речи, незнанием правил построения контекстной речи» [Ладыженская 1991: 30].

В 143 текстах ответов содержится 910 предложений. Средний объем ответа 6,4 ед. (5–7 предложений). Дискурсивные маркеры связности текста достаточно однотипны. В письменной речи зафиксирована следующая частотность вводных слов и конструкций:

Например — 45; (я) считаю — 17; конечно — 14; действительно — 11; таким образом — 10; безусловно — 8; возможно — 5; с точки зрения — 5, по-моему — 5; во-первых — 3; итак — 3; к примеру — 3; допустим — 2; (я) думаю — 2; в итоге — 2; наверное — 2; в общем — 2; очевидно — 2; разумеется — 2; во-вторых — 1; в-третьих — 1; в частности — 1.

Как правило, эти языковые единицы выражают оценку предмета речи, обозначают последовательность суждений или обобщают изложенное. Они немногочисленны. При этом нельзя утверждать, что у студентов не сформирована связная речь. Напротив, тексты из актуальной речевой практики обучения, которые не являются образцами учебно-научного стиля, свидетельствуют о существовании скрытых механизмов организации синтаксически связной речи. Таким образом, именно современное речеведение ставит перед лингвистами новые задачи, позволяет взглянуть на «синтаксис в действии сквозь призму связной речи» [Сигал 2015: 162].

Для методики развития речи новые лингвистические данные о тенденциях развития письменной речи современной молодежи не менее важны. Они создают основу для дальнейшего анализа и определяют его перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

Богуславская Н.Е., Капинос В.И. и др. Методика развития речи на уроках русского языка / под ред. Т.А. Ладыженской. — М., 1991.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. — М., 2013.

Сигал К.Я. Синтаксис связной речи: проблемы и перспективы // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 4 (26). — С. 162–168.

Sparrow B., Liu J., Wegner D. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. — 2011. — Vol. 333. — Iss. 6043. — P. 776–778.

REFERENCES

Boguslavskaya N.E., Kapinos V.I., Kupalova A.Yu. et al. Metodika razvitiya rechi na urokakh russkogo yazyka, after ed. by T.A. Ladyzhenskaya, Moskva, 1991.

Krongauz M.A. Russkii yazyk na grani nervnogo sryva, Moskva, 2013.

Sigal K.Ya. Sintaksis svyaznoi rechi: problemy i perspektivy, in *Voprosy psikholingvistiki*, No. 4 (26), 2015, pp. 162–168.

Sparrow B., Liu J., Wegner D. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips, in *Science*, 2011, vol. 333, iss. 6043, pp. 776–778.

Трудности, связанные с преподаванием темы «Чередование гласных в корне»

Статья освещает сложные случаи, с которыми сталкиваются учителя русского языка при преподавании темы «Чередование гласных в корне». В рамках статьи рассматриваются корни с чередованием гласных *о/а* в корне: *-гар/-гор-*, *-зар/-зор-*, *-клан/-клон-*, *-твар/-твор-*, *-лаг/-лож-*, *-кас/-кос-*, *-раст/-рашч/-рос-*, *-скач/-скоч-*, *-равн/-ровн-*, *-мак/-мок-*. Особое внимание уделено анализу формулировок правил из пособий разных лет, начиная с Правил русской орфографии и пунктуации, утвержденных в 1956 г. Академией наук, а также даются рекомендации по систематизации материала, необходимые для грамотной подачи темы на уроке русского языка.

Ключевые слова: *чередование; корень; гласные о и а; орфограмма; систематизация.*

Aisyly F. Sagitova

Difficulties in Teaching of the Theme «Vowel Gradation in Word Root».

The article covers the difficult events Russian language teachers face during teaching the theme «Vowel Gradation in Word Root». The roots with *o/a* gradations are considered in the article such as *-gar/-gor-*, *-zar/-zor-*, *-klan/-klon-*, *-tvar/-tvor-*, *-lag/-lozh-*, *-kas/-kos-*, *-rast/-rashch/-ros-*, *-skach/-skoch-*, *-ravn/-rovn-*, *-mak/-mok-*. The special attention is paid to the analysis of rule definitions from the different years guidebooks since the Rules of Russian Orthography and Punctuation set in 1956 by Academy of Sciences. The recommendations on material systematization necessary for the correct theme presentation at the lesson are given.

Key words: *gradation; root; o and a vowels; orthogram; systematization.*

Настоящая статья имеет целью рассмотрение группы слов с чередующимися корнями, а именно с чередованием гласных *о/а* в корне. Эта группа неоднородна по своему составу, хронологии, причинам возникновения чередования в отдельных корневых морфемах, а также по принципу выбора гласного и потому требует тщательного исследования и систематизации правил, регулирующих написание данной группы слов.

В Правилах русской орфографии и пунктуации, утвержденных в 1956 г. Академией наук и являющихся базовым источником для учебных пособий и словарей до настоящего времени, регулируется написание корней *-зар/-зор-*, *-рас(т)-/-рос(т)-*,

-равн-/ровн-, *-гар/-гор-*, *-плав-/плов-*, а также перечисляются отдельные слова с чередованием гласных *а/о* и *е/и* в корне.

1. «Корень *зар-* пишется в словах *заря, зарница, озарять* (под ударением — *зарево, лучезарный*) и во всех образованных от них словах (*озарение* и др.); корень *зор-* пишется под ударением в отдельных словах и формах: *зоренька, зорька, зорю, зори, зорь, зорюшка, зорить* (бить, играть *зорю*)» [Правила 1956, Электронный ресурс]. Итак, в Правилах 1956 г. не устанавливаются закономерности для написания этого корня — перечисляется список слов, где следует писать *о* и где *а*. При этом приведенные примеры иллюстрируют, что *о* возможно только под ударением, а встречается как в ударных, так и безударных корнях. Представляется, что исходя из этого формулируется следующее правило в современных учебных пособиях русского языка: «В корнях *-зар-* — *-зор-* в безударном положении пишется *а* (под ударением бывает и *а*, и *о*)» [Треков 2013: 66]. Не совсем уместной кажется следующая формулировка: «В корне *-зор-* (*-зар-*) под ударением пишется *о*, без ударения — *а*: *зорька*, но *заря*» [Бабайцева 2008: 60] — в ударной позиции гласные не подвергаются редукции, а следовательно, нет необходимости регулировать их написание побочными правилами, которые к тому же необходимо дополнить

Айсылу Фатиховна Сагитова, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы

E-mail: afsagitova@gmail.com

ГАОУ «Школа Иннополис»

Квантовый бульвар, д. 2, г. Иннополис, 420500, Республика Татарстан, Россия

«Innopolis School»

2 Quantum Boulevard, Innopolis, 420500, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Сагитова А.Ф. Трудности, связанные с преподаванием темы «Чередование гласных в корне» // Русский язык в школе. — 2018. — № 6. — С. 19–26. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-19-26.

обширным списком слов-исключений. Важно отметить, что по вопросу об исключении из этого правила у составителей учебников нет единого мнения: в некоторых пособиях оно приводится без исключений [Лопатин 2008; Греков 2013]; в некоторых как исключения выделяются слова *зоревать* [Земский 2000; Кайдалова 1983; Рейнке 1971; Розенталь 1997; Розенталь 2001] и *зорянка* [Земский 2000; Рейнке 1971; Розенталь 1997]. Вероятно, авторы пособий не всегда включают эти слова в список исключений ввиду их малоупотребительности — в Национальном корпусе русского языка зафиксировано всего около десятка употреблений этих слов. Но если слово *зоревать*, зафиксированное, например, в словаре М.В. Зарвы [Зарва 2001], встречается в НКРЯ исключительно с *о* в корне (8 употреблений — с 1925 по 1999 г.), то в случае с *з(о/а)рянкой* разноречиво наблюдается как в словарях (хотя в основном рекомендуется форма с *а*), так и в узусе¹ (14 вариантов с *а* в корне и 10 — с *о*), при этом различное написание одного слова может встречаться даже в пределах одного художественного произведения:

...На окне у Базуновых задумчиво свистела *зарянка* — любимая птица Матвея: ему нравилось ее скромное оперение, красная грудка и тонкие ножки, он любил слушать ее простую грустную песенку, птица эта заставляла его вспоминать о матери. (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина, 1910);

Ветер вздыхал, перекликались *зорянки*, трепетали вершины деревьев, страшивая росу... (Там же).

В дневниках Николая II отмечается слово *зорянка* в не зафиксированном в словарях значении:

После чаю читал и затем поехал на «*зорянку*», как матросы называют вечернюю тягу, и убил еще утку; в море вышло всего 30 диких уток! (Николай II. Дневники, 1894—1896).

Несмотря на существующие разногласия по поводу выбора *о/а* в слове *з(о/а)рянки*, встречающиеся в вышеперечисленных источниках, важно отметить, что начиная с 13-го издания (1974 г.) в академическом орфографическом словаре фиксируется форма *зарянка* [Орфографический 1989: 102], и с тех пор предписание

академического издания не менялось. А потому слово *зарянка* следует изъять из списка исключений.

Выражение *бить (играть) зорю* можно отнести к узкоспециализированной лексике. Если раньше ударение в нем падало на корневой гласный (ср. у Пушкина: *Зорю бьют... из рук моих // Ветхий Данте выпадает*), то в современных словарях форма с ударным *о* в корне отмечается как устаревшая: «вин. *зарю* и (устар.) *зорю*... *играть зарю (зорю)*» [Ожегов 1999: 218]. Иная вариативность отмечается для форм множественного числа: «*зорям* и *зарям (устар.)*» [Там же], хотя иногда в словарях отмечается акцентологическая вариативность без перемены гласной: «*ЗАРЯ* -и; мн. *зори, зорь, зорям* и *зорям*» [Кузнецов 2000]. В последнем случае вариант *зорям* необходимо отнести к исключению из правила. Вообще зависимость выбора гласного от ударности корня не является надежной для русского языка, для которого свойственно нестабильное ударение, изменяющееся в диахронии и испытывающее колебания в синхронии. К тому же само слово *заря*, например, относится к акцентному типу с нетривиальным маргинально-подвижным ударением (терминология А.А. Зализняка [Зализняк 1985: 17]): в единственном числе ударение падает на флексии, во множественном — на основу, а следовательно, в пределах парадигмы даже одной словоформы ярко представлена вариативность корневых гласных, отражающаяся и на письме, что, в свою очередь, противоречит морфологическому принципу.

Кроме *-зар/-зор-* к чередующимся корням, зависящим от ударения, современные грамматики относят такие, как *-гар/-гор-*, *-клан/-клон-*, *-твар/-твор-*, в которых в безударной позиции, в отличие от предыдущего корня, обычно пишется *о*.

В Правилах 1956 г. из этой подгруппы встречается только корень *-гар/-гор-*: «Корень *гар-* пишется под ударением, например: *нагар, загар*, а также в словах *изгарь, выгарки*; корень *гор-* пишется в остальных случаях, например: *загорелый, нагореть*» [Правила 1956, Электронный ресурс].

В справочнике В.В. Лопатина, который «не только отражает нормы, зафиксированные в “Правилах” 1956 г., но и во многих случаях дополняет и уточняет их с учетом современной практики письма», верно перемещен акцент в сторону

¹ Статистические данные и примеры приводятся из Национального корпуса русского языка — www.ruscorpora.ru.

безударности: «На месте безударного гласного пишется буква *о*, хотя под ударением — *а*... Исключения (*сар* без ударения): *выгарки, изгарь, пригарь, гаревой* (наряду с вариантом *гаревый*)» [Лопатин 2008: 42]. Однако наиболее удачной для корней всей этой группы считаем следующую формулировку: «Под ударением пишем то, что слышим, а без ударения, соответственно, *о* (*гор, твор, клон*)» [Копосова 2011: 8]. В сборнике В.В. Лопатина представлен наиболее полный список исключений из этого правила, тогда как в других справочниках названы лишь некоторые из них (Греков — *выгарки*; Рейнке — *пригарь*; Розенталь, Кайдалова — *выгарки, изгарь, пригарь*, Правила орфографии — *изгарь, выгарки*) либо не названы вообще (Бабайцева, Земский), при этом составители указывают обычно, что это специальные и диалектные слова, хотя в художественной литературе они встречаются также в метафорическом употреблении:

В тени без уgomону возятся воробы, булыжины пахнут сковородной *пригарью* солнцпека. (Б. Пастернак. Начало прозы 1936 года, 1936);

День погас, синяя *изгарь* закатного пожара ша поглотила лес и землю. (Н. Дубов. Небо с овчинку, 1966).

Ни в одном справочнике не указано значение для чередующегося корня *-гар/-гор-*. В пособии Н.А. Копосовой отмечено, что возможно «смещение фонетически сходных корней, например *-гор-* (*гора/гóry*, с одной стороны) и *-гор/-гар-* (*загорать, пригарь* — с другой)» [Копосова 2011: 9]. Добавим, что для корней *-гар/-гор-* свойственно значение горения, солнечного тепла. Поэтому недопустимо определение корневого гласного по названному правилу слов типа *горевать, гора* и т.п., которые необходимо писать, подбирая проверочные слова.

Не вызывающим разногласий в группе, где гласный зависит от ударения, является корень *-клан/-клон-*, не имеющий исключений и полностью соответствующий заявленному правилу. Самой спорной, на наш взгляд, можно признать морфему *-твар/-твор-*, которая является частью омонимичных слов, связанных: 1) по значению со словом *творить* (*творить, вытворять, притворяться, творец*); 2) с процессом открывания/закрывания (*отворить, затворить, притворить*); 3) со значением

творить, однако утративших со временем эту соотношенность (*тварь, утварь*), они имеют общеславянскую перегласовку *о/а* (ср. польск. *twarz* — ‘лицо’, др.-рус. *тварь* ‘изделие; предмет; создание, творение’). Собственно, только в этих двух словах, входящих в третью группу, и пишется в корне *а*, при этом написание слова *тварь* и производных от него (*тварный*) в связи с ударностью корня не вызывает никаких трудностей. А в слове *утварь*, как правило, выделяющемся как исключение, в современном русском языке в результате опрошения уже не выделяется корень *-твар-*.

Таким образом, можно сказать, что в корне *-твор/-твар-* всегда пишется *о*, за исключением слова *тварь*, написание которого не вызывает никаких сомнений, т.е. он относится к такой же «особой» категории, как корень *-плав/-плов-*, где принято запоминать слова *пловец, пловчиха, пловуны*, а в остальных словах писать букву *а* (А.М. Земский, Д.Э. Розенталь, В.Ф. Греков). Хотя В.В. Лопатин и И.Н. Рейнке относят корень *-плав/-плов-* к группе, зависящей от ударения, как, например, корень *-зар/-зор-*, выделяя два исключения: *пловец* и *пловчиха*. Это решение также представляется вполне логичным, так как в безударной позиции для этого корня возможно только гласный *а*, и слово *плавун* — кстати, специальное, узкоупотребительное — не совсем уместно выделять в качестве исключения, так как в этом случае исключениями следует считать все образования от глагола *плыть* (*плыву, плыла, плывущий, плыва* и т.п.). Отметим, однако, что в словаре Ушакова отмечены две формы — *плавун* и *плывун* в значении ‘илистый слой подпочвы, обильно насыщенный водой’, при этом приоритет отдается форме с *а* в корне. Действительно, форма *плавун* более ранняя, она отмечена в НКРЯ годом 1857-м:

В *плавун*ах по нем грудью перепалзывает; а иной случится в продушину попасть, — с головой всосет! (Е. Дрянский. Записки мелкотравчатого, 1857).

Однако Т.Ф. Ефремова в словаре отмечает следующие значения для слова *плавун*: 1) то же, что плакун-трава; 2) то же, что плавунец (жук). Примеры для первого значения в корпусе также зафиксированы:

Темной рукой бабушка срыгает травы и рассказывает мне о целебных свойствах зверобоя,

буквицы, подорожника, о таинственной силе папоротника, клейкого иван-чая, пыльной травы-плавуна. (М. Горький. В людях, 1915–1916).

Вероятно, в связи с возникшей омонимией форма *плавуны* для обозначения грунта при параллелизме форм оказалась в конечном итоге более предпочтительной. Первое его употребление отмечено в 1905 г.:

Потом опять же смотри в оба, чтобы не попасть на песок-плавун. (Д. Мамин-Сибиряк. Под землей, 1905).

Примечательно использование этого слова в следующем контексте:

Зато же и сроднились с ним эллины: каждый из них – прирожденный пловец и плавун. (Ф. Зелинский. Древнегреческая религия, 1918).

И действительно, без специального пояснения многие учащиеся считают, что *плавуны* – это форма множественного числа для *пловца* и *пловчиха* (еще с Правил 1956 г. принято давать исключения в такой последовательности: *пловец, пловчиха, плавуны*).

Таким образом, стоит либо корень *-плав/-плов-* относить к корням, зависящим от ударения, выделяя только два исключения (*пловец* и *пловчиха*), либо корень *-твар/-твор-* отнести к таким же особым, как *-плав/-плов-*. Соблюдение единообразия в данном случае считаем необходимо закономерным.

II. Следующая группа – чередующиеся корни, написание гласных в которых зависит от последующего согласного: *-скак/-скач-* и *-раст/-ращ/-рос-*.

В корнях *-раст/-ращ/-рос-* в безударной позиции перед *ст* и *щ* обычно пишется *а*, перед *с* – *о*. Самым слабым звеном в этом правиле является огромное количество исключений: 1) для корня *-раст-*: *росток* (Лопатин, Земский, Калинина, Рейнке, Бабайцева, Розенталь, Греков), *ростовщик* (Земский, Калинина, Рейнке, Греков, Лопатин, Розенталь), *Ростов* (Земский, Калинина, Рейнке, Розенталь, Греков), *Ростислав* (Земский, Калинина, Рейнке, Греков), *вырост* (Лопатин), *выростной* (Лопатин), *выросток* (Лопатин, Калинина, Розенталь), *заросток* (Лопатин, Калинина), *прорость* (Лопатин, Калинина), *ростовой* (Лопатин), *подростковый* (Лопатин); 2) для корня *-рос-*: *отрасль* (Лопатин, Земский, Калинина, Рейнке, Бабайцева, Розенталь, Греков).

Слово *отрасль* выделяется в качестве исключения большинством лингвистов, однако на этимологию этого слова следует обратить особое внимание учащихся, незнакомых с его устаревшим значением: «Побег, ветвь растения» [Ушаков 2007]. Хотя Н.М. Шанский и выделяет в качестве производного слово *отрасти* и суффикс *-ль*, современное значение слова *отрасль* не связано непосредственно с глаголом *расти*. Для корня *-раст-* традиционно выделяются пять первых из вышеперечисленных слов, остальные признаются не всеми исследователями, так как являются малоупотребительными – «спец.», «обл.». Широко употребительное слово *подростковый* в качестве исключения выделяется только у В.В. Лопатина. Вероятно, это связано с тем, что согласно традиционной литературной норме ударение в данном слове падает на корневую морфему [Орфографический 1989: 241], а значит, гласный в корне не нуждается в особом регулировании правилом – по крайней мере, так происходило до последнего времени. В связи с перетягиванием ударения на суффикс и появлением в словарях последних десятилетий формы *подростковый* – наряду с *подростковой* ([Резниченко 2003; Скворцов 2009]), а также в качестве единственно правильного варианта ([Кузнецов 2000; Зарва 2001]) это слово уже необходимо включать в список исключений.

Противоположный процесс происходит в настоящее время со словом *наращённый*. В связи с популяризацией в настоящее время услуг по наращиванию волос, ногтей и ресниц и, как следствие, увеличением частотности причастия от глагола *нарастить* (в сочетании с существительными *ногти, волосы, ресницы*) в разговорной речи распространился вариант *нарощенный*² с ударением на корневой морфеме и перемёной гласного. Этот разговорный вариант нельзя считать исключением, так как гласный в этом случае становится ударным.

Ударность позиции учитывается также при регулировании написания корня *-скак/-скач-*: «В безударном положении перед *к* пишется *а*, перед *ч* – *о*» [Кайдалова 1983: 22]. Исключения: *скачок* (Розенталь, Греков, Лопатин, Кайдалова),

² Эта форма как просторечная была отмечена еще в словаре Д.Н. Ушакова: «Нарощенный, ая, ое; -щен, а, о (простореч.). *Прич. страд. прош. вр.* от *нарастить*» [Ушаков 2007: 415].

скачу (Розенталь, Греков), *скачи* (Греков), *скачкообразный* (Кайдалова). Последнее исключение, как производное от слова *скачок*, представляется избыточным.

Для глаголов выделяется форма первого лица и повелительного наклонения, так как в остальных ударение падает на корень, потому они не требуют регламентации: *скачешь, скажут* и т.д. Однако особого разговора заслуживают приставочные образования *заскачу* и *заскачу*, *проскачу* и *проскачу*, *перескачу* и *перескачу*, *подскачу* и *подскачу*, являющиеся, по сути, омофонами. Гласный *а* в этих глаголах характеризует итеративность, длительность действия: *заскачу* — начну скакать (выполнять многократное действие), *проскачу* — преодолею расстояние (действие протяженно во времени), *перескачу* — скача, обгоню кого-либо, *подскачу* — приближусь на лошади. Тогда как гласный *о* — в глаголах одномоментных, мгновенных: *заскачу* (ненадолго), *проскачу* (быстрога действия), *перескачу*, *подскачу* (мгновенные действия). Таким образом, альтернатива *о/а* является здесь остаточным явлением древнейшего чередования долгих и кратких гласных, выразивших длительность и краткость действия.

III. Чередование *о/а*, характеризовавшее в индоевропейскую эпоху краткость и долготу действия, а в дальнейшем — совершенный и несовершенный вид глаголов, сохранилось в корнях *-лаг-/-лож-* и *-кас-/-кос-*. В несовершенном виде, т.е. при наличии имперфективного суффикса *-а-*, в этих корнях пишется гласный *а*: *предполагать, прикасаться*, в совершенном виде *о*: *предположить, прикоснуться*. До появления аканья чередование *о/а* в корне при суффиксе *-а-* было распространено гораздо шире: *нашати, вопрошати* и т.п. Однако в современном русском языке сохранилось только в этих двух корнях.

Корень *-лаг-/-лож-* иногда относят к предыдущей группе, устанавливая зависимость корневого гласного и последующего согласного: «В безударном корне *-лаг-* — *лож-* перед *г* пишется *а*, перед *ж* — *о*» [Розенталь 2001: 6]. Исключение из данного правила — слово *полог*. Это слово также является малоупотребительным и «семантически уже не связывается с корневым *-лаг-/-лож-*» [Розенталь 2001: 6]. Однако при установлении зависимости гласного от суффикса *-а-* слово *полог* не будет являться исключением.

Корень *-кас-/-кос-* также не имеет исключений, однако надо помнить, что группа включает в себя только слова со значением ‘прилагиваться’. Необходимо отличать слова *косой, косить* и т.п., где безударный корневой гласный проверяется ударением.

IV. В последнюю группу, где написание корневого гласного зависит от значения слова, в Правилах 1956 г. выделяется только корень *-равн-/-ровн-*:

Корень *-равн-* пишется преимущественно в словах, которые связываются по значению с «равный» (одинаковый), например: *равномерный, равнозначный, сравнить, равнение, равнять(ся), поравняться, все равно*; корень *-ровн-* пишется преимущественно в словах, связанных по значению с «ровный» (гладкий, прямой), например: *ровнять, сровнять* и т.п., *уровень*; в слове *равнина* пишется *а*.

Необходимо отметить разное происхождение этих корней: *-ровн-* — исконно русский, *-равн-* — старославянский, т.е. чередование возникло под влиянием старославянского языка. В древнерусском языке слова с этими корнями имели одно и то же значение, были лексическими дублетами, причем в одном и том же корне совмещалось и значение ‘равный, одинаковый, такой же’, и значение ‘ровный, гладкий, прямой, плавный’. Еще в XIX в. слово *ровный*, например, могло употребляться и в значении ‘равный, одинаковый’: *Она жила на счет Марфы Тимофеевны, но на ровной с ней ноге* (Гоголь); *Имение было разбито на три ровные части* (Герцен). Затем происходит дифференциация, из дублетов они превращаются в разные корни, каждому из которых язык «присваивает» свое значение. Но старые отношения в некоторых словах закрепились на письме. Теперь эти слова, если учитывать современные значения корней, приходится считать исключениями — например, *равнина, поровну*.

В рекомендациях по написанию этих корней в словарях и справочниках наблюдается разноречие. Так, для глагола *ровнять* в МАС приводятся следующие значения: «1. Делать гладким, ровным. 2. Располагать по прямой линии (ровнять шеренгу)» [МАС 1983: 83]. Хотя уже в словаре С.И. Ожегова второе значение, отмеченное для глагола *ровнять* в МАС, присуще глаголу *равнять* (*равняться* — ‘становиться по прямой линии в строю’).

Но в последнем академическом справочнике «Правила русской орфографии

и пунктуации» находим: «В словах с неясной соотносительностью пишется буква *а* — в глаголе *равняться* (в шеренге, при построении) и в производных от него» [Лопатин 2008: 44]. Глагол *подравнивать*, отмеченный ранее только с *о* в корне, у Лопатина приводится также с *а*.

Заметим, что в справочниках по русской орфографии не оговариваются глаголы с корнями *-ровн-/равн-*, имеющие суффикс *-ыва-/ива-*, хотя в современном русском литературном языке в этих случаях выбор гласного не зависит от значения: ср. *разравнивать* участок — не ‘сделать равным’, но ‘сделать ровным’, что порождает разногласия внутри одного правила.

Варианты *-мак-/мок-* также, согласно современным справочникам, дифференцируются по значению. Вариант *-мок-* пишется в словах со значением ‘пропускать жидкость’, ‘становиться влажным’; вариант *-мак-* пишется тогда, когда говорят о погружении чего-нибудь в жидкость.

Однако В.В. Лопатин отмечает, что выбор гласного в корне *-мок-/мак-/моч-* в некоторой степени зависит и от согласного: смысловая дифференциация характерна только для корней *-мок-/мак-*, а перед *ч* всегда надо писать *о*. Исключение — глаголы на *-ивать*.

Вообще, группа глаголов на *-ывать/-ивать* заслуживает особого внимания: стремление к чередованию *о/а* в корне при присоединении этого аффикса настолько сильно, что на сохранение гласного не влияют ни проверочные слова с исконным гласным (*работа*, но *зарабатывать*), ни правила чередующихся корней (*подскачить*, *подскакать* — *подскакивать*).

Что касается корней *-равн-/ровн-* и *-мак-/мок-*, то выделение их как чередующихся, на наш взгляд, не совсем оправданно. Выбор гласного зависит в названных случаях от значения слова, а не от формальных показателей. А гласный в корне *-равн-/ровн-* зависит от исходного и, по сути, проверочного слова — *равный* или *ровный*. В паре *-мак-/мок-* корень *-мок-* также можно проверить словом *мокрый*. Поэтому мы считаем закономерным отнесение их к группе корней, проверяемых ударением. Ср.: есть подобные «омофонные» корни с гласными, проверяемыми разными словами: *посветить* — *посвятить*, *окоотить* — *окаотить*, *видение* — *ведение* и т.п.

Примечательно, что В.В. Лопатин в своем справочнике, кроме названных, выделяет следующие чередующиеся корни:

крап — *кроп*. Без ударения пишется буква *о* в словах со значением ‘покрывать каплями, брызгами’: *кропить*, *кропление* (от *кропить*), *окропить*, *окроплённый*, *окроплять*; буква *а* — в словах со значением ‘покрывать мелкими пятнышками, точками’: *краплённый*, *крапление* (от *крапать* в значении ‘покрывать крапинами, наносить крап’), *вкрапление*. Под ударением — только *а*: *крапать*, *крапина*, *крапинка*, *вкрапить*, *вкрапленный*, *крап*;

разн — *розн*. В многочисленных сложных словах с первой частью *разно-* (*разнородный*, *разносторонний*, *разноголосица* и т.п.) без ударения пишется буква *а*, в слове *порозня* — буква *о*. Под ударением — *а* (*разный*) и *о* (*розня*);

пай — *пой* (в глаголе *паять* и однокоренных словах). Без ударения пишется *а*: *паять*, *запаять*, *распаять*, *паяльник* и т.п. Под ударением — *а* и *о*: ср. *запаянный*, *запайка*, *спайка*, *спайный*, *напой*, *припой* [Лопатин 2008: 43–44].

Нам представляется совершенно излишним выделение этих корней как чередующихся — В.В. Лопатин сам дает семантическое разграничение для корней *-крап-/кроп-*: слова, которые можно проверить словами *крап*, *крапинка*, *крапать* и связаны со значением ‘падать мелкими каплями (о дожде)’, пишутся с *а* в корне, слова со значением ‘слегка обрызгивать’ — от *кропить* — пишутся через *о*. Однако надо отметить, что для глагола *кропить* в словарях также отмечается дополнительное значение ‘о дожде: падать мелкими каплями’, совпадающее со значением глагола *крапать*. Эти слова имеют общее происхождение: «кропить, кроплю, итер. крапать, крапливать» [Фасмер 2003], т.е. форма *крапать* исторически являлась итеративом от глагола *кропить*. Сейчас же семантически эти глаголы разведены, и отмеченное в словарях значение, связанное с действием дождя, для глагола *кропить* в современном русском языке не встречается. Вызывающим трудности является также омонимичный корень *-кроп-* в глаголе *кропать* — ‘немело, с трудом писать, сочинять, а также (устар.) вообще медленно и с трудом делать что-н.’, имеющий совершенно иное происхождение — от той же основы, что *корпеть*. Однако спутать его с глаголами *крапать* и *кропить*, а также производными от них достаточно сложно в связи с разностью значений. К тому же глагол *кропать* имеет парадигму без чередования губного

согласного: *кропаю, кропаешь* и т.п., в то время как в глаголах *кропить* и *крапать* наблюдаем рефлекс древнего процесса I-эпентетизма: *кроплю, краплю* и *крапаю*.

-*Розн-/разн-* — это огласовки одного корня, *-розн-* — древнерусский, *-разн-* — старославянский вариант. До XIX в. слова с этими корнями не дифференцировались. «Любопытна замена [в одном из стихотворений И.И. Дмитриева] слова *рознница* словом *разница*, вызванная обозначавшейся в начале XIX в. дифференциацией значений этих слов. Впрочем, в словаре 1847 г. семантическая дифференциация слов *рознница* и *разница* еще не нашла отражения» [Виноградов 2003: 114]. Однако в настоящее время семантическое различие этих корней очевидно: *-розн-* имеет значение «раздельный, обособленный», «непарный, от разных комплектов» [Ушаков 2007], *-разн-* — «неодинаковый, несходный в чем-нибудь, различный» [Там же]. Таким образом, при написании этих слов можно опираться на проверочные слова — *рознница* или *разница*.

Различными огласовками одного корня являются также варианты *-най-/ной-*. Древнерусское *паяти* «обычно связывают с цслав. *спънати* ‘связать, спаять’» [Фасмер 2003], однако чередование здесь наблюдается только в ударной позиции, в безударной всегда пишется *а*, следовательно, отнести этот корень к чередующимся с безударной гласной в корне будет не совсем уместно, к тому же слова-«исключения» *напой, припой* являются узкоспециальными словами, поэтому нам не представляется целесообразным регулировать написание корня *-най-/ной-* особыми правилами.

Таким образом, семантическое разграничение вариантов с гласными *о/а* в корне «переводит» слова из группы с чередующимися гласными в корне в группу слов с безударной проверяемой гласной в корне.

Слова с чередующимися гласными *о/а* в корне предлагаем разделить на три группы в зависимости от условий возникновения чередования:

от последующего согласного: *-скач-/скок-, раст-/рац-/рос-*;

от наличия суффикса *-а-* (от вида глагола): *-кас-/кос-, лаг-/лож-*;

от ударения: а) в безударной позиции пишется *а*: *-зар-/зор-, плав-/плов-*, б) в безударной позиции пишется *о*: *-клан-/клон-, твар-/твор-, гар-/гор-*.

Особое внимание учащихся рекомендуется обратить на малоупотребительность

слов-исключений, а также на чередование *о/а* в корне, сопровождающее имперфективный суффикс *-ыва-/ива-*, «нейтрализующее» иные условия чередования.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–9 классы. / Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. — 17-е изд. — М., 2008.

Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / отв. ред. А.П. Чудаков. — М., 2003.

Греков В.Ф. Русский язык. 10–11 классы. Учебник для общеобразовательных учреждений / Греков В.Ф., Чешко Л.А., Крючков С.Е. — 6-е изд. — М., 2013.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. — М., 1985.

Зарва М.В. Русское словесное ударение: Словарь. Ок. 50000 слов. — М., 2001.

Земский А.М. и др. Русский язык: в 2 ч. — Ч. 1: Морфология: Учеб. для студ. сред. пед. учеб. заведений / А.М. Земский, С.Е. Крючков, М.В. Светлаев. — 13-е изд., стереотип. — М., 2000.

Кайдалова А.И. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика» / А.И. Кайдалова, И.К. Калинина. — 4-е изд. испр. и доп. — М., 1983.

Копосова Н.А. Русское правописание. Структура слова и предложения / Н.А. Копосова, Д.Р. Копосов; Казан. (Приволжский) федер. ун-т, Филол. фак. — Казань, 2011.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 2000.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М., 1999.

Орфографический словарь русского языка: 106 000 слов / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. С.Г. Бархударова и др. — 27-е изд. стер. — М., 1989.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. — М., 2008.

Правила русской орфографии и пунктуации. — М. 1956 [Электронный ресурс]. — URL: <http://new.gramota.ru/spravka/rules> (дата обращения 24.01.2018).

Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение: около 25000 ед. — М., 2003.

Рейнке И.Н. О трудном в орфографии и пунктуации. Пособие для учащихся / Рейнке И.Н., Шапкин В.И. — Л., 1971.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И.Б. Голуб. — 3-е изд., испр. — М., 2001.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. — М., 1997.

Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. — М., 2009.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 1983 [МАС].

Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 2007. — Т. II [Ушаков].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. — 4-е изд. стер. — М., 2003. — Т. 3.

REFERENCES

Babaytseva V.V. Russkii yazyk. Teoriya. 5–9 forms, 17th issue, ed. Babaytseva V.V., Chesnokova L.D., Moskva, 2008.

Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Gogolya do Akhmatovoi, ed. A.P. Chudakov, Moskva, 2003.

Grekov V.F. Russkii yazyk. 10–11 forms. Textbook for general education institution, 6th issue, Grekov V.F., Cheshko L.A., Kryuchkov S.E., Moskva, 2013.

Zaliznyak A.A. Ot praslavyanskoi aktsentuiatsii k russkoi, Moskva, 1985.

Zarva M.V. Russkoe slovesnoe udarenie, Dictionary, About 50000 words, Moskva, 2001.

Zemskii A.M. i dr. Russkii yazyk: in 2 p., P. I, Morfologiya, Textbook for stud. of ped. inst., A.M. Zemskii, S.E. Kryuchkov, M.V. Svetlaev, 13th issue, reimpr., Moskva, 2000.

Kaidalova A.I. Sovremennaya russkaya orfografiya, Textbook for inst. of high ed. on "Journalism", A.I. Kaidalova, I.K. Kalinina, 4th issue, revised and enlarged, Moskva, 1983.

Koposova N.A. Russkoe pravopisanie. Struktura slova i predlozheniya, N.A. Koposova, D.R. Koposov, Kazan (Privolzhskiy) federal university, Philology Department, Kazan', 2011.

Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, comp and chief ed. S.A. Kuznetsov, Sankt-Petersburg, 2000.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, 4th issue, enlarged, Moskva, 1999.

Orfograficheskii slovar' russkogo yazyka, 106 000 words, ASUSSR, Russian language inst., ed. S.G. Barkhudarov et al., 27th issue, reimpr., Moskva, 1989.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Comprehensive academic reference, ed. V.V. Lopatin, Moskva, 2008.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii, Moskva, 1956, available at: <http://new.gramota.ru/spravka/rules> (24.01.2018).

Reznichenko I.L. Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie. Udarenie, about 25000 units, Moskva, 2003.

Reinke I.N. O trudnom v orfografii i punktuatsii. Textbook for students, Reinke I.N., Shapkin V.I., Leningrad, 1971.

Rozental' D.E. Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoi pravke, ed. I.B. Golub, 3rd issue., comp., Moskva, 2001.

Rozental' D.E. Spravochnik po pravopisaniiyu i stilistike, Moskva, 1997.

Skvortsov L.I. Bol'shoi tolkovyi slovar' pravil'noi russkoi rechi: 8000 words and expressions, Moskva, 2009.

Slovar' russkogo yazyka: in 4 vol, after ed. of A.P. Evgen'eva, Moskva, 1983, vol. 3 [МАС].

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., ed. D.N. Ushakov, Moskva, 2007, Vol. II.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., transl. from German and comp. by O.N. Trubachev, 4th issue, reimpr., Moskva, 2003, vol. 3.

Некоторые факторы, обеспечивающие возможность спонтанного освоения орфографических правил

Предпосылки успешного овладения орфографическими правилами закладываются уже в раннем возрасте, когда ребенок начинает осознавать единство морфемы, которое сохраняется при изменении ее звукового образа. В дальнейшем, при освоении навыка чтения, возникает представление и о сохранении орфографического образа морфемы – не только корня, но и флексии, приставки, а несколько позднее – и суффикса. Исследование механизма данного процесса поможет прояснить феномен «врожденной грамотности».

Ключевые слова: *орфография; графика; правила письма; орфографический образ словоформы и морфемы; спонтанность освоения языка; врожденная грамотность; орфографическая интуиция.*

Stella N. Tseitlin

Some Factors Arranging for Spontaneous Learning of Orthography Rules.

Conditions of successful learning of orthography rules are set at the early age, when the child begins to understand the morpheme unity that is the same on change of its phonetic image. At a later stage, during learning to read the inkling of preservation of morpheme orthographic image (not only according the root, but also flexion, prefix and later suffix) then becomes. Investigation of the mechanism of the process helps to make the phenomenon of “inborn literacy” clearer.

Key words: *orthography; graphics; writing rules; word form and morpheme orthographic image; spontaneity language learning; inborn literacy; orthographic intuition.*

Хотя без орфографических ошибок (выбора не соответствующей норме буквы из числа возможностей, предлагаемых правилами графики) еще никому не удавалось

Стелла Наумовна Цейтлин, доктор филологических наук, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка

E-mail: stl2006@list.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» набережная реки Мойки, д. 48, 191186, Санкт-Петербург, Россия

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
48 The Moika river embankment, 191186, Saint Petersburg, Russian Federation*

Ссылка для цитирования: Цейтлин С.Н. Некоторые факторы, обеспечивающие возможность спонтанного освоения орфографических правил // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 27–30. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-27-30.

Работа выполнена при поддержке РНФ – проект «Механизмы усвоения русского языка и становления речи на ранних этапах развития ребенка» 2014–2017 гг. (руководитель – М.Д. Воейкова).

овладеть письменной формой речи, однако число их все же намного меньше, чем могло бы быть, если бы пишущий совершал произвольный выбор в каждом случае, когда подобный выбор в силу объективных причин существует. Очевидно, что правила выбора буквы человек способен постигать на уровне того, что обычно называют языковым чувством. Несомненно и то, что опыт чтения и письма играет большую роль в данном процессе, поскольку позволяет закреплять в памяти графический, точнее – орфографический (спеллинговый), образ морфемы и словоформы в целом с помощью зрительных, речедвигательных, а возможно, и моторных (имеем в виду движение руки при письме) впечатлений, обобщенных в виде определенных стереотипов, закрепленных в нейронных связях. Представляется, однако, что некий фонологический образ морфемы и словоформы, на базе которого в дальнейшем складывается орфографический ее образ, формируется уже на чрезвычайно ранних стадиях конструирования

ребенком морфологического компонента его языковой системы, задолго до знакомства с чтением и письмом. Для большинства детей это конец второго — начало третьего года жизни. Именно в это время наступает период так называемой морфологической продуктивности, когда ребенок оказывается в состоянии конструировать самостоятельно формы различных частей речи: существительных, глаголов, прилагательных. Это обстоятельство свидетельствует о том, что морфема как таковая становится фактом языковой компетенции дошкольника, которую мы трактуем в широком смысле вслед за Е.Д. Божович [Божович 2002], и, кроме того, ребенок овладевает не только правилами выбора нужных словоформ при опоре на их семантические и структурные функции, но и правилами комбинирования морфем при создании нужных словоформ. Чуть позднее ребенок начинает создавать и новые слова, используя простейшие словообразовательные модели. В процессе конструирования могут порождаться словоформы и слова, уже имеющиеся в языке (прецедентные), в этом случае не всегда возможно определить, имел ли место факт самостоятельного формотворчества или словотворчества как таковой или данные словоформы либо слова уже стали достоянием формирующегося ментального лексикона ребенка и извлекаются как целостные единицы. Если же использованные ребенком единицы отсутствуют в языке взрослых, то их безо всяких сомнений можно рассматривать как продукт самостоятельно осуществленного деривационного акта (словоизменительного или словообразовательного). Анализ данных инноваций позволяет нам в ряде случаев проследить формирование в языковом сознании ребенка фонологического облика морфемы.

В ходе освоения (точнее — конструирования) парадигм конкретных лексем происходит трансформация одних форм в другие, что связано с необходимостью совершения ряда звуковых преобразований. Этот процесс приводит к возникновению ряда алломорфов, различающихся своим звучанием. Способность к алломорфному варьированию, адекватному имеющемуся в нормативном языке, является залогом дальнейшего формирования на ее базе орфографического чутья, основу которого как раз и составляет осознание единства фонологического облика морфемы с учетом действующих в определенную

историческую эпоху звуковых процессов. Если признать эту мысль справедливой, то, возможно, истоки успешности или, напротив, неуспешности в формировании навыка грамотного письма можно искать в характере словоизменительных операций, осуществляемых ребенком на этой ранней (дописьменной) стадии конструирования индивидуальной языковой системы. Переходя от одной словоформы к другой или от производящего слова к производному при опоре на постигаемые им правила ментальной грамматики, ребенок совершает разного рода ошибки, производит словоизменительные и словообразовательные инновации, некоторые из которых мы рассмотрим дальше несколько подробнее.

Известно, что детские словоизменительные инновации чаще всего отличаются от аналогичных словоформ «взрослого» языка стабильностью основы слова и стандартностью используемых формообразовательных средств. Об этом нам уже случалось неоднократно писать, опираясь на понятие «идеально правильной парадигмы» (см., например [Цейтлин 2017]). В некотором смысле, дети, по справедливому наблюдению К.И. Чуковского, «поправляют нашу грамматику». Сопоставляя детские инновации с их нормативными эквивалентами, можно заметить, что направление изменений является достаточно строго детерминированным. Дети стремятся сохранять единый акцентологический вид основы, не меняя место ударения, «очищают» основу от всякого рода наращений, устраняют необъяснимые с точки зрения современных языковых закономерностей звуковые чередования звуков. Очевидно, можно сказать, что, следуя собственно морфологическим правилам, они пренебрегают рядом морфонологических преобразований основы. Это объясняется, по-видимому, тем, что морфонологические преобразования основы, в сущности, функционально не нагружены и в принципе асемантичны. Они являются лишь дополнительным (по отношению к формообразовательным аффиксам) средством разграничения форм и к тому же не носят строго регулярного характера. Подобным образом и в словообразовательных операциях можно выделить следование «идеальным» моделям словообразования, в минимальной степени затрагивающим звуковое преобразование основы.

Если исходить из того, что базовой (исходной) формой существительного при

построении его парадигмы всегда является форма единственного числа именительного падежа, то существительные мужского рода второго (по традиционной грамматике) склонения, которые имеют шумную звонкую согласную в качестве последнего звука основы, неизменно получали бы конечную парную глухую во всех формах этого слова, в том числе и в сильных позициях, например, ребенок говорил бы «лефы» вместо «львы», «гороту» вместо «городу». Однако случаи образований типа «лефы» вместо «львы» единичны. Если бы в парадигме каждого существительного в течение какого-либо периода безраздельно царил бы одна производящая основа при формообразовании, то любой ребенок на пороге третьего года жизни должен был бы производить формы, подобные указанным выше. Ни разу не встретились формы «гороту» вместо «городу» или «óстрофы» вместо «острова», «сата» вместо «сада», «дету» вместо «деду», «лебети» вместо «лебеди» и т.п. Если подобные формы и удастся зарегистрировать, то лишь в единичных случаях и в течение очень короткого периода. Детская окказиональная словоформа может отличаться от нормативной местом ударения, отсутствием наращения в основе, присутствием беглой гласной и т.п., но не различиями в парах указанных выше фонем, находящихся в сильной позиции.

Остается допустить, что некий фонологический образ морфемы формируется путем сопоставления различных ее алломорфов, причем уже в двух-трехлетнем возрасте ребенок оказывается в состоянии абстрагироваться от изменений, обусловленных позицией и сочетаемостью той или иной фонемы. Приоритет в данном отношении исходной (словарной) формы является не столь очевидным, как это казалось раньше. Свой вклад в формирование парадигмы конкретной лексики и парадигмы как совокупности морфологических форм вносят и другие формы. Именно способность к овладению механизмом конструирования словоформ помогает в дальнейшем, при освоении граммоты, закрепить единство морфемы тождественностью ее графемного представления. Это обстоятельство в значительной степени подрывает основания у достаточно распространенного мнения, что орфографические правила постигаются человеком только в результате специального обучения, предполагающего эксплицитное представление

правила, отработку его на некоторых образцах, автоматизацию и т.п. Мы полагаем, что существует два, по крайней мере, пути освоения орфографических правил — в одних случаях они действительно осваиваются логическим путем, что предполагает их обязательное описание (кодификацию) и так называемое «актуальное сознание» (термин А.Н. Леонтьева). Это касается, например, правил выбора между *н* и *nn*, слитного или раздельного написания наречных выражений, выбора одного из двух возможных разделительных знаков и т.п. В других же случаях (гораздо более многочисленных, чем это может показаться на первый взгляд) человек осваивает их самостоятельно, спонтанно, в процессе собственной речевой деятельности, при этом большую роль играет не только опыт письма и чтения, но и опыт устной речевой деятельности (восприятия и продуцирования речи), связанный с ранним, «дописьменным» этапом освоения языка. Разумеется, граница между этими путями у каждого человека своя; люди, разделенные так называемым языковым чутьем, способны осваивать эмпирическим путем те правила, которые другие постигают только через описание и объяснения.

Кроме того, в процессе графического кодирования и декодирования устной речи, т.е. при чтении и письме, формируется некий банк готовых словоформ в их графическом представлении (графический лексикон), который существенным образом облегчает оба эти процесса, поскольку позволяет извлекать словоформу как нечто целое.

Большая часть орфографических правил (как, заметим, и почти все правила графики) вообще никогда не подвергалась кодификации и даже не нуждается в ней (по крайней мере, для носителей данного языка как родного). Это оказывается реальным именно потому, что существует возможность их спонтанного усвоения. Эти правила постигаются на начальном этапе освоения грамоты, и в большинстве случаев их использование (мы не касаемся случаев речевой патологии) не вызывает сложностей у пишущего, поэтому мы и не замечаем самого факта их существования. На уровне практического пользования значительная часть орфографических правил доступна ребенку-первокласснику, еще незнакомому с какой бы то ни было лингвистической терминологией. Эти правила

даже не переходят в «светлое поле сознания», поскольку к моменту сознательного освоения языкового механизма при обучении в школе они оказываются так прочно освоенными, что не нуждаются в формулировании, экспликации.

Так или иначе, но к моменту освоения грамоты каждый ребенок уже практически владеет большим запасом корневых и аффиксальных морфем, а также словоформ как таковых — и то, и другое становится достоянием его ментального лексикона. Важно, что каждая морфема представлена в ментальном лексиконе как совокупность своих алломорфов, выбор которых предопределен их позицией, сочетаемостью, а в некоторых случаях — абсолютно ничем не мотивирован и определяется исключительно традицией. Единство морфемы, связанное с тождественностью ее содержательной стороны, не подлежит никакому сомнению. Именно это обстоятельство оказывается весьма существенным на том этапе, когда ребенок начинает свое знакомство с алфавитом, графикой и орфографией. На этом этапе каждая из уже имеющихся в устной речи единиц должна получить графическую репрезентацию. Знакомство с буквой и специфичностью соотношений между буквами и звуками в русском языке, с одной стороны, закрепляет уже сложившийся звуковой образ морфемы, с другой, — в известной степени разрушает его вследствие обнаруживаемой ребенком асимметрии плана содержания и плана выражения графем. Оказывается, что (а) каждый звук может быть выражен разными буквами и (б) каждая буква может соответствовать разным звукам. Более того, звук может быть выражен сочетанием букв, в некоторых буквах представлено сразу по два звука. Выясняется и ряд других удивляющих ребенка фактов. Эти обстоятельства не могут не вызвать вопросов у детей: «Пишется *собака*, а говорится *сабака*» и т.п. Однако уже на самой ранней стадии освоения грамоты встречаются удивительные случаи, свидетельствующие о том, что дети способны к установлению самостоятельных орфографических обобщений, сделанных на уровне языкового чувства. Так, мама спрашивает у четырехлетнего сына, почему он пишет «о» в конце слов «лето» и «небо» и слышит ответ: «Просто знаю, и все!» [Дети о языке 2001: 117]. Это «просто знаю» и есть результат самостоятельно проведенного сопоставления, восходящего

еще к дописьменному периоду конструирования языковой системы ребенка, форм «окно», «ведро», «зеркало» и пр., и выяснение того, что все они включают один и тот же компонент, присоединяемый к основе. В проведенном нами эксперименте (см. подробнее [Цейтлин 2004]) мы выяснили, что дошкольники и младшие школьники, лишь приступающие к освоению чтения и письма, уже владеют некоторыми орфографическими закономерностями, связанными с морфологическим принципом русского письма. В частности, они оказываются в состоянии выбрать расходящиеся с произношением, но одобренные традицией написания окончаний существительных, прилагательных, суффиксов наречий и т.п. Это оказывается возможным, поскольку представление о тождестве морфемы и способности не обращать внимания на разнообразие ее звуковых модификаций становится достоянием их ментальной грамматики на более ранних ее этапах.

ЛИТЕРАТУРА

Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьника. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. — М.; Воронеж, 2002.

Дети о языке / сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина. — СПб., 2001.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. Освоение ребенком родного языка. — М., 2017.

Цейтлин С.Н. К вопросу о возможности спонтанного усвоения орфографических правил // Человек читающий и пишущий. Проблемы и наблюдения. Материалы международной конференции (14–16 марта 2002 г., Санкт-Петербург). — СПб., 2004.

REFERENCES

Bozhovich E.D. Uchiteliu o yazykovoi kompetentsii shkol'nika. Psihologo-pedagogicheskie aspekty yazykovogo obrazovaniya, Moskva, Voronezh, 2002.

Deti o yazyke. Comp. Tseitlin S.N., Eliseeva M.B., Kuz'mina T.V., Sankt-Petersburg, 2001.

Tseitlin S.N. Yazyk i rebenok. Lingvistika detskoi rechi. Osvoenie rebenkom rodnogo yazyka, Moskva, 2017.

Tseitlin S.N. K voprosu o vozmozhnosti spontannogo usvoeniya orfograficheskikh pravil, in *Chelovek chitayushchii i pishushchii. Problemy i nabludeniya. Proceedings of International conference* (March 14–16, 2002, Sankt-Peterburg), Sankt-Petersburg, 2004.

Изучаем однородные члены предложения

В статье анализируются теоретические основы темы «Однородные члены предложения» и предлагаются разнообразные типы заданий с алгоритмом выполнения, целью которых является формирование умений и навыков нахождения однородных членов предложения в тексте, их грамматической характеристики и пунктуационного оформления. В центре авторского внимания находится осмысление учащимися понятия однородности, грамматических средств выражения однородности, однородных и неоднородных определений, конструкций, не являющихся однородными, пунктуации при однородных членах.

Ключевые слова: *однородные члены предложения; грамматические средства выражения однородности; обобщающие слова; конструкции, не являющиеся однородными; пунктуация; разграничение.*

Marina A. Dubova

Study the Homogeneous Parts of the Sentence.

The article analyses the theoretical basis of the theme «Homogeneous Parts of the Sentence» and offers various types of tasks with the algorithm of its making. The tasks purpose is the development of knowledge and skills of finding homogeneous parts of the sentence in the text, their grammar characteristics and punctuation pointing. Understanding of the homogeneity idea, grammar means of homogeneity expression, homogeneous and unhomogeneous attributes, not homogeneous constructions, punctuation under the homogeneous parts by schoolchildren is in the centre author's attention.

Key words: *homogeneous parts of sentence; grammar means of homogeneity expression; general words; not homogeneous constructions; punctuation; differentiation.*

Как известно, тема «Однородные члены предложения» изучается в рамках раздела «Простое осложненное предложение», включенного в программу по русскому языку для VIII класса, хотя первоначальные сведения об однородности ученики получают еще в III классе. Освоение этого раздела является для школьников

довольно сложным и трудоемким процессом. Многочисленные затруднения объясняются, на наш взгляд, в первую очередь, разнообразием тех синтаксических конструкций, которые изучаются в рамках этого раздела: однородные члены предложения; обособленные второстепенные члены; сравнительные конструкции; уточняющие, пояснительные и присоединительные конструкции; вводные и вставные конструкции; обращения [Дубова, Чернова 2014: 18].

Как мы видим, школьнику предстоит изучить множество разнообразных видов осложнения простого предложения с учетом способов их грамматического выражения, условий обособления, структурной характеристики, особенностей стилистического функционирования. В ходе освоения этих тем ученик должен будет приобрести не только практические навыки нахождения вышеперечисленных конструкций

Марина Анатольевна Дубова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

E-mail: dubovam@rambler.ru

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

ул. Зеленая, д. 30, Коломна, 140410, Россия

State Social and Humanitarian University

30 Zelenaya str., Kolomna, 140410, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Дубова М.А. Изучаем однородные члены предложения // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 31–37. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-31-37.

в тексте, но и умения их распознавать в плане сходства и отличий с другими конструкциями, осложняющими простое предложение, правильно их пунктуационно оформлять и характеризовать с точки зрения особенностей стилистического функционирования.

При изучении однородных членов предложения возникающие у учащихся трудности связаны, во-первых, с большим объемом теоретического материала, в составе которого необходимо, как минимум, рассмотреть определение однородных членов предложения; грамматические средства выражения однородности; охарактеризовать конструкции, не являющиеся однородными; осмыслить обобщающие слова при однородных членах предложения; пунктуацию при однородных членах и, наконец, особенности функционирования однородных членов в художественном тексте [Дубова 2015: 560].

Первоначально ученики получают теоретические знания по теме, основу которых, на наш взгляд, составляет **понятие однородных членов** как синтаксически одинаковых членов предложения, связанных друг с другом сочинительной связью; **сведения о грамматических средствах выражения однородности**, к числу которых относится одинаковая синтаксическая функция однородных членов; одинаковая смысловая связь с общим для них членом предложения, что подтверждается возможностью поставить к ним один и тот же вопрос; наличие или возможность включения между ними сочинительных союзов; интонация перечисления (одинаковая сила произношения однородных членов, усиленное ударение на каждом из них, наличие соединительных пауз при отсутствии союзов или при их повторении). Как известно, при отсутствии указанных признаков одноименные члены предложения не являются однородными. Учащиеся должны твердо уяснить, что однородными могут быть как главные, так и второстепенные члены предложения, что однородные члены предложения могут быть нераспространенными и распространенными, иметь как одинаковое морфологическое выражение, так и быть морфологически разнородными.

С целью выработки практических умений и навыков по названным аспектам темы считаем целесообразным предложить упражнения следующего плана.

Задание № 1. Рассмотрите примеры с однородными членами предложения. Определите, какие это члены предложения. Какими частями речи они выражены? В чем проявляется их однородность?

Образец выполнения:

Теперь рабочий более чем когда-либо зависит от рыночного спроса, от биржевой игры, от разных закулисных интриг. (Куприн).

(Зависит) от спроса, от игры, от интриг — однородные дополнения, выраженные существительными с предлогом, их однородность выражается одинаковыми формами слов, перечислительной интонацией, они отвечают на один вопрос (*зависит от чего?*), зависят от одного слова.

1) От неверного отблеска исполинских факелов нависшая над заводом дымная туча, то вспыхивая, то потухая, принимала странные и грозные оттенки. (Куприн). 2) И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаше сада, голоса да гулкий стук ссыпаемых в меры и кадушки яблок. (Бунин). 3) Толпятся бойкие девки-однодворки в сарафанах, сильно пахнущих краской, приходят «барские» в своих красивых и грубых, дикарских костюмах. (Он же). 4) Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом — красавец цыган. (Он же).

Задание № 2. Определите синтаксическую функцию и морфологическое выражение однородных членов предложения. Какие виды смысловых отношений реализуются ими? Какие средства в этом участвуют?

Образец выполнения:

А она уже не молодая, лет тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая. (Чехов).

(Она) не молодая, но высокая, стройная, чернобровая, краснощекая — однородные сказуемые, выраженные именами прилагательными, противительные отношения между однородными членами выражаются с помощью союза *но*, а также при помощи интонации (повышение в одной части, понижение в другой части).

1) По складу его ума, по его привычкам и вкусам ему лучше всего было посвятить себя кабинетным занятиям, профессорской деятельности или сельскому хозяйству. (Куприн). 2) Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный вид, и за свое тонкое белье, и за три тысячи своего годового жалованья. (Он же). 3) Андрей Ильич, незаметно для самого себя, то разговаривал вслух, то стонал, то громко

и отрывисто смеялся, между тем как пальцы его сами собой крепко сжимались в кулаки. (Он же). 4) Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смиренным. (Бунин). 5) Это был высокий и худой, но хорошо сложенный мужик, легкий на ходу и стройный, с небольшой, откинутой назад головой и с бирюзово-серыми, живыми глазами. (Он же).

Задание № 3. Рассмотрите однородные члены предложения с разным морфологическим оформлением. Какие это члены предложения? Укажите признаки их однородности.

Образец выполнения:

Девочка перестала плакать и только по временам всхлипывала перемогаясь. (Короленко).

В этом примере употреблены однородные сказуемые с разным морфологическим оформлением: (*Девочка перестала плакать и всхлипывала*). Первое сказуемое — составное глагольное, выраженное сочетанием личной формы вспомогательного глагола (*перестала*) и неопределенной формы основного глагола (*плакать*); второе сказуемое — простое глагольное. Грамматическими признаками однородности этих сказуемых являются: одинаковая синтаксическая функция, одинаковая смысловая связь с общим для них членом предложения (подлежащим) и возможность поставить к ним один и тот же вопрос (Что говорится о предмете речи? Что делала девочка?), а также наличие между ними соединительного союза *и*, интонация перечисления.

1) Он был, наконец, ленив, раздражителен, любил выпить, жить спустя рукава. (Бунин). 2) Моторин был тогда молод, крепок, сизо-красен, с чисто выбритым подбородком, с рыжими бачками, срезанными до половины. (Он же). 3) Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное? (Он же). 4) Бета считалась умницей, носила пенсне и, как говорили, хотела даже когда-то поступить на курсы. (Куприн).

Одним из наиболее сложных для понимания вопросов при изучении данной темы является **понятие об однородных**, в том числе **контекстуально однородных**, и **неоднородных определений**. Умение разграничивать их связано с правильной постановкой знаков препинания, так как однородные определения разделяются запятыми, а неоднородные — не разделяются. Ср.: *Как*

возмущалась моя провинциальная, мещанская гордость! (Чехов). — *Холодный мартовский дождь поливал меня.* (Он же).

К признакам однородности определенных традиционно относят следующие: семантическую одноплановость (размер, цвет, форма и др.); грамматическую одноплановость (разряды частей речи); равноправие друг с другом (не зависят друг от друга); зависят от одного слова и отвечают на один вопрос; перечислительную интонацию.

Признаки неоднородности определений следующие: семантическая разноплановость (размер, форма, цвет, материал, место, время, принадлежность и др.); грамматическая разноплановость (разряды слов); неравноправие (пояснение определением словосочетания, сложного наименования, состоящего из существительного и основного определения); отсутствие перечислительной интонации.

Задание № 4. В приведенных ниже предложениях найдите однородные и неоднородные определения. Как связаны между собой однородные определения? Какие признаки предметов они выражают? Какими частями речи они представлены? Что обозначают неоднородные определения? Какими грамматическими классами слов они выражаются?

Образец выполнения:

1) *У этих больших белых ворот сидела и вязала чулок старуха, похожая на старуху из сказки.* (Бунин).

У этих больших белых (ворот) — неоднородные определения, представлены указательным местоимением и двумя качественными прилагательными, обозначающими разные признаки: первое прилагательное (*большой*) обозначает размер предмета, второе прилагательное — цвет того же предмета. В связи с неоднородностью определений отсутствует перечислительная интонация, свойственная однородным определениям. С существительным *ворота* непосредственно связано только ближайшее к нему определение *белых*, а более удаленные от существительного определения подчиняются сочетанию *белые ворота*.

2) *Было у него большое, худое, слегка скуластое лицо, насуленные серые брови, небольшие зеленоватые глаза.* (Бунин).

Большое, худое, скуластое (лицо) — однородные определения, представлены качественными прилагательными, связаны бессоюзной связью и перечислительной интонацией, которая показывает, что каждое из

определений связано с определяемым существительным; выражают форму и размеры предмета (лица).

1) Густые, неровные брови сходились у переносья и придавали этим глазам строгое, пристальное и точно аскетическое выражение. (Куприн). 2) Густой, хриплый, непрерывный звук, казалось, выходил из-под земли и низко расстилался по ее поверхности. (Он же). 3) Он представлял себе ее стройную грациозную фигурку, улыбку ее томных, окруженных тенью глаз и запахом ее тела, напоминавший ему почему-то запах молодых клейких почек тополя. (Он же). 4) Ярмолы боком подходил к столу, облокачивался на него локтями, просовывал между своими черными, заскорузлыми, негибачущимися пальцами перо и спрашивал меня: «Писать?» (Он же). 5) Подходили сизые цыгане, рыжие польские евреи в парусиновых балахонах и сбитых сапогах, загорелые мелкопоместные дворяне в поддевках и картузах. (Бунин).

Задание № 5. В предложенном отрывке из повести А.И. Куприна «Поединок» найдите однородные определения. Какими средствами и смысловыми отношениями они связаны? Какие признаки предметов они обозначают? Какие стилистические функции они выполняют?

Образец выполнения:

Этот офицер всегда производил странное и раздражающее впечатление на Ромашова... (Куприн).

Странное и раздражающее (впечатление) — однородные определения, связаны соединительными отношениями с помощью одиночного соединительного союза *и*, который указывает на равноправие отношений и завершенность перечисления, выражены качественным прилагательным и причастием, перешедшим в прилагательное, так как оно обозначает не действие, а результат действия, передают оценку необычного поведения героя.

Этот офицер всегда производил странное и раздражающее впечатление на Ромашова, возбуждал в нем чувство, похожее на страх и любопытство. Осадчий славился... своим необыкновенным по размерам и красоте голосом, а также огромным ростом и страшной физической силой... Его иногда, для пользы службы, переводили из одной роты в другую, и в течение полугода он умел делать из самых распущенных, захудалых команд нечто похожее по стройности и исполнительности на огромную машину, пропитанную нечеловеческим трепетом перед своим начальником. Ромашову всегда чувствовалось в его прекрасном сумрачном лице,

странная бледность которого еще сильнее оттенялась черными, почти синими волосами, что-то напряженное, сдержанное и жестокое, что присуще не человеку, а огромному сильному зверю... И теперь он, не отрываясь, глядел, как этот самоуверенный, сильный человек спокойно садился у стены на предупредительно подвинутой ему стул.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить употреблению обобщающих слов при однородных членах предложения с точки зрения характеристики их типов и особенностей пунктуационного оформления.

Как известно, **обобщающие слова** являются самым общим выражением семантики однородных членов предложения. Они выполняют те же синтаксические функции, что и однородные члены. В основном обобщаются слова с предметным значением, реже — со значением признака и действия.

В роли обобщающих слов используются:

— местоименные и наречные слова: *всё, всегда, везде, всюду, никто, ничто, нигде, никогда* и др., например: *И теперь всё это — и плёс, и мельница, и уютные берега — принадлежали инженеру.* (Чехов);

— некоторые существительные: *предметы, вещи, явления, чувства, подарки, мебель* и т. п., например: *И у него была своя семья — жена и трое детей...* (Он же);

— некоторые прилагательные: *Слова в речи бывают разные: добрые и злые, важные и пустые;*

— сочетания именных слов: *Чепраков был не крепкого сложения: узкогрудый, сутулый, длинноносый.* (Он же);

— некоторые глагольные лексемы: *К свадьбе сына отец принарядился: надел костюм с медалями, обулся в праздничные туфли.*

Если обобщающее слово открывает сочиненный ряд, то после него ставится двоеточие: *Лес был небольшой, но красивый, особенно ежели принять во внимание, что вокруг него была бедная местность: поля да косогоры, кое-где поселки у оврагов, дубовые кусты в лощинах, хутора мелких помещиков и одинокая мельница-ветрянка на западном горизонте, на далеком возвышении.* (Бунин).

Если обобщающее слово закрывает сочиненный ряд, то перед ним ставится тире: *Это были ключи от буфета, от кухонного шкапа, от погреба и от чайной шкапулки — те самые ключи, которые когда-то носила моя мать.* (Чехов).

После обобщающих слов перед однородными членами могут стоять слова: *как то, а именно*, например: *Мне дороги все воспоминания детства, а именно: походы за ягодами в лес, поездки в летние лагеря, купание в пруду.*

Перед обобщающим словом после однородных членов могут быть слова со значением итога: *словом, короче говоря* и др.: *Человек в своей жизни должен отвечать за любовь, за потери, за разлуки, за встречи — словом, за всё, чем он живет.*

Задание № 6. Найдите однородные члены предложения и обобщающие слова при них, определите их синтаксическую функцию, способ морфологического выражения, синтаксические отношения и синтаксическую позицию, прокомментируйте пунктуацию.

Образец выполнения:

Вокруг доменных печей разбросались другие здания: ремонтные мастерские, литейный двор, промывная, паровозная, рельсопрокатная, мартеновские и пудлинговые печи и так далее. (Куприн).

Это предложение с однородными подлежащими, выраженными существительными, прилагательными в роли существительных, сочетаниями существительных с прилагательными, и обобщающим словом, выраженным сочетанием имени существительного с определительным местоимением (*другие здания*), которое также является подлежащим и стоит перед однородными членами. Между обобщающим словом и однородными членами ставится двоеточие.

1) Был ясный конец сентября, все было весело, прекрасно: и чистый воздух, и нежаркое солнце, и бег поезда, и открытые окна, и цветистые леса, мелькавшие вдоль них... (Бунин). 2) Дома ближайшей деревушки, деревья леса, протянувшегося зубчатой темной лентой на горизонте, поле в черных и желтых заплатках — все вырисовывалось серо и неясно, точно в тумане. (Куприн). 3) Все было серо, холодно и мокро: и земля, и небо, и тощая желтая трава, и бесформенные кучи камня, сваленные по сторонам дороги. (Он же). 4) И сейчас, под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки — антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», — а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас — крепкий и сладкий-пресладкий... (Бунин).

Анализируя однородные члены предложения, важно обратить внимание на конструкции, не являющиеся однородными, к числу которых относят:

— повторяющиеся слова, выступающие в роли единого члена предложения: *За теми деревьями леса, леса, леса.* (П. Мельников-Печерский);

— цельные выражения фразеологического характера, которые выполняют функцию единого члена предложения: *и день и ночь, ни свет ни заря, и стар и млад, ни жив ни мертв, ни дать ни взять, и так и этак, ни то ни се, ни взад ни вперед* и др.;

— осложненные формы простого глагольного сказуемого, образованные повторяющимися словами и частицами: *хочешь не хочешь, а идти нужно; вот уж спел так спел; сыграл так сыграл* и др.

Однородные члены предложения, как правило, связаны между собой сочинительной связью, которая выражается в интонации перечисления и в сочинительных союзах. Бессоюзное сочетание однородных членов обычно выражает соединительные отношения, например: *На душе было бодро, спокойно, весело.* (Л. Толстой).

Союзные сочетания однородных членов могут выражать различные смысловые отношения: соединительные, разделительные, противительные, сопоставительные и присоединительные. В реализации этих отношений основную роль играют союзы: соединительные: *и, да (и), ни — ни* и др.: *Кухарка Аксинья, увидев меня, всплеснула руками и почему-то заплакала.* (Чехов); противительные: *а, но, да (но), зато, однако* и др.: *Николай и Ольга с первого взгляда поняли, какая тут жизнь, но ничего не сказали друг другу.* (Он же); разделительные: *или, либо, то — то, не то — не то, то ли — то ли* и др.: *А для наших детей или внуков вопрос этот, — правы они или нет, — будет уже решен.* (Он же); сопоставительные: *как... так и; не только... но и; хотя и... но; если не... то; не то чтобы... а (но); не столько... сколько:* *Марья сказала, что она никогда не бывала не только в Москве, но даже в своем уездном.* (Он же); присоединительные: *да и, а и, но и, да и то, а и то:* *Ефимья боялась мужа, трепетала от его шагов, слов, да и от одного только взгляда.* (Он же).

На письме однородные члены разделяются запятой:

— если они соединяются без союзов: *Правда, он брал меня за талию, ласково хлопал по плечу, одобрял мою жизнь...* (Чехов);

— если они соединяются противительными союзами: *В конце апреля неожиданно пошел снег, но растаял быстро.* (По Чехову);

— если они соединяются двойными союзами: *Мне казалось тогда, что не только все наши женщины, но и девушки вульгарно одеты.* (Он же);

— если они соединяются повторяющимися соединительными и разделительными союзами: *Шел ли я по улице, работал ли, говорил ли с ребятами, я все время думал только о том, как вечером пойду к Марии Викторовне...* (Он же).

Считаем целесообразным для закрепления изученного материала предложить упражнения, обучающая цель которых состоит в выявлении и характеристике однородных членов предложения, выполняющих различную синтаксическую функцию (как главных, так и второстепенных).

Задание № 7. Подчеркните однородные приложения, укажите их морфологическую форму и средства их выражения. Какой член предложения уточняется, поясняется, эмоционально поддерживается ими? Какие смысловые отношения ими реализуются?

Образец выполнения:

Театра злой законодатель, непостоянный обожатель очаровательных актрис, почетный гражданин кулис, Онегин полетел к театру... (А. Пушкин).

Театра злой законодатель, непостоянный обожатель очаровательных актрис, почетный гражданин кулис, (Онегин) — однородные приложения, выраженные существительными с пояснительными словами, подчиняются подлежащему, выполняя при нем пояснительную функцию, между однородными приложениями выражаются соединительные отношения, однородность выражена также перечислительной интонацией.

1) Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступить не мог и никаких поручений от него принять не мог. (Пушкин). 2) У него, у сорокачетырехлетнего человека, агронома и хозяина, навертывались слезы, беспричинные слезы. (Тургенев). 3) Старый мастеровой, герой труда еще тех первых лет восстановления хозяйства, он выдвинулся как производственник. (Фадеев). 4) Отец Вани, Александр Федорович Земнухов, работал сторожем в тресте, а Ковалев, отец Клавы, заведующий хозяйством управления, был его непосредственным начальником. (Он же).

Задание № 8. Укажите однородные дополнения и способ их морфологического выражения. Определите смысловые отношения между однородными членами и средства связи. Укажите случаи распространения однородных дополнений.

Образец выполнения:

Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный вид, и за свое тонкое белье... (Куприн).

(Ему становилось стыдно) и за свой выхоленный вид, и за свое тонкое белье — однородные дополнения, выражены существительными в винительном падеже с предлогом *за*, связаны соединительными отношениями с помощью повторяющихся союзов *и* и перечислительной интонацией, повторяющиеся союзы указывают на значимость каждого однородного члена и создают экспрессивную окраску. Все однородные дополнения распространены согласованными определениями.

1) Все надписи трогательно говорили о покое и отдыхе, о нежности, о любви, которой как будто нет и не будет на земле, о преданности друг другу и покорности богу, о горячих упованиях на жизнь будущую и свидание в иной, блаженной стране... (Бунин). 2) Всё надеялся как-нибудь урвать свободный вечерок, захватить с собой ковер, самовар, посидеть на траве, в прохладе, в зелени — да так и не урвал... (Он же). 3) И Кузьма невесело взглянул и на них, и на соломенные крыши по слободской горе, на дымчатые и синеватые тучи над ними, и на рыжую собаку, грызущую во рву кость. (Он же). 4) Но ни старушка, ни гусары ее незабвенной памяти, ни любезные сердцу дубровы с барышней сегодня не возбуждали сладких воспоминаний. (А. Белый).

Задание № 9. Укажите однородные обстоятельства, их группы по значению (образа действия, меры и степени, места, причины, цели, условия, уступки) и по выражаемому между ними синтаксическим отношениям, а также способы морфологического выражения. Назовите распространенные однородные обстоятельства.

Образец выполнения:

Всё надеялся как-нибудь урвать свободный вечерок, захватить с собой ковер, самовар, посидеть на траве, в прохладе, в зелени — да так и не урвал... (Бунин).

(Посидеть) на траве, в прохладе, в зелени — однородные обстоятельства места с соединительными отношениями при перечислении без союзов; выражены существительными в предложном падеже, нераспространенные.

1) Кровь была также у него во рту и на губах, он слышал ее соленый, металлический вкус. (Куприн). 2) Вот точно вздохнуло в белой зале, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально. (Он же). 3) Тому, кто ходил под дождем, ветром и снегом побираться, всякая изба покажется уютной и веселой. (Бунин). 4) Идут по двое, по трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную к яблоне. (Он же).

Задание № 10. Найдите однородные сказуемые, укажите их типы, отношения между ними и средства их выражения.

Образец выполнения:

«Пора!» — **решил он и тотчас же слез с печи, взял ружье, захватил** кусок хлеба и, кликнув Мурзика, **зашагал** к оврагам. (Бунин).

(Он) **решил и (тотчас же) слез (с печи), взял (ружье), захватил (кусок хлеба) и, (кликнув Мурзика), зашагал (к оврагам)** — однородные простые глагольные сказуемые, представленные глаголами совершенного вида, прошедшего времени; выражают последовательность действий, распространены все, кроме первого (обозначает мыслительное действие, остальные глаголы — конкретные физические действия), отношения соединительные, с сочинительной и бессоюзной связью и перечислительной интонацией; согласуются с подлежащим в единственном числе.

1) Наконец, я перебрался через это болото, взобрался на маленький пригорок и теперь мог хорошо рассмотреть хату. (Куприн). 2) Думая о свидании с Ниной, он старался заранее его себе представить, невольно готовил нежные, страстные и красноречивые фразы и потом сам смеялся над собою. (Он же). 3) И вот только поздно вечером на другой день он явился в лес, зарядил ружье картечью, поужинал одним хлебом и лег спать, твердо решившись отправиться в овраги наудачу и взять у волчицы детенышей с бою. (Бунин). 4) И как там, в пруду, плавают грустные уточки — поплавают, выйдут на сушу грязцы пощипать, хвостиками повертят, и чинно, чинно пойдут они развальцем за крыкнувшим селезнем, ведут непонятный свой разговор. (А. Белый).

В качестве обобщающего предлагаем упражнение, задание к которому предполагает выполнение анализа однородных членов предложения по схеме:

1) выпишите однородные члены вместе с главными словами;

2) укажите синтаксическую функцию однородных членов и степень их распространенности;

3) укажите способ морфологического выражения однородных членов;

4) выявите синтаксические отношения между однородными членами;

5) укажите средства связи между однородными членами (союзы, бессоюзие, согласование сказуемого, интонация);

6) укажите наличие или отсутствие обобщающего слова при однородных членах, а также способ выражения обобщающего слова при его наличии и порядок расположения по отношению к однородным членам;

7) прокомментируйте, какие стилистические функции выполняют однородные члены (уточняют разные детали общей повествовательной или описательной картины, представляют динамику действий, образуют ряд эпитетов, обладающих экспрессивностью, и др.);

8) объясните пунктуацию при однородных членах предложения.

ЛИТЕРАТУРА

Дубова М.А., Чернова Л.А. Уроки-семинары на тему «Грамматические и стилистические особенности обособленных определений (на материале рассказа А.И. Куприна «Гамбринус»)» // Русский язык в школе. — 2014. — № 10. — С. 18–21.

Дубова М.А. Новые формы работы на уроках русского языка в школе при системно-деятельностном подходе (на материале изучения темы «Однородные члены предложения») // Педагогическое образование: вызовы XXI века: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Москва 17–18 сентября 2015 г. — М., 2015. — 629 с. — С. 560–565.

REFERENCES

Dubova M.A., Chernova L.A. Uroki-seminary na temu «Grammaticheskie i stilisticheskie osobennosti obosoblennyyh opredelenii (na materiale rasskaza A.I. Kuprina «Gambrinus»)», in *Russkii yazyk v shkole*, No. 10, 2014, pp. 18–21.

Dubova M.A. Novye formy raboty na urokakh russkogo yazyka v shkole pri sistemno-deyatelnostnom podhode (na materiale izucheniya temy «Odnorodnye chleny predlozheniya»), in *Pedagogicheskoe obrazovanie: vyzovy XXI veka: collection of scientific articles of International research and practise conference, Moscow, September 17–18 2015*, Moskva, 2015, pp. 560–565.

Работа по формированию навыков выразительного чтения у учащихся (Подготовка к устной части ОГЭ по русскому языку)

Предлагаемые методические рекомендации включают рассмотрение как теоретических вопросов, так и практических приемов формирования выразительного чтения.

Ключевые слова: *методика подготовки; ГИА; устная часть экзамена; интонационная разметка текста; система упражнений; навыки выразительного чтения.*

Ol'ga V. Lysova, Anastasiya I. Lysova

Work of Skills of Expressive Reading Development of Schoolchildren (Preparation for the Oral Part of Basic State Examination on Russian Language).

The offered methodological recommendations include the consideration both theoretic questions and practical procedures of expressive reading development.

Key words: *preparation methodology; State Final Examination; oral part of examination; intonation text markup; exercises system; expressive reading skills.*

В последние годы коммуникативно-му воспитанию обучающихся придается большое значение, так как в нем совершенно справедливо видят залог успешного формирования социально активной личности.

Многие исследователи речи, методисты отмечают недостаточную сформированность основных коммуникативных умений, а результаты выполнения письменных заданий ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку во многом противоречат реальной речевой

ситуации, сложившейся в современном российском обществе.

Так, И.П. Цыбулько в «Методических рекомендациях для учителей, подготовленных на основе анализе типичных ошибок участников ЕГЭ 2016 года по русскому языку» приводит следующие данные: задания, связанные со знанием орфоэпических норм (постановка ударения), выполняются правильно 78,9% выпускников. Но многие слова, входящие в орфоэпический минимум, в устной речи произносятся с нарушением норм.

На занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» мы попросили студентов I и II курсов поставить ударение в словах: *позвонит, мусоропровод, банты, доверху, красивее, торты*, а через некоторое время — прочитать эти слова вслух. Первую часть задания 98% студентов выполнили без ошибок, при чтении эти результаты были значительно ниже: правильно произнесли слова *позвонит* — 69% студентов, *мусоропровод* — 73%, *банты* — 65%, *доверху* — 84%, *красивее* — 61%, *торты* — 58%.

Необходимость совершенствования навыков говорения и чтения школьников обусловлена и тем, что в обыденной жизни преобладает устная речь, поэтому ее и считают ведущей. В современном обществе все большее предпочтение отдается качествам личности, умеющей осуществлять устную коммуникацию, и в этом смысле речевое развитие, уровень сформированности коммуникативной компетенции (всех видов речевой деятельности) школьников имеют решающее значение.

Ольга Васильевна Лысова, кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: Lysova_Olga@inbox.ru

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Бирский филиал

ул. Интернациональная, д. 10, Бирск, 452453, Башкортостан, Россия

Bashkir State University, Birk branch
10 Internatsionalnaya str., Birk, 452453,
Bashkortostan, Russian Federation

Анастасия Игоревна Лысова, студент

E-mail: nastyalysova@gmail.com

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Бирский филиал

ул. Интернациональная, д. 10, Бирск, 452453, Башкортостан, Россия

Bashkir State University, Birk branch
10 Internatsionalnaya str., Birk, 452453,
Bashkortostan, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Лысова О.В., Лысова А.И. Работа по формированию навыков выразительного чтения у учащихся (Подготовка к устной части ОГЭ по русскому языку) // Русский язык в школе. — 2018. — № 6. — С. 38–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-38-42.

В 2017 году в обязательный государственный экзамен по русскому языку внесено изменение — в нем появилась устная часть, одним из заданий которой является выразительное чтение текста.

Задание устной части экзамена сформулировано следующим образом: «Выразительно прочитайте текст вслух. У Вас есть 1,5 минуты на подготовку. Обратите внимание на то, что чтение текста вслух не должно занимать более 3 минут».

При оценивании учитываются следующие критерии:

1. Выразительность речи во время чтения (соответствие интонации пунктуационному оформлению текста).

2. Соблюдение грамматических, орфоэпических норм.

3. Искажённое/верное прочтение слов.

4. Темп чтения, который должен соответствовать коммуникативной задаче.

Умение читать не приходит само собой, формирование навыка чтения происходит в течение 5–6 лет и требует постоянной, целенаправленной работы.

Применение выразительного чтения в процессе изучения русского языка открывает перед учащимися звуковую сторону речи, демонстрирует мастерство писателя, помогает понять связь интонации с синтаксической структурой предложения и тем самым повышает культуру устной речи.

Вопрос развития навыков выразительного чтения в методической литературе в основном связан с уроками литературы, с умением читать выразительно произведения разных жанров (сказку, басню, прозу и т.д.). К VIII классу курс обучения выразительному чтению должен быть в основном окончен, т.е. предполагается, что учащиеся практически усвоили основы искусства выразительного чтения и ознакомились с принятой в нем терминологией.

Однако специальные исследования устной речи учащихся и наши собственные наблюдения показывают отсутствие элементарных фонетических умений у школьников: они делают случайные логические ударения, не умеют понизить или повысить голос; затрудняются интонационно правильно произнести тот или иной отрезок речи. Этими же недостатками характеризуется и выразительное чтение: учащиеся не умеют выразительно «читать» знаки препинания; передавать голосом логическое и эмоциональное содержание читаемого и др.

Все перечисленные умения — важнейшие условия выразительного чтения. Оправданная интонация, верное логическое ударение и содержательная пауза, которые являются существенным компонентом общей произносительно-слуховой культуры и теснейшим образом связаны с работой над звуковой стороной речи учащихся, предполагают формирование навыков фонетико-интонационного оформления речи. Работа над интонационным оформлением связного текста ведется на уроках русского языка и литературы. Однако теоретической основой фонетико-интонационного оформления речи являются уроки русского языка, на которых учащиеся изучают фонетику и синтаксис.

Предлагаемые нами разнообразные упражнения, направленные на совершенствование голоса, дикции и произношения, помогут организовать работу над техникой чтения.

Одним из эффективных упражнений по развитию навыков выразительного чтения является **интонационная разметка текста**, которая проводится по следующему плану:

- 1) разметьте место пауз и их долготу (пауза отмечается вертикальной чертой, короткая — | (одной чертой), длинная — || (двумя). Длинные паузы соответствуют знакам препинания, короткие ставятся внутри предложений);

- 2) подчеркните те слова, на которые падает логическое ударение;

- 3) отметьте движение тона;

- 4) прочитайте текст (предложение) в соответствии со сделанной разметкой.

И хотя данные умения должны быть сформированы у школьников в ходе изучения фонетики и синтаксиса, опыт преподавания в вузе дисциплины «Русский язык и культура речи» на протяжении последних лет свидетельствуют, что элементарные знания по теме «Техника речи» отсутствуют у большинства студентов.

Также анализ существующих образовательных программ и учебников по русскому языку показал, что в них не получил необходимого теоретического и методического освещения вопрос обучения интонации, логическому ударению, паузам. Поэтому для правильного выполнения предложенного задания необходимо дать лингвистический комментарий, который учитель должен предлагать учащимся по мере изучения тех или иных тем. Предлагаемые методические рекомендации включают

основные сведения, которые учащиеся смогут усвоить и применять на практике, начиная с V класса.

Например, при изучении темы «Однородные члены предложения» при выполнении традиционных грамматических заданий, направленных на нахождение и выделение данной синтаксической конструкции, конструирование предложений с однородными членами и т.п., необходимо обратить внимание на особенности интонации перечисления в предложениях с однородными членами при чтении и произнесении: логическое ударение падает на каждое из перечисленных слов, постепенно усиливаясь. Самое сильное ударение падает на последний из однородных членов: *Он роиц полюбил густые, уединенье, тишину, и ночь, и звезды, и луу...* (Пушк и н). При противительных или разделительных союзах логическое ударение падает на противопоставляемые слова, причем на втором слове ударение более значительное: *Дружба крепка не лестью, а правдой и честью.*

После специального знакомства с перечислительной интонацией необходимо требовать от учащихся точного соблюдения ее в любой произносимой или прочитанной ими фразе с однородными членами, даже при работе с предложениями, взятыми для синтаксического разбора, и дополнить задание:

Прочитайте предложения, соблюдая правильную интонацию, и выполните синтаксический разбор.

Все зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. (Тургенев).

В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений. (Пушк и н).

Татьяна верила преданьям простонародной старины, и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны. (Он же).

Гаврила хотел было что-то возразить, да сжал губы. (Тургенев).

Дни стояли пасмурные, однако теплые. (Аксаков).

Параграф учебника V класса, знакомящий учащихся с особенностями обращения как интонационной конструкции, содержит следующую информацию: «Обращение произносится с особой — **звательной** — интонацией: сначала тон повышается, затем — понижается» [Русский язык 2006: 85]. Но это замечание в полной мере относится только к тем обращениям, которые стоят в начале предложения. Примеры в упражнениях к данному

параграфу включают не только употребление обращений в начале предложения, но и примеры предложений, где обращение стоит в середине или конце предложения, для которых не характерна особая звательная интонация.

Б.С. Найденев в работе «Выразительность речи и чтения» дает следующие пояснения: «Если обращение стоит в середине фразы, оно не только не имеет звательной интонации, но и не составляет особого звена, а присоединяется либо к предшествующему, либо к последующему: *Ты подожди, Сергей, / минутку*» [Найденев 1969: 138].

Далее он рассматривает особенность произношения обращения в конце предложения: «Если обращение находится в конце предложения, то оно может произноситься так же, как в середине... без звательной интонации и без паузы: *Я не виню тебя, Илья* (И.А. Гончаров, Обломов). Если автор придает обращению особое значение, то оно имеет звательную интонацию и логическое ударение. Обычно это бывает распространенное обращение, образующее речевое звено» [Там же: 139].

Поэтому необходимо дополнительно уточнить, что в этих позициях (в середине и конце предложения) обращение не имеет особой звательной интонации и произносится без паузы: *Где вы, ребята, отдыхали? Где ты отдыхал, дружок?*

Усвоение детьми типовых интонационных конструкций русского языка является одной из важнейших задач работы по развитию речи. Формирование у учащихся прочных фонетико-произносительных навыков требует известной повторяемости упражнений по интонационной разметке текста и систематичности проведения (работа возможна как с отдельными предложениями, так и с небольшими связными текстами).

Учащиеся должны упражняться в выразительном чтении на каждом связном тексте, чтобы ни один текст на уроке не был прочитан монотонно, невыразительно.

Еще одним важным аспектом выразительного чтения, который будет оцениваться, является произносительная культура чтения, которая включает соблюдение орфоэпических норм и верное прочтение слов.

Для многих школьников характерны следующие фонетические ошибки: нередуцированное произношение безударных гласных; произношение парных звонких согласных на конце слова и перед

шумными глухими вместо глухих; чтение буквосочетаний *стн*, *здн* со средним согласным звуком; перестановка единиц чтения; замена одних букв на другие и т.п.

Для совершенствования этих навыков можно рекомендовать ряд упражнений, направленных на работу над произносительной (звуковой) стороной речи:

— с целью совершенствования орфоэпических навыков используется звуковой образец (будь то: речь учителя, фильм, запись классического произведения литературы, профессиональных чтецов или артистов);

— с целью формирования практических произносительных навыков можно использовать на уроке следующие виды заданий:

1) Прочитайте, соблюдая орфоэпические нормы. Распределите по группам слова: произношение буквосочетаний *чт*, *чн*; нормы ударения в словах; произношение окончаний прилагательных; произношение согласного перед *е* в заимствованных словах.

Чтобы, успешного, тезис, красивее, конечно, Никитична, шарфы, темп, гипотеза, весеннего, лучшего, торты, баловать, тембр, агрессия, что.

2) Прочитайте «Рассказ школьного портфеля». Какие орфоэпические нормы нарушены? Прочитайте эти слова правильно.

Знакомьтесь: Петя. Мой сосед.
Ему уже двенадцать лет.
Но говорит он до сих пор
Не «коридор», а «колидор».
«Дилектор входит кабинет...»
«Закрыт магАзин на обед...»
«Хозяйка моет стаканЫ...»
«Секёт свеклУ...»
«Пекёт блины...»
И до меня дошел черед:
Портфель он «пОртфелем» зовет.
Но мне не зря «Родную речь»
Судьбой доверено беречь.
И я придумал не шутя:
Пусть и его зовут ПетЯ.

(Ю. Тимьянский).

3) Установите звук (звуки), который является общим в каждой группе слов. Какие правила произношения вы вспомнили?

- а) Книжка, нож, шар;
- б) все, лов, овсом;
- в) лесной, лиса, леса.

4) «Орфоэпические бои». На таблице (или экране), изображающей «поле боя»,

пишутся слова, которые вызывают у школьников трудности в произношении. Выходя к доске, учащиеся поочередно молча указывают друг другу на слова, которые нужно произнести вслух. Если отвечающий ошибается, то ошибку исправляют всем классом (с произнесенными вслух словами можно составить словосочетания и предложения).

В последние годы к типичным ошибкам, допускаемым обучающимися при чтении, относятся ошибки, связанные с искажением звукобуквенного состава.

Причины подобных ошибок — несовершенство зрительного восприятия и неразвитость артикуляционного аппарата, а также «чтение по догадке». В основе этого явления лежит такое свойство человека, как антиципация — способность предугадывать смысл еще не прочитанного текста по тому, что уже известно из прочитанного предыдущего отрывка. Догадка появляется у чтеца с приобретением читательского опыта и является, таким образом, признаком его продвижения в овладении навыком чтения.

С целью исправления и предупреждения подобных ошибок при чтении следует включать в урок упражнения, тренирующие зрительное восприятие:

1) Чтение пары слов, отличающихся одной буквой: *козы — косы, ветер — вечер, трава — травы, вбежал — взбежал*.

2) Чтение цепочки слов, близких по графическому облику: *вслух — глух — слух; выют — व्यон — व्यюга*.

3) Отделение слов от псевдослов: *дорога, вунка, олубет, метро*.

4) Поиск слов, совпадающих с эталоном: *фламенидия — фломанидия, фломенадия, флонемидия...* [Заика 1995: 51].

5) «Поочередное чтение слов нормально». Чтение слов наоборот по буквам. Это упражнение развивает способность строгого побуквенного анализа каждого слова (прогнозирование при этом полностью исключается). Поочередное чтение слов нормально и наоборот. Первое слово (покажем на примере названия упражнения «Поочередное чтение слов нормально») читается как обычно: *поочередное*; второе — справа налево: *еинетч* (чтение); третье — как обычно: *слов*; четвертое — справа налево: *оньлавро* и т.д. Это упражнение развивает способность перцептивной и речедвигательной систем работать при одновременном функционировании двух противоположных установок.

Работа над совершенствованием навыков техники чтения должна вестись систематически, на протяжении всего курса русского языка, учитель должен максимально использовать для этого программный материал и те возможности, которые предоставляет школьный учебник не только в разделах «Фонетика и графика» и «Синтаксис и пунктуация». Продемонстрируем это на примере упражнения из раздела «Имя прилагательное как часть речи», которое прямо не связано с работой над звуковой стороной речи (задание к нему: «Прочитайте. Спишите, подчеркните прилагательные. Обозначьте их род, число, падеж»), а между тем и сам языковой материал и задание к упражнению содержат возможности для работы в этом направлении.

Люблю березку русскую,
То светлую, то грустную,
В белом сарафанчике,
С платочками в карманчиках.
С красивыми застёжками.
С зелеными сережками.
Люблю ее нарядную,
Родную, ненаглядную,
То ясную, кипучую,
То грустную, плакучую.

(А. Прокофьев).

Вот один из возможных вариантов работы:

1. Прочитайте текст про себя. Каким тоном следует читать этот текст?
2. Найдите в первом предложении однородные члены. Каким образом они выделяются при чтении (паузы, повышение тона)? Какое из слов, входящих в ряд однородных членов, нужно прочитать наиболее сильно?
3. Правильно почтите слова, следите за ударением и произношением слов: *белом, карманчиках, кипучую*.
4. Как произносятся согласные в словах: *березку, застёжками, сережками*? В чем проявляется расхождение между написанием и произношением?
5. Прочитайте текст упражнения вслух, следя за выразительностью интонации и правильностью произношения слов.

Значительная часть упражнений школьных учебников может быть использована подобным образом для совершенствования навыков выразительного чтения, причем

не в ущерб изучаемому в данный момент материалу. Такая работа особенно необходима в тех случаях, когда задание учебника включает чтение текста. На наш взгляд, золотым правилом учителя должно стать требование: обязательное выразительное чтение текста до выполнения языковых заданий и разборов.

На наш взгляд, систематически используя в учебной практике задания по интонационно-смысловому анализу текста и выразительному чтению, мы сможем подготовить учащихся к выполнению одного из заданий итоговой аттестации по русскому языку — выразительному чтению текста, овладение навыками которого является важным звеном в формировании выразительной устной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Заика Е.В. Упражнения для формирования навыка чтения у младших школьников // Вопросы психологии. — 1995. — № 5.

Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Т.А. и др. Русский язык учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений. — 33-е изд., дораб. — М., 2006.

Найденев Б.С. Выразительность речи и чтения. — М., 1969.

Проект «Модель раздела «Говорение» в государственной итоговой аттестации по русскому языку». — М., 2017.

Цыбулько И.П. Методические рекомендации для учителей, подготовленных на основе анализе типичных ошибок участников ЕГЭ 2016 года по русскому языку. — М., 2016.

REFERENCES

Zaika E.V. Uprazhneniya dlya formirovaniya navyka chteniya u mladshih shkol'nikov, in *Voprosy psihologii*, No.5, 1995.

Tsybul'ko I.P. Metodicheskie rekomendatsii dlya uchitelei, podgotovlennykh na osnove analiza tipichnykh oshibok uchastnikov EGJe 2016 goda po russkomu yazyku, Moskva, 2016.

Naidenov B.S. Vyrzitel'nost' rechi i chteniya, Moskva, 1969.

Proect "Model' razdela «Govorenie» v gosudarstvennoi itogovoi attestatsii po russkomu yazyku", Moskva, 2017.

Ladyzhenskaya T.A., Baranov M.T., Trostentsova L.A. et al. Russkii yazyk: textbook for 5th forms of general ed. organizations, iss. 33 revised, Moskva, 2006.

Публикации профессора М.В. Ушакова на страницах журнала «Русский язык в школе» (К 120-летию со дня рождения)

В настоящей статье дан перспективно-исторический анализ части публикационного архива профессора М.В. Ушакова, представленного на страницах журнала «Русский язык в школе». Через хронологические срезы публикационной тематики конкретизированы основные направления научно-исследовательского поиска ученого, зафиксированы моменты перехода актуальных авторских идей в разряд традиционного методического знания. Временные рамки исследования заданы поднятой проблематикой и охватывают период с 1928 по 1968 г.

Ключевые слова: профессор М.В. Ушаков; журнал «Русский язык в школе»; методика обучения орфографии и грамматике; экспериментальные методы в науке.

Svetlana N. Karamycheva

Professor M.V. Ushakov's Publications in the Journal «Russian Language at School» (to 120th Anniversary of the Birth).

The perspective-historical analysis of the part of the professor M.V. Ushakov's publications archive presented in the journal «Russian language at school» is given in the article. The main trends of investigative search of the scientist are particularized through the chronology of publication subject. The moments of transition of author's ideas on the stage of traditional methodological knowledge is fixed. The time frames of investigation are given by raised problem and cover the period since 1928 till 1968.

Key words: professor M.V. Ushakov; journal "Russian language at school"; orthography and grammar teaching methodology; scientific experimental methods.

Имя Матвея Васильевича Ушакова широко известно не только научному сообществу методистов, но и учительскому корпусу. Посвятив свою профессиональную деятельность решению одной из сложнейших проблем методики русского языка, а именно теории и практике формирования орфографической грамотности

у школьников, М.В. Ушаков оставил богатое методическое наследие, характеризующееся такой уникальной особенностью, как тщательно проработанная целостность развернутой идеи и методов ее осуществления. Причем понятие целостности в данном случае отражает не столько статику хронологических срезов публикационных тем и эпизодическую конкретику сиюминутно предлагаемых решений, сколько постоянный, неконъюнктурный, шедший всю профессиональную жизнь поиск, поиск настоящего ученого-методиста, как всегда скрупулезный и педантичный.

В работах профессора М.В. Ушакова, будь то журнальные статьи, методические бюллетени и письма, пособия, рекомендации и обзоры, нет ни одного утверждения, логического посыла или аргумента, которые не были бы многократно выверены на основе личного методического опыта, отточены на исторически устоявшемся

*Светлана Николаевна Карамышева, доцент
кафедры филологии и методики*

E-mail: irk-svetlana961@mail.ru

Иркутский государственный университет

*ул. Карла Маркса, д. 1, Иркутск, 664003,
Россия*

Irkutsk State University

*1 Karl Marx str., Irkutsk, 664003, Russian
Federation*

Ссылка для цитирования: Карамышева С.Н. Публикации профессора М.В. Ушакова на страницах журнала «Русский язык в школе» (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 43–51. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-43-51.

научно-методическом и лингвистическом знании и подчинены основной исследовательской цели — «обосновывать обучение правописанию на изучении свойств самого правописания» [Ушаков 1930: 108]. Отсюда возвратно-поступательный динамизм в формировании собственной научной позиции и стремление ученого к планомерному, досконально детализированному анализу ранее сделанного как им самим, так и коллегами по научному сообществу, что нашло свое отражение в регулярно публикуемых им рецензиях на учебники, методические пособия и т.д.

Будучи признанным мастером методического эксперимента и, пожалуй, одним из тех немногих, кто преодолел субъективистские границы невоспроизводимой уникальности авторских методик и подходов, М.В. Ушаков вывел эксперимент в методике русского языка на уровень надындивидуального и типологического, задав высокую планку объективной предметности и научности. При этом характерной, неотъемлемой чертой экспериментальной деятельности М.В. Ушакова являлась ее безусловная, а не декларативная открытость на всех процессуальных этапах, вплоть до детального рассмотрения принципов подбора диагностических средств, обоснованности мотивационно-побудительных моментов и собственно технологии проведения эксперимента. Поэтому в дискуссии 1960-х гг. Бархударова и Текучева о методике русского языка как о науке М.В. Ушаков оказался, пожалуй, единственным, кто последовательно и бескомпромиссно отстаивал равнозначность и равноценность методов наблюдения и эксперимента в методике русского языка.

Так, в статье «Об эксперименте в методике русского языка», размещенной в № 1 журнала «Русский язык в школе» за 1960 г., он отмечал: «Против эксперимента в методике иногда возражают, указывая, что он очень громоздок и неприменим в массовых условиях, так как требует большого количества испытуемых», и далее, отводя подобные доводы как необидительные, констатировал, что «само обращение к эксперименту, к анализу фактов для доказательства методических положений можно признать прогрессивным». Более того, тот, кто «пытается доказать его нецелесообразность и невозможность», оказывает плохую услугу «методике русского языка как науке, отказывая ей в методе, который является

вполне объективным и больше приближает ее к точным наукам» [Ушаков 1960: 95].

Не менее показательной в плане неизменного стремления М.В. Ушакова к открытости в науке, преодолению кабинетно акцентированных трафаретов, а вместе с ними и безысходности идеологизированной предвзятости является его и более ранняя статья «Грамматика и правописание», опубликованная в № 2–3 журнала «Русский язык в советской школе» за 1931 г. [Ушаков 1931]. Эта статья, содержательно выстроенная в контексте идей А.М. Пешковского, появилась в обстановке стремительно набравшей обороты жесткой, идеологизированной риторики, нацеленной против формального подхода в лингвистике и в школьной грамматике, когда «конфликт между усиливающимся давлением марризма и здравым смыслом» [Апресян 2001: III] еще не достиг своего апогея, но уже прозвучали как заранее вынесенный приговор слова «пешковщина» и «враг советского учительства», ставшие через год, после опубликования сборника статей под броским названием «Против буржуазной контрабанды в языкознании», сиюминутно хлесткими, но идейно выдержанными определениями.

Заострив внимание на этих двух, разнесенных во времени на три десятилетия статьях М.В. Ушакова, мы стремились не столько подчеркнуть или «оттенить» ряд личностных качеств, сколько выделить один, но немаловажный биографический факт из жизни ученого. Речь в данном случае идет о долговременном и плодотворном сотрудничестве с журналом «Русский язык в школе». Список статей, опубликованных М.В. Ушаковым на страницах журнала, составленный методом сплошной выборки, состоит, по нашим подсчетам, из 46 работ, включая 10 статей-рецензий, а это без малого четверть всего публикационно-го архива ученого.

Первые публикации М.В. Ушакова в нашем журнале пришлось на начало 1928 г., а их тематика была непосредственно связана с развитием так называемого «школьно-грамматического кризиса», что нашло свое отражение в названиях статей: «Голос учительства по вопросам преподавания грамматики» и «Современный конфликт между школьной и научной грамматикой». В этом же году он выступил и в качестве рецензента, опубликовав четыре критических отзыва, три из них были размещены

на страницах журнала «Родной язык и литература в трудовой школе».

Осенью 1929 г., после опубликования в «Учительской газете» программной статьи сотрудника сектора науки Наркомпроса РСФСР И.В. Устинова «Реформа русского правописания 1917 года осталась незаконченной!», вызвавшей острополемический отклик не только в кругу специалистов, но и среди широких читательских масс, Наркомпрос РСФСР объявил об учреждении очередной комиссии по реформе правописания и пунктуации, а также об открытии очередного, на этот раз орфографического фронта. Одним из первых результатов вновь заявленной орфографической реформы стал проект «О новом правописании», продекларированный как «крупный революционный акт» и призванный разрешить «вопрос о сокращении времени, затрачиваемого на овладение техническими навыками грамотного письма» [Проект Главнауки о новом правописании 1930: 26]. При этом орфографической комиссией в основу предлагаемых нововведений были положены «фонетический и морфологический принцип в их органической связи с неизбежным уклоном в сторону фонетики, посредством приближения письма к действительно общим установившимся нормам русского литературного произношения, поскольку, конечно, в нем отстоялись определенные социальные нормы (чего, например, нет в случае с безударными гласными) и поскольку фонетизация письма сама не противоречит живой морфологической ассоциации (*вада*, но *вóды*)» [Там же: 25]. Проект «О новом правописании» в соответствии с указанием Главнауки Наркомпроса РСФСР был опубликован в 1930 г. как отдельным изданием, так и размещен в виде базовых тезисов на страницах «Учительской газеты» и в № 1 журнала «Русский язык в советской школе». А уже в следующем номере этого журнала публикуется статья М.В. Ушакова «Научно-лингвистические основы методики правописания», которая, по сути, являясь не чем иным, как идейным концентратом основных положений диссертационного исследования автора, концептуально имела противопоставительный характер, так как в ней отстаивалась методологическая и методическая равнозначность всех орфографических принципов. В частности, говоря о проблематике русских написаний и их систематизации, М.В. Ушаков

отмечал: «Дело все в том, что фонетизм и морфологизм отнюдь не исключают друг друга, потому что написание может соответствовать произношению и данного слова и слова с ним родственного. Поэтому логическая последовательность деления обязывает к установлению промежуточных подклассов написаний (фонетико-неморфологических, фонетико-морфологических и т.д.); она обязывает к характеристике каждого написания со стороны не одного только, но и всех принципов, что приводит к более полному выявлению особенностей правописания» [Ушаков 1930: 109].

Взвешенный подход, основанный на признании сосуществования трех орфографических принципов, позволил М.В. Ушакову выйти на уровень детальной разработки объяснительной типологии орфограмм русского языка, ориентированной в первую очередь на повседневное применение в школьной практике, а потому не зависимой от конъюнктурных приоритетов кабинетных частнолингвистических дедукций. Что же касается отечественной лингвистики, то к вариациям решений, которые могут быть так или иначе соотнесены с объяснительно-типологическими исследованиями, она смогла приблизиться только через 30 лет после написания М.В. Ушаковым статьи «Научно-лингвистические основы методики правописания». Поэтому не удивительно и то, что академическое сообщество в 1930-е гг., признавая необходимость и целесообразность для школьной практики разработки универсального подхода в обучении орфографии, тем не менее, последовательно отстаивало свое «частное академическое» право на установление определенной иерархии орфографических принципов в школьной орфографии. Так, академик С.П. Обнорский в докладе «Основные принципы орфографической нормализации», представленном на заседании Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации, состоявшемся 7 октября 1939 г., отметил: «...Всекие резкие нарушения сложившейся системы нашего письма... со всех точек зрения были бы нецелесообразны. <...> А между тем нередко поползновения и отдельные предложения — сблизить наше письмо с произношением и, как обычно в таких случаях говорится, «упростить» наше письмо. <...> Из сказанного выше понятно, что произойдет как раз

обратное, так как в системе письма скрестились бы в случайных дозах отражения одного и другого, морфологического и фонетического, принципов, и обучающемуся письму как-то механически суждено было бы запоминать, что здесь в обосновании письма действует морфологический, а здесь фонетический принцип. Всякая система будет проста и, я бы сказал, легка, если она прозрачна с точки зрения своего построения на одном каком-то принципе. Русская орфографическая система базируется на морфологическом принципе, и чем меньше будет в ней отражений каких-либо иных принципов, тем она будет более цельной, прозрачной, легкой» [Обнорский 1939: 9–10].

Что же касается самого автора объяснительной типологии орфограмм русского языка, то он еще неоднократно будет возвращаться к этой теме, например в статье «Еще раз о принципах нашего правописания», опубликованной в № 4 журнала «Родной язык и литература в средней школе» за 1935 г., а также при разборе частных случаев особенностей правописания. В итоге М.В. Ушакову удалось не только создать классификацию орфограмм русского языка, но и доказать, что классификационные границы обусловлены универсальностью орфографических принципов. Поэтому на протяжении не одного десятилетия методисты русского языка разных поколений давали и дают заслуженно высокую оценку научно-исследовательской деятельности М.В. Ушакова, отмечая ее методологическое значение для разработки основ правило направленной методики обучения орфографии (см.: [Рождественский 1948: 67; Разумовская 1992: 14; Комиссарова 1998: 49]).

Вновь возвращаясь к 1930-м годам, считаем необходимым отметить еще одно событие, непосредственным участником которого был М.В. Ушаков. Речь в данном случае идет о совещании по вопросам обучения орфографии, которое проводилось 13–17 декабря 1935 г. Центральным научно-исследовательским институтом педагогики (ЦНИИП), где он представил доклад о результатах опытной работы «Сочинение и диктант в свете эксперимента». По итогам работы совещания была принята резолюция из 13 пунктов, констатирующая базовые положения в обучении орфографии.

Во-первых, «выработка правописного навыка» с учетом «процесса осознания

учащимися языка» и «закономерности развития речи и сознания ребенка»; во-вторых, ведущим принципом «следует признать усвоение грамматических знаний и связанных с ним орфографических правил»; в-третьих, обучать орфографии на «основе углубленной работы над значением слова, его структурой и синтаксической функцией»; в-четвертых, применять «разнообразные приемы обучения с учетом особенностей орфографии и возрастных особенностей учащихся» [Научно-исследовательская работа по орфографии 1936: 94–95]. Документ также определял условия эффективности работы по орфографии в школе, суть которых состояла в следующем: повышение квалификации учителей, повсеместное соблюдение орфографического режима, корректировка программ для начальной и средней школы, обеспечение учителя «доброкачественными» методическими, учебными и справочными материалами, а также «упорядочение» самого правописания. В третьей части резолюции задавались направления научно-исследовательской работы по орфографии [Там же: 95–96]. Принятый документ на долгие годы стал стратегической программой формирования и развития методики орфографии, по ней же выстраивал свою профессиональную деятельность и М.В. Ушаков.

Многие вопросы школьной орфографии требовали немедленного разрешения в связи со сложностью орфографических правил, их неупорядоченностью, часто и с «отсутствием твердых правил правописания», неразработанностью конкретных методик изучения правил, недостаточной освещенностью в методической литературе, а иногда и полным ее отсутствием. Были и другие причины, но кратко сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать фразой самого ученого: «необходимо подтянуть этот отстающий участок орфографического фронта». Малоизученные отдельные орфографические вопросы нашли освещение в целом ряду его публикаций. В статье «Сомнительные согласные» (1938. — № 5–6. — С. 122–131) дана группировка орфографических правил, объединенных общим понятием «сомнительные согласные» (что само по себе уже представляет ценность для школьной практики: от общего к частному!); проведен глубокий лингвистический анализ орфограмм; указаны, какие приемы обучения лучше

применять при усвоении орфографических правил; предложена организация процесса изучения и повторения при обучении другим темам.

В этом же ряду и статья «Трудные случаи орфографии» (1939), в которой М.В. Ушаков ввел и раскрыл понятие «трудный случай» на многочисленных примерах из разных разделов орфографии. Что же такое трудный случай в понимании ученого? Во-первых, характер трудности часто заложен в самом правиле, в котором «...разнообразные условия синтаксического, словарного, морфологического характера, сталкиваясь и переплетаясь, образуют внутри каждого правила своеобразные узлы трудностей, обуславливают полнейшую разнородность отдельных орфографических правил» [Ушаков 1939: 49]. Во-вторых, многие трудности связаны с применением правила учащимися, когда осуществляется перенос правила под действием ложной аналогии, а именно в связи «...с смешением сходных, но не тождественных правил или элементов правил» [Там же]. Выявляя причины затруднений, природа которых различна, М.В. Ушаков указывал на необходимость изучения таких случаев через специальные наблюдения за учащимися в процессе применения правил, а также через анализ и учет орфографических ошибок с целью выяснения причин, порождающих затруднения. Когда учитель русского языка знает, какие трудности возникают в процессе обучения, у него появляется «надежный критерий» в выборе дидактического материала и его дозировке, выборе методических приемов, группировки материала в логике от легкого к более трудному и др., и это позволит ему еще «больше дифференцировать и усовершенствовать» методику орфографии. Автор считал, что выделение трудных случаев имеет большое значение и для обучения в старших классах, «где при незначительном количестве часов необходимо концентрировать внимание только на самом основном и трудном» [Там же: 47]. Таким образом, знание учителем разного рода затруднений помогает «правильно организовать учет орфографической грамотности — взвешивать и уравнивать диктовочные тексты по их трудности, избегать в тексте “скользких” случаев, дифференцированно расценивать ошибки на одно и то же правило в зависимости от степени трудности данного конкретного случая» [Там же].

Стремление Матвея Васильевича Ушакова осветить недостаточно разработанные вопросы в методике орфографии находило отражение и в других его статьях, посвященных узким орфографическим темам: «Правописание приставок ПРЕ- и ПРИ-» (1937. — № 1. — С. 84–92), «Собственные имена существительные на ОВ и ИН» (1939. — № 5–6. — С. 139–140), «Правописание глагольных форм 2-го лица множественного числа» (1951. — № 1. — С. 44–47) и др.

Закончив обзор этой части публикаций, считаем необходимым отметить одну очень важную задачу, которую ставил перед собой М.В. Ушаков, — *научить мыслить орфографически и методически* на основе объяснения разного вида и характера орфограмм. В качестве иллюстрации обратимся к материалу статьи, посвященной усвоению школьного правила «Правописание *ё* (*e*) — *о* после шипящих в корне» (1955. — № 4. — С. 31–33). Так, автор писал о том, что методически целесообразно формулировку правила упростить, чтобы предупредить ошибки учащихся. В целях грамотной организации учебного процесса им обоснован порядок изучения и последовательность предъявления дидактического материала с учетом особенностей орфограмм и затруднений учащихся.

М.В. Ушаков не только разрабатывал методику изучения орфограмм, проверяемых правилом, но его интересовали и вопросы усвоения непроверяемых орфограмм. Отдельные случаи правописания слов им рассматривались практически в каждой статье, но систематическая работа над орфографией слов, не проверяемых правилом, была освещена в публикации «Работа над словами, правописание которых не проверяется правилами» (1956. — № 4. — С. 65–72). Основанием для систематической работы с непроверяемыми написаниями он считал отбор слов с учетом степени употребительности в письменной речи и составление из них обязательного списка для каждого года обучения. Идея орфографических словников для школы и организация работы с ними была в методике не нова, но ее обогащение в процессе развития методики орфографии приобретало новые черты. Автор предлагал разнообразные приемы работы: графическое выделение орфограмм; выборочное выписывание слов с распределением по группам в зависимости от

разных признаков, фонетических, грамматических, смысловых, орфографических; выписывание слов по внешним признакам, например, слова с двумя безударными *о* (*воробей*), *а* (*барaban*) и т.п.; выписывание, осложненное заданиями, вставка букв и др. Многие приемы, уже привычные для школьной практики, перестраивались в задания комбинированного типа в связи с изучением программной темы (фонетики, состава слова, глагола и т.д.). Грамматико-орфографические задачи дополнялись речевыми упражнениями (написать сочинение, используя ряд слов), работой со словарем, причем словарь рассматривался не только как справочное издание для проверки слов, но и как учебное пособие (автором разработана была серия словарно-орфографических заданий). А далее М.В. Ушаковым приводился примерный список слов (орфографические словники явились прообразом орфографических мини-словарей, расположенных в современных учебниках русского языка). Идея систематической работы над непроверяемыми орфограммами получила свое развитие в последующие годы в методических трудах М.Т. Баранова, Н.Н. Алгазиной, М.М. Разумовской и других ученых.

Интересна статья «Работа над дифференцирующими написаниями» (1941), в которой М.В. Ушаков акцентирует внимание на формировании **познавательного интереса** при работе над орфографическим правилом. «Как оживить изучение орфографии в школе, как сделать его более интересным — вот вопрос, который не теряет своей остроты», — писал он во вступлении. Чтобы преодолеть монотонность, а иногда и негативное отношение учащихся к занятиям орфографией, М.В. Ушаков считал, что важно «сделать учащихся сознательными участниками процесса обучения» [Ушаков 1941: 53], но для разрешения этой педагогической проблемы нужно создать условия, в которых ярко проявляется роль орфографического правила, его полезность и необходимость в практике письма. Выполнению этой задачи способствует специально подобранный дидактический материал, насыщенный многочисленными дифференцирующими написаниями: словами-омофонами, омонимами, паронимами и др. Примеры, предъявляемые учащимся на разных этапах обучения, наглядно демонстрируют, что орфография служит для дифференциации значений, для точной передачи

мыслей. Материал, включающий дифференцирующие написания, обладает богатыми возможностями для разработки различного типа заданий (сопоставление и противопоставление, образование и поиск форм, подбор слов и т.д.), в том числе занимательного характера (загадки, каламбуры, истории). «Такие примеры хорошо запоминаются учащимися и прекрасно иллюстрируют вред орфографических ошибок», «воспитывают сознательное отношение к орфографии», «раскрывают значение орфографической грамотности» [Там же].

Стоит остановиться еще на одной из ключевых научных-методических идей М.В. Ушакова — это **включение орфографических работ в общую систему обучения языку**, которая наиболее полное отражение получила в журнальных публикациях послевоенного времени: «Повторение морфологии и орфографии в связи с изучением синтаксиса» (1948. — № 4. — С. 17–25); «К повторению морфологии и орфографии в VII классе» (1958. — № 2. — С. 81–85); «Повторение пройденного на материале числительных» (1967. — № 2. — С. 17–19) и др. Повторение орфографии при изучении тем и разделов русского языка автор предлагал организовывать таким образом, чтобы естественно и логично ввести орфографический материал на этапах обобщения и систематизации изученного, создавая ситуацию постоянного повторения видов орфограмм и правил, причем это систематическое повторение может быть попутным (в связи с учетом цикла тем), заключительным (в конце года), сквозным (обобщение разрозненного материала). Система заданий и упражнений как основное средство закрепления орфографических умений и навыков должна быть разнообразна: от орфографических до комбинированных, усложненных. (В современной методике орфографии типы таких заданий, на наш взгляд, получили весьма удачное определение — **аспектно-орфографические упражнения**. Предложенное профессором Т.А. Остриковой данное определение позволяет объединить разные группы упражнений в единый кластер [Острикова 2008: 103–105]). Практическая ориентированность статей М.В. Ушакова на запросы школьной практики отражена в содержании: даны практические разработки аспектно-орфографических упражнений, причем уже ставшие традиционными грамматико-орфографические и орфографические задания дополняются совершенно новой группой, правописно-речевой. Приведены примеры

уроков повторения; предложена система индивидуальных дополнительных заданий для работы над ошибками учащихся. В данных работах проявилась одна из главных черт статей М.В. Ушакова — **обеспечение учителя русского языка методическими материалами и разработками.**

Необходимость **сочетать работу по орфографии** не только с грамматическими темами, но и **с культурой речи, ее развитием** — еще один важнейший методический принцип, которым руководствовался М.В. Ушаков: «Преподавателю необходимо уметь, что работа над орфографией, как бы тщательно она не проводилась, только тогда может привести к прочным результатам, если она является составной частью работы над культурой речи» [Ушаков 1940: 63]. Для этого, по мнению автора, «надо вести работу над орфоэпией», которая «пронизывает работу по русскому языку во всех ее разделах», вводить «стилистические упражнения, осложненные грамматическими и орфографическими заданиями», «... практиковать промежуточные письменные работы... — свободный, творческий, выборочный диктант» [Там же: 63, 62].

М.В. Ушаков стремился показать учителю, что постановка узкоорфографических целей мало влияет на грамотность и развитие речи учащихся, поэтому так важно в школьной практике постоянно уделять внимание развитию культуры речи, вводить такие виды работ, которые «приучают учащихся одновременно думать и об орфографии, и об оформлении своих мыслей, тем самым подготавливая к самостоятельному изложению их и перебрасывая мост от диктанта к сочинению» [Там же: 62].

Идея ученого — взаимосвязь орфографии и развития речи — впоследствии обстоятельно была воплощена в методическом пособии для учителя («Обучение орфографии в связи с развитием речи в V—VII классах», 1947).

Как истинный ученый, Матвей Васильевич Ушаков постоянно находился в научном поиске путей рационального обучения орфографии, поэтому опытно-экспериментальная работа сопровождала всю его профессиональную деятельность. Первые экспериментальные исследования он начал в 1930-е гг. по проверке роли орфографического правила в формировании орфографической грамотности, о чем говорит его статья, опубликованная в 1935 г. (К вопросу о роли правила при обучении орфографии.

(Экспериментальное исследование) // Родной язык и литература в средней школе. — 1935. — № 2. — С. 8—13). В это же время им организован и проведен сравнительный эксперимент; редакция журнала «Русский язык в школе», делая обзор материалов научного совещания (о нем см. выше), в частности выступления М.В. Ушакова, писала: «Выводы докладчика: диктант отнюдь не является идеальным средством учета орфографической грамотности, отображающим ту естественную грамотность, какую мы имеем при свободном письме. Диктант не дает точной картины орфографической грамотности, поскольку он снижает количество ошибок. Вот почему при оценке орфографической грамотности нужно опираться не только на показатели диктанта, но и сочинения». И далее: «Существует теснейшая связь между развитием речи и орфографией. Для устранения расхождения между диктантом и сочинением необходимо самое серьезное внимание обратить на развитие речи учащихся, в частности на культуру изложения. Диктант является незаменимым средством дифференцированного учета» [Научно-исследовательская работа по орфографии 1936: 93]. Мысль о взаимосвязи развития речи и орфографии нашла подтверждение еще в одном сравнительном эксперименте «Диктант и изложение». Впоследствии материалы двух экспериментов легли в основу ряда статей в качестве доказательной базы разработки новых приемов обучения, типов упражнений, а также описания условий для выбора эффективного приема в ряду других с целью предупреждения орфографических ошибок и затруднений учащихся в процессе применения правил [Ушаков 1946; Ушаков 1960].

Наблюдение и эксперимент как два основных метода исследования в научной практике ученого были незаменимыми инструментами при выявлении орфографических ошибок, с последующей их классификацией и учетом. Следствием этой работы стали неоднократно апробированные, эмпирически выверенные и систематизированные практические рекомендации для учителей. Постановку систематической работы над ошибками с целью поднятия грамотности школьников М.В. Ушаков считал одной из главных задач учителя. (Работа над орфографическими ошибками // Русский язык в школе. — 1940. — № 3. — С. 50—51.)

Продолжая работать над проблемой эффективности различных приемов обучения

орфографии, в 1951 г. он экспериментальным путем определял роль «зрительных восприятий в освоении орфографии (при фиксации внимания учащихся на определенные орфограммы), руководятельной работы (при списывании), устного анализа орфограмм по тексту с пропущенными буквами (влияние зрительных и моторных восприятий в случае устраняется)» [Добромыслов 1952: 85–86].

Проверка эффективности приемов обучения орфографии, разработанных другими исследователями, также была в центре внимания ученого. Так, он экспериментально проверял влияние приема проговаривания на учащихся (прием научно обосновывался как универсальный способ работы с непроверяемыми и труднопроверяемыми орфограммами Н.Н. Китаевым в 1959 г. — С.К.). Результаты эксперимента нашли отражение уже в посмертной статье профессора М.В. Ушакова «Экспериментальная проверка эффективности проговаривания». Отметим только основные выводы, к которым пришел М.В. Ушаков: «Наши эксперименты и наблюдения... никак не говорят в пользу проговаривания. Они убеждают нас в том, что нет достаточных оснований считать проговаривание наиболее эффективным приемом обучения орфографии» [Ушаков 1968: 38].

В 50-е гг. Матвей Васильевич Ушаков опубликовал цикл статей, посвященных отдельным языковым темам «Изучение алфавита в V классе» (1952. — № 4. — С. 31–32), «Изучение рода и числа существительных в V классе» (1953. — № 5. — С. 45–47), «Слова, грамматически не связанные с членами предложения» (1955. — № 2. — С. 54–60) и др. В этот же период появилась публикация «Сократить теоретический материал по русскому языку в средней школе» (1959. — № 1. — С. 58–61). В ней ученый, проанализировав соотношение теории и практики грамматических и орфографических тем в школьном учебнике русского языка С.Г. Бархударова и С.Е. Крючкова, высказал ряд критических замечаний по поводу количества правил, их доступности для учащихся, объема, предложив авторам учебника пути оптимизации (исключение отдельных правил и деталей, упрощение формулировок, сокращение слов-исключений).

В первой половине 60-х гг. М.В. Ушаков снова возвратился к методике изучения узких орфографических тем: «Об обозначении

мягкости согласных (о сочетании согласных, в которых не пишется *ь*)» (1963. — № 4. — С. 32–34); «Повторение пройденного на материале числительных» (1967. — № 2. — С. 17–19). В фокусе его внимания были также орфографические ошибки в письменной речи учащихся и система их предупреждения: «Об орфографических ошибках в окончаниях прилагательных» (1962. — № 1. — С. 75–79); «Об изучении орфографических ошибок» (1965. — № 1. — С. 41–44), а также ряд других актуальных тем.

Подытоживая вышесказанное, хотим подчеркнуть, что в своих публикациях Матвей Васильевич Ушаков непреложно следовал в русле канонического императива научно-исследовательской этики, когда частное соотносится с общим и общее — с частным, а это изначально предполагало отход от монологичного, «проповедческого» постулирования и постоянную готовность к диалогу, к открытой научной дискуссии. Самой широкой дискуссионной площадкой в те годы был журнал «Русский язык в школе», тираж которого нередко достигал 190 тысяч экземпляров.

Менялись государственные приоритеты в языковом образовании, изменялось наименование журнала, происходила смена главных редакторов, но неизменным оставалось основное направление редакционной политики, нацеленное в первую очередь на рационализацию методического знания и его концентрацию, постоянное «уплотнение» вокруг проблемных вопросов в обучении русскому языку. В то же время журнал «Русский язык в школе» являлся той интеллектуальной площадкой, на которой велось интенсивное тестирование всех образовательных новаций в области методики русского языка. В связи с чем журнал активно поддерживал процесс научно-общественной экспертизы, где в качестве коллективного эксперта выступали представители академического сообщества, ученые-методисты, представители органов управления образованием и школьные учителя.

Поэтому неудивителен тот факт, что неизменный читательский интерес и широкий дискуссионный отклик получали те публикации, где не только отражались временные ситуативные проблемы школьной практики, но и рассматривалась методическая и лингвистическая проблематика как обобщенно, так и через те частности, которыми, по сути, и структурировался

лингвометодический дискурс в то время. К числу авторов таких публикаций можно смело отнести и профессора М.В. Ушакова, чьи статьи с неизменной регулярностью появлялись на страницах журнала «Русский язык в школе».

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики / Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — 8-е изд., доп. — М., 2001. — С. III—XXXIII.

Добромыслов В.А. В секторе методики русского языка Института методов обучения АПН РСФСР // Русский язык в школе. — 1952. — № 1. — С. 84—87.

Комиссарова Л.Ю. Матвей Васильевич Ушаков (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 1998. — № 6. — С. 48—50, 118.

Научно-исследовательская работа по орфографии // Русский язык в школе. — 1936. — № 2. — С. 91—96.

Обнорский С.П. Основные принципы орфографической нормализации // Русский язык в школе. — 1939. — № 5—6.

Острикова Т.А. Орфография в школе: полувековой опыт обучения. — М., 2008.

Проект Главнауки о новом правописании: сб. / сост. Н. Кременский и В. Мамонов; под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. — М., 1930.

Разумовская М.М. Методика обучения орфографии в школе: книга для учителя. — М., 1992.

Рождественский Н.С. М.В. Ушаков. Методика правописания: пособие для учителей средней школы // Русский язык в школе. — 1948. — № 4. — С. 67—70.

Ушаков М.В. Грамматика и правописание // Русский язык в советской школе. — 1931. — № 2—3. — С. 125—143.

Ушаков М.В. Диктант или сочинение? // Русский язык в школе. — 1946. — № 5—6. — С. 73—74.

Ушаков М.В. Научно-лингвистические основы методики обучения правописанию // Русский язык в советской школе. — 1930. — № 2. — С. 108—120.

Ушаков М.В. Об эксперименте в методике русского языка // Русский язык в школе. — 1960. — № 3. — С. 94—95.

Ушаков М.В. Орфография и культура речи // Русский язык в школе. — 1940. — № 6. — С. 61—63.

Ушаков М.В. Работа над дифференцирующими написаниями // Русский язык в школе. — 1941. — № 2. — С. 52—53.

Ушаков М.В. Трудные случаи орфографии // Русский язык в школе. — 1939. — № 3. — С. 47—50.

Ушаков М.В. Экспериментальная проверка эффективности проговаривания // Русский язык в школе. — 1968. — № 1. — С. 34—38.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. «Russkii sintaksis v nauchnom osveshhenii» v kontekste sovremennoi lingvistiki, in *Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshhenii*, iss. 8 enlarged, Moskva, 2001, pp. III—XXXIII.

Dobromyslov V.A. V sektore metodiki russkogo yazyka Instituta metodov obucheniya APN RSFSR, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 1, 1952, pp. 84—87.

Komissarova L.Yu. Matvei Vasil'evich Ushakov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 6, 1998, pp. 48—50, 118.

Nauchno-issledovatel'skaya rabota po orfografii, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 2, 1936, pp. 91—96.

Obnorskii S.P. Osnovnye printsipy orfograficheskoi normalizatsii, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 5—6, 1939.

Ostrikova T.A. Orfografiya v shkole: poluvekovoi opyt obucheniya, Moskva, 2008.

Proekt Glavnauki o novom pravopisanii: comp. Kremenskii N. and Mamonov V., after ed. Danilova G. and Kostenko G., Moskva, 1930.

Razumovskaya M.M. Metodika obucheniya orfografii v shkole: teachers book, Moskva, 1992.

Rozhdestvenskii N.S. M.V. Ushakov. Metodika pravopisaniya. Guidebook for teachers of middle school. in *Russkii yazyk v shkole*, No. 4, 1948, pp. 67—70.

Ushakov M.V. Grammatika i pravopisanie, in *Russkii yazyk v sovetskoi shkole*, No. 2—3, 1931, pp. 125—143.

Ushakov M.V. Diktant ili sochinenie? in *Russkii yazyk v shkole*, No. 5—6, 1946, pp. 73—74.

Ushakov M.V. Nauchno-lingvisticheskie osnovy metodiki obucheniya pravopisaniyu, in *Russkii yazyk v sovetskoi shkole*, No. 2, 1930, pp. 108—120.

Ushakov M.V. Ob eksperimente v metodike russkogo yazyka, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 3, 1960, pp. 94—95.

Ushakov M.V. Orfografiya i kul'tura rechi, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 6, 1940, pp. 61—63.

Ushakov M.V. Rabota nad differentsiruyushimi napisaniyami, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 2, 1941, pp. 52—53.

Ushakov M.V. Trudnye sluchai orfografii, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 3, 1939, pp. 47—50.

Ushakov M.V. Eksperimental'naya proverka effektivnosti progovarivaniya, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 1, 1968, pp. 34—38.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-52-58

Л.Л. ШЕСТАКОВА, А.С. КУЛЕВА

Специальная лексика в поэзии В. Маяковского

В статье анализируются особенности использования в поэзии В. Маяковского специальной лексики – терминов и терминологических сочетаний (на основе данных «Словаря языка русской поэзии XX века»), определяются ее функции в тексте и отношения с другими группами лексических единиц. Показано, что важной чертой идиостиля В. Маяковского является не только употребление специальной лексики в составе тропов, но и создание на ее основе индивидуально-авторских новообразований. Анализ терминов в произведениях поэта позволяет уточнить представления о составе и развитии его лексикона, выявить принципы использования специальной лексики в поэзии футуристов.

Ключевые слова: *специальная лексика; термин; терминологическое сочетание; словарь поэтического языка; рифма; окказионализм; советизм.*

Larisa L. Shestakova, Anna S. Kuleva

Special Lexis in the Poetry by V. Mayakovsky.

The aspects of special lexis (terms and terminological collocations – on the base of «Dictionary of 20th Century Russian Poetry Language») often used in the poetry are analyzed. Its functions in the texts and links with other lexical units groups are determined. It is showed that the main characteristic of V. Mayakovsky's poetry is using the special lexis not only as a part of tropes but also as the basis for creation of author's neologisms. His poetry terminology analysis allows to specify knowledge about his lexicon content, to watch its development and to determine the principles of specific lexis use in futurists poetry.

Key words: *special lexis; term; terminological collocation; poetic language dictionary; rhyme; occasional word; sovietism.*

Лариса Леонидовна Шестакова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: lara.shestakova@mail.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова,
Российская академия наук

ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences

18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russian
Federation

Анна Сергеевна Кулева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: an_kuleva@mail.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова,
Российская академия наук

ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences

18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019, Russian
Federation

Ссылка для цитирования: Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Специальная лексика в поэзии В. Маяковского // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 52–58. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-52-58.

Художественный текст, и прежде всего поэтический, – это особое пространство, в котором функционирование специальной лексики не вполне соответствует общезыковому. Анализ роли такой лексики в индивидуальных стилях, в поэтическом языке определенной эпохи представляет несомненный интерес. В первую очередь это касается наиболее значимых эпох в истории поэзии, периодов ее ускоренного развития – таких как Серебряный век. Инструментом исследования могут быть не только современные корпусные источники, но и словари поэтического языка, в которых большой материал определенным образом систематизирован, в частности многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП).

СЯРП строится как сводный словарь поэтического языка, отражающий лексику произведений десяти русских поэтов XX столетия. Это поэты, творившие преимущественно в эпоху Серебряного

века: И. Анненский, А. Ахматова, А. Блок, С. Есенин, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, В. Хлебников, М. Цветаева. Исчерпывающий характер словника в сочетании с богатым иллюстративным материалом позволяет выявить особенности поэтического употребления единиц, принадлежащих разным формам национального языка.

Говоря о специальной лексике как части поэтического языка, мы соотносим ее преимущественно с терминами (другие разновидности специальной лексики, например профессионализмы, представлены слабо). При этом термин понимается как «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области или деятельности» [ЛЭС 1990: 508]¹. Важно отметить, что СЯРП включает только те термины и терминосочетания, которые встретились в выбранных источниках, т.е. общий массив терминов фрагментарен, но количественно он весьма значителен. Это связано с такой особенностью поэтического языка Серебряного века, как вовлечение в него слоев лексики, ранее нечасто попадавшей в поэзию. Материалы вышедших томов Словаря и его базы данных показывают, что в лексиконах отдельных поэтов специальная лексика особенно объемна и разнообразна. К числу этих поэтов, несомненно, принадлежит футурист Маяковский с характерным для него «нестандартным отбором слов» [Гаспаров 1995], с его нацеленностью на обновление языка.

Приведем сокращенный список терминов, фиксируемых в Словаре только у Маяковского²:

¹ Ср. и такое определение термина: «Языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), выражающий понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию (толкование, объяснение), на которую сознательно ориентируются использующие этот языковой знак, является термином» [Шелов 2010: 796]. В случае когда речь идет о функционировании термина в «чужой» среде, особенно значимыми представляются акцентирование его знаковости и сознательная ориентированность пользователя на имеющуюся дефиницию термина.

² СЯРП основывается на издании: Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. — М., 1969.

авиаматка ('морское судно, оборудованное для взлета и посадки аэропланов')³, *аллитерация*, *аппендицит*, *битковый сбор* ('выручаемый с битком набитого зала'), *богоискатель* ('сторонник богоискательства — религиозно-философского течения, получившего широкое распространение в среде русской либеральной интеллигенции в начале XX в. и проповедовавшего необходимость обновления христианства'), *борная* (кислота; этот субстантив употреблен в составе образа сравнения: [монахини] *резвые*, / *чистые*, / *как раствор борной*), *ботаника*, *брамсель* ('самый верхний парус судна'), *вольт*, *гангрена*, *гросс* ('мера счета мелких товаров, равная 12 дюжинам'), *кадет*, *калибр*, *катар*, *квота*, *киловатт*, *конфисковать*, *кооперация*, *корректур*, *крупнокалиберный*, *кулачество*, *ленинизм*, *либерализм*, *мартен* ('мартеновская печь'), *митрополит*, *мифология*, *мобилизация*, *монархист*, *муниципальный*, *наградные*, *натюрморт*, *парламентарий*, *пастораль*, *патентованный*, *перископ*, *политрук*, *президиум*, *премьер* ('премьер-министр'), *префектура*, *прибавочная стоимость*, *продотряд*, *прокламация*, *рантье*, *реакция* ('политика активного сопротивления прогрессу'), *резолуция*, *риторика*, *румб* ('деление на круге компаса, соответствующее 1/32 части окружности горизонта'), *сберегательная книжка*, *себестоимость*, *спиритизм*, *статут* ('узаконенное положение'), *суффикс*, *цивилизация*, *шаири* ('один из стихотворных размеров в грузинской поэзии'), *штурман*, *электротехник*, *эмиграция*, *эсер*, *юстиция*.

По списку видно, что использованные Маяковским термины и терминосочетания принадлежат самым разным областям знания и сферам деятельности. Даты создания произведений свидетельствуют о том, что поэт обращался к терминологической лексике в разные периоды творчества, и особенно часто в 1920-е гг. (*аппендицит* — 1915, *богоискатель* — 1924, *вольт* — 1923, *гангрена* — 1915, *киловатт* — 1926, *парламентарий* — 1922, *румб* — 1924, *сберегательная книжка* — 1928 и т.д.).

Специальную лексику можно было бы назвать наиболее «непоэтичным» пластом языка, но анализ конкретных примеров ясно показывает, как в поэтическом языке преломляется и переосмысливается «проза жизни».

Сразу отметим, что многие лексемы подобного рода едва ли не впервые появляются именно у Маяковского — это

³ Толкования приводятся в основном по СЯРП.

подтверждает поэтический корпус (ПК) Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Маяковский в своем мироощущении изначально урбанист. Уже в его ранних стихах много «непоэтичных слов» и выражений (не обязательно терминов в строгом смысле слова), характеризующих город начала XX в.:

Морей неведомых далеким пляжем / идет луна — / жена моя. / Моя любовница рыжеволосая. / За экипажем / крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая. / Венчается *автомобильным гаражем*, / целуется *газетными киосками*, / а шлейфа млечный путь моргающим пажем / украшен мишурными блестками. (1913).

Ср. в ПК НКРЯ: *гараж* — 38 вхождений, *автомобильный* — 53 вхождения; в обоих случаях первое вхождение — приведенные строки Маяковского.

И в последующие десятилетия Маяковский чутко реагирует на новые реалии, в том числе подмечая их в заграничных поездках:

А для рекламы — / не храм, / а краса — / старайся / во все тяжкие. / *Электрорекламе* — / лучший фасад: / меж башен / пустить перетяжки. (1925);

Блестящий / *двенадцатцилиндровый* / *накард* / остановил шофер, / простоватый хлопец. (1925).

Маркером военных событий начала XX в. выступает у представленных в Словаре поэтов соответствующая терминология. Военный лексикон включает такие единицы, как *артиллерия* (Пастернак), *блокада* (Маяковский, позднее — Ахматова), *бризантный* (Пастернак), *интендант* (Блок), *интервенция* (Маяковский), *капрал* (Мандельштам), *капсюль* (Пастернак), *лафет* (Маяковский, Пастернак), *мина* (Маяковский, Пастернак, Цветаева), *миноносец* (Ахматова, Маяковский, Пастернак), *мортира* (Маяковский, Есенин), *сапер* (Маяковский, Пастернак, Цветаева), *снаряд* (Ахматова, Маяковский, Пастернак, Хлебников, Цветаева), *унтер* (Цветаева) и т.п. На примере этого лексического пласта, как видно, характерного для Маяковского (и сближающего его, прежде всего, с Пастернаком), можно проследить, как менялся характер использования поэтом специальной лексики. В его ранней поэзии в абстрактно-пацифистском ключе появляются неконкретные и неточные реалии:

Как же / в лес / отпустите папу? / К нему / из-за леса / *ядер осколки* / протянут, / чтоб взять его, / хищную лапу. (1916).

Однако со временем поэт всё больше отдает предпочтение точным и конкретным словам:

Они проползали танками рвы, / выпятив пушек шеи, — / телами рвы заполняли вы, / по трупам перейдя перешеек. (1920–21).

Ср. фрагмент из поэмы «Хорошо» (1927), где обилие военной, военно-морской лексики сюжетно мотивировано:

Киями / вскопаны / воды холодные. / Смотрят / перископами / лодки подводные. / Плывут крейсера, / снаряды соря. / И / миноносцы / с минами носятся. / А / поверх / всех / с пушками / чудовищной длинноты / сверх- / дредноуты. / Разными / газами / воняя гадко, / тучи / пропеллерами выдрав, / с авиаматки / на авиаматку / пе-/ ре- / пархивают «гидро». ... Танков / гусеницы / на Питер / прут. ... Траншеи, / машинами выбранные, / саперами / Крым / перекопан, — / Врангель / крупнокалиберными / орудует / с Перекопа.

Маяковский не только стремится к точности в использовании специальных слов, но и выбирает их в качестве элементов художественного образа:

Звезды в платочках из синего ситца / визжали: / «Убит, / дорогой, / дорогой мой!» / И глаз новолуния страшно косится / на мертвый кулак с зажатой *обоймой*. (1914);

И — / как в гибель *дредноута* / от душащих спазм / бросаются в разинутый люк — / сквозь свой / до крика разодранный глаз / лез, обезумев, Бурлюк. (1914–15).

Здесь *обойма*, *дредноут* — первые употребления в ПК НКРЯ. Ср.:

Ласков хозяина бас, / просто — похож на пушечный. / И не от газа маска, / а ради шутки игрушечной. ...Никто не убит! / Просто — не выстоял. / Лег от Сены до Рейна. / Оттого что цветет, / одуряет желтолистая / на клумбах из убитых гангрена. (1915).

Разнообразно представлена у поэтов Серебряного века терминология точных и естественных наук — физики, биологии, астрономии, математики. В совокупности с техницизмами данная терминология в поэзии отражает возрастание роли научного, технического знания, характерное для рубежа XIX–XX вв. Так, у Маяковского отмечается составной термин *грудная клетка*:

Александр Сергеевич, / разрешите представиться. / Маяковский. / Дайте руку! / Вот *грудная клетка*. / Слушайте, / уже не стук, а стон; /

тревожусь я о нем, / в шенка смиренном львенке. / Я никогда не знал, / что столько / тысяч тонн / в моей / позорно легкомыслой головенке. (1924).

В ПК НКРЯ это сочетание встречается 12 раз, самые ранние употребления принадлежат Маяковскому. Ср. и сочетание *токарный станок* (три употребления из пяти принадлежат Маяковскому):

Столбовой отец мой / дворянин, / кожа на моих руках тонка. / Может, / я стихами выхлебав дню, / и не увидав *токарного станка*. (1923).

Примечательно, что у Маяковского техническая лексика и терминология напрямую связана с темой поэтического творчества:

Довольно шагать, футуристы, / в будущее прыжок! / Паровоз построить мало — / накрутил колес и утек. / Если песнь не громит вокзала, / то к чему *переменный ток*? (1918);

...Огромный труд — гореть над горном, / железа шипящие класть в закал. / Но кто же / в безделье бросит укор нам? / *Мозги шлифуем рапи-лем языка*. / Кто выше — поэт / или техник, / который / ведет людей к вещественной выгоде? / Оба. / Сердца — такие ж моторы. / Душа — такой же хитрый двигатель. (1918, стихотворение с ярким названием «Поэт-рабочий»).

Намеренно приводя примеры не только однословных, но и составных терминов, отметим, что в поэтическом языке составные термины (и близкие им наименования), как правило, редки, встречаются по одному разу у одного поэта. Но есть и примеры иного рода. Рассмотрим случаи использования технического термина *приводной ремень* («элемент ременной передачи, рабочая деталь машин и механизмов, которая служит для передачи крутящего момента»). По данным СЯРП, этот термин встречается у двух поэтов в течение примерно 10 лет: у Маяковского в 1914–1915 гг. (поэма «Облако в штанах») и в 1925 г. («Кемп “Нит гедайге”», из стихов об Америке) и у Хлебникова — в 1920 г. («Город будущего»). Обратим внимание на то, что и Маяковский, и Хлебников — футуристы, стремившиеся изменить язык, в том числе привлекая необычные языковые средства.

Вот строки из названной поэмы Маяковского:

Жилы и мускулы — молитв верней. / Нам ли вымаливать милостей времени! / Мы — / каждый — / держим в своей пятерне / миров *приводные ремни*!

Здесь составной термин в форме множественного числа становится частью генитивной метафоры — *миров приводные ремни*, которые мы держим в своей пятерне, т.е. можем управлять мирами, крутить их.

В отрывке из стихотворения «Кемп “Нит гедайге”» интересна акцентологическая метаморфоза слова *ремень*, которое в виде сниженного *ремень* рифмуется с ключевым словом *время*:

Прямо / перед мордой / пролетает вечность — / бесконечночасый распустила хвост. / Были б все одеты, / и в белье, конечно, / если б время / ткало / не часы, / а холст. / Впрямь бы это / время / в *приводной бы ремень*, — / спустят / с холостого — / и чеши и сыпь! / Чтобы / не часы показывали время, / а чтоб время / честно / двигало часы.

Контекст тоже образный: *время* уподобляется живому существу (олицетворение формирует, в частности, глагол *впрямь*), а *приводной ремень* — средству, с помощью которого можно подчинить себе время, присмирить его. Одновременно передается семантика кручения: чтоб время честно двигало часы, крутило стрелки.

В поэзии Серебряного века отмечаются термины и гуманитарных сфер — философские, социально-политические, юридические. У Маяковского это: *богоискатель, диалектика, буржуазия, декларация, деклассированный, декрет, демократия, конституция, либерализм, партия, революция, социализм, федерация; право, статут* и др. Некоторые из таких единиц достойны специального рассмотрения. Например, в поэме Маяковского «Хорошо!» встречается юридический термин — историзм *присяжный поверенный* («в России в 1864–1917 гг. — адвокат на государственной службе при окружном суде или судебной палате»):

Царя / дворец / построил Растрелли. / Цари рождались, / жили, / старели. / Дворец / не думал / о вертящем постеле, / не гадал, / что в кровати, / царицам вверенной, / раскинется / какой-то / *присяжный поверенный*. / От орлов, / от власти, / одел / и кружевца / голова / *присяжного поверенного* / кружится. / Забывши / и классы / и партии, / идет / на дежурную речь. / Глаза / у него / бонапартьи / и цвета / защитного / френч. (1927).

Поэт говорит здесь о конкретном лице, имевшем такое звание — об А.Ф. Керенском, который был присяжным поверенным с 1904 г. В этом небольшом текстовом фрагменте термин встречается

дважды — вовлекается в общую сниженную тональность стиха, конкретизирует разговорное сочетание *вертячий пострел*, приобретает пренебрежительно-ироническую окраску. Как видим, употребленный в своем прямом значении составной термин может приобретать в поэтическом тексте разные стилистические коннотации, эмоционально-экспрессивную окраску.

Социально-политическая и экономическая терминология у Маяковского со временем приобретает марксистский характер — в полном соответствии с современной поэту реальностью:

И уже / бессилён / сам капиталист, / так / его / машина размахалась, — / строй его / несёт, / как пожелтёлый лист, / *кризисов* / и *забастовок* хаос;

Но когда / революционной тропкой / первый / делали / рабочие / шажок, / о, какой / невероятной топкой / сердце Маркс / и мысль свою зажег! / Будто сам / в заводе каждом / стоя стоймя, / будто / каждый труд / размоливая лично, / грабящих / *прибавочную стоимость* / за руку / поймал с полчиным. / Где дрожали тельцем, / не вздымая глаз свой / даже / до пупа / биржевика-дельца, / Маркс / повел / разить / *войною классовою* / золотого / до быка / доросшего тельца. / Нам казалось — / в коммунизмовы затыны / только / волны случая / закинут / нас / юля. / Маркс / раскрыл / истории законы, / *пролетариат* / поставил у руля. (1924).

Помимо собственно терминологии, Маяковский вводит в поэтическую речь широкий спектр «советизмов»: это и злободневная публицистическая фразеология (*наимиты капитала, мелкобуржуазная стихия*), и названия новых реалий (учреждений, должностей — в том числе сокращения и аббревиатуры), и многое другое. Ср.:

Все совдепы не сдвинут армий, / если марш не дадут музыканты. (1918);

И нам, / если мы на митинге ревом, / рамки арифметики, разумеется, узки — / все разрешаем в масштабе мировом. / В крайнем случае — масштаб общерусский. / «Электрификация!» — масштаб всероссийский. / «Чистка!» — во всероссийском масштабе. (1921);

Вот этой / мелкобуржуазной стихии / еще / колышется / мертвая зыбь, / но, тихие / тучи / молнией выев, / уже — / нарастанье / всемирной грозы (1924);

Голосует сердце — / я писать обязан / по мандату долга. (1924);

Ники Картеры / мою / недоглядели визу. / Я / полпред стиха — / и я / с моей страной / вашим штатишкам / бросаю вызов. (1925; полпред

‘полномочный представитель (до 1941 г. — посол СССР)’).

Характерно для Маяковского и использование терминов в широком стилистическом спектре. С одной стороны, это революционный пафос, часто опирающийся на метафоры (например, военные), на использование синтаксической структуры лозунга:

Есть / перед нами / огромная работа — / каждому человеку / нужное стихачество. / Давайте работать / до седьмого пота / над поднятием количества, / над улучшением качества. (1926);

Воры / с дураками / засели в блиндажи / растрат / и волокит. / И каждая вывеска / — рабкооп — / коммунизма тяжёлый окоп. / Война в отчетах, / в газетных листах — / рассчитывай, / режь и крой. / Не наша ли кровь / продолжает хлестать / из красных чернил РКИ?! (1926).

С другой стороны, это иронические и сатирические контексты.

Ирония нередко выступает у Маяковского средством снижения пафоса, своеобразным барьером, которым поэт отгораживается, говоря о самом личном, дорогом и важном — о любви, о поэзии, о революции, о своих идеалах:

Постановленья неси исполкомово. / Мую мою конфискуй, / отмени. (1923);

Говорят — / я темой и-н-д-и-в-и-д-у-а-л-е-н! / *Entre nous...* — / чтоб цензор не нащикал. / Передам вам — / говорят — / видали / даже / двух / влюбленных членов ВЦИКа. (1924);

Пуд, / как говорится, / соли столовой / съешь / и сотней папирос клуби, / чтобы / добыть / драгоценное слово / из артезианских / людских глубин. (1926).

Использование нарочито косноязычных, канцелярских оборотов как средства создания сатирического эффекта характерно для всех периодов творчества поэта. Ср.:

В бедном Перу стихи мои даже / в запрете под страхом пыток. / Судья сказал: «Те, что в продаже, / тоже *спиртной напиток*». // Экватор дрожит от кандалных звонов. / А в Перу беспитичье, безлюдье... / Лишь, злобно забившись под *своды законов*, / живут унылые судьи. (1915);

Но так ли / разрабатывать / важнейшую из тем? / *Индивидуализмом* пичкать? / Демоны в ад, / а духи — / в эдем? / А где, я вас спрашиваю, *смычка*? (1926);

Появились / молодые / превоспитанные люди — / *Мопров* / знаки золотые / им / увенчивают груди. / *Парт-комар* / из *МКК* / не подточит / парню / носа: / к сроку / вписана / строка / проф- / и парт- / и прочих взносов. (1928).

В поздних стихах Маяковский использует в сатирических целях весь арсенал языковых новаций эпохи — аббревиатуры, публицистические штампы, канцеляризмы [Селищев 1928].

Можно отметить, что во всех регистрах — и в торжественном, и в ироническом и сатирическом — чертой идиостиля Маяковского является не только использование специальной лексики в образных контекстах (что мы уже показывали), но и создание на ее основе окказиональных слов или, напротив, создание терминоподобных единиц на основе обычных слов. Выразителен в первом случае длинный ряд окказионализмов, образованных от филологического термина *стих* (*стихи*): *стихач* ('стихотворец, поэт'), *стихачество* ('создание стихов, процесс поэтического творчества, а также сами стихи'), *стиховечер* ('вечер стихов, поэтический вечер'), *стиховный* ('относящийся к стихам'), *стихodelание* ('создание стихов'), *стихозы* ('то же, что стихи'), *стихоустойчивый* ('не понимающий, не любящий стихов'), *стихошлёр* ('стихотворец-вишнелет'), *стишон* ('уменьш.-пренебр. к стих (стихотворение)') [Валавин 2010: 517–519]⁴.

Не менее интересна практика создания поэтом слов, напоминающих термины. Это, например, глагол *израдиить* (от *из-* + *радио* + *-и(ть)* 'испещрить, избороздить большим количеством радиоволн' [Валавин 2010: 213]) в стихотворении «Париж» (1923):

Вперед! / Шагни четверкой мощных лап, /
прибитых чертежами Эйфеля, / чтоб в нашем
небе твой *израдиило* лоб, / чтоб наши звезды
пред тобою сдрейфили!

Или существительные: *лампиония* ('электрическая реклама, яркое уличное освещение'; ср. *гастрономия*, *телефония* [Там же: 259]), *луначарство* ('атмосфера благожелательности, примиренчества'; ср. *печоринство*, *донкихотство* [Там же: 272–273]), прилагательное *миллиононосильный* ('1. относящийся к силе воли миллионов людей; мощный, несокрушимый' ... '2. мощностью

в миллионы лошадиных сил (о двигателе)'; ср. *одноносильный*, *шестисильный* [Там же: 291]) и т.п.

Попадая в поэтический текст, термин вступает с окружающими словами в отношения разных типов. Среди них выделяются звуковые связи, и прежде всего, рифменные, в которых термин оказывается дважды выдвинутым — как специальное слово и как рифменное слово. Приведем лишь некоторые пары рифм из произведений Маяковского, включающие терминологическую лексику; в них созвучными терминам оказываются не только узуальные нейтральные слова, но и окказиональные, стилистически сниженные; иногда рифмы образуются сразу двумя терминами:

(раствор) борной — уборной, квота — зевота, киловатт — голова, лиризма — либерализма, мифология — (струшу) боли я, ротаций — брататься; (ласковость) воска — подразверсткой, вырют — фосфоресцируют, (воняя) гадко — авиаматку, изгадили — богоискатели, к кафе — лафет, (быта) морда — натюрморта, оперяться — кооперация, разодета — президентов, вскопаны — перископами.

Мы почти не касались в статье еще одной группы специальной лексики в поэзии Маяковского — терминов филологии. Известно, что поэты Серебряного века проявляли глубокий интерес к тому, что связано со словом, с языковым творчеством, особенностями литературного труда. Это отражается в их обращении к терминам стихосложения, литературоведения (*акростих*, *аллитерация*, *амфибрахий*, *анаграмма*, *баллада*, *басня*, *гекзаметр*, *дактиль*, *лирика*, *ода*, *октава*, *цезура* и др.) и к терминам языкознания (*аорист*, *глагол*, *глаголица*, *диалект*, *ер*, *залог*, *кавычки*, *спряжение*, *суффикс*, *флексия* и др.). Лексика этого разряда, в том числе из произведений Маяковского, подробно анализируется в монографии [Фатеева 2017], поэтому мы ограничимся общим наблюдением.

В словарных статьях СЯРП, описывающих филологические термины, доля стихотворных контекстов из произведений Маяковского довольно значительна (например, в статье к слову *рифма* из 66 контекстов 21 принадлежит Маяковскому). В большинстве случаев поэт использует эти термины в расширительном значении, в метафорических контекстах, нередко — в позиции рифмы:

⁴ В этот ряд вошли и слова из прозы Маяковского, например: *В 1912 году одесские поэты вызолотили для рекламы нос кассирше, продававшей билеты на стиховечер*. (Мое открытие Америки).

Вот иду я, / заморский страус, / в перьях
строф, размеров и рифм. / Спрятать голову,
глупый, стараюсь, / в оперенье звенящее *врыв.*
(1916);

Мало ль что бывает — / тяжесть / *или горе...* /
Позовите! / Пригодится шутка дурья. / Я шара-
дами *гипербол,* / *аллегорий* / буду развлекать, /
стихами балагурия. (1923);

Говоря по-нашему, / *рифма* — / бочка. / Бочка
с динамитом. / *Строчка* — / фитиль. / *Строка*
додымит, / взрывается *строчка*, — / и город / на
воздух / *строфой* летит. / Где найдешь, / на какой
тариф, / *рифмы,* / чтоб враз убивали, наце-
лясь? / Может, / пяток / *небывалых рифм* / толь-
ко и остался / что в Венецуэле. (1926);

Говоря по-вашему, / рифма — / *вексель.* /
Учесь через строчку! — / вот распоряжение. /
И ищешь / мелочишку *суффиксов* и *флексий* /
в пустующей кассе / *склонений* / и *спряжений.*
(1926);

Используй, / кто был безязык и гол, / сво-
боду Советской власти. / Ищите свой *корень* /
и свой *глагол,* / во тьму *филологии* влазьте. (1927).

Анализ специальных слов в произ-
ведениях Маяковского позволяет уточ-
нить представления о составе и структу-
ре его поэтического лексикона, о его ху-
дожественном мире. Мотивированность
выбора терминов приверженностью лите-
ратурному направлению, темами и мо-
тивами, реакцией на актуальные реалии и со-
циальные процессы и т.д. определяет как
объемность терминологической лексики
у Маяковского, так и весьма разнообраз-
ный характер ее использования в поэтиче-
ских текстах.

ЛИТЕРАТУРА

Валавин В.Н. Словотворчество Маяков-
ского: Опыт словаря окказионализмов. — М.,
2010.

Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. — М., 1995.

Лингвистический энциклопедический сло-
варь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990 (ЛЭС).

Селищев А.М. Язык революционной эпо-
хи. — М., 1928.

Словарь языка русской поэзии XX века. —
М., 2001–2017. — Т. I–VII (СЯРП).

Фатеева Н.А. Поэзия как филологический
дискурс. — М., 2017.

Шелов С.Д. Еще раз об определении поня-
тия «термин» // Вестник Нижегородского универ-
ситета им. Н.И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2).

REFERENCES

Valavin V.N. Slovtvorchestvo Mayakovskogo: Opyt slovaria okkazionalizmov, Moskva, 2010.

Gasparov M.L. Vladimir Mayakovskii, in *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka: Opyty opisaniya idiosstilei*, Moskva, 1995.

Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar', chief ed. Yartseva V.N., Moskva, 1990.

Selishhev A.M. Yazyk revoliutsionnoi epohi, Moskva, 1928.

Slovar' yazyka russkoi poezii XX veka, Moskva, 2001–2017, vol. I–VII.

Fateeva N.A. Poeziya kak filologicheskii diskurs, Moskva, 2017.

Shelov S.D. Eshhe raz ob opredelenii ponia-
tiya «termin», in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, № 4 (2), 2010.

К сведению авторов!

Редакция осуществляет прием статей через сайт журнала «Русский язык в школе». Просим вас зарегистрироваться на сайте, чтобы иметь возможность от-
править статью. Требования к оформлению материалов см. на сайте журнала, на
странице «Авторам».

Адрес сайта: <http://www.riash.ru/>

Интертекстуальный анализ стихотворения Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой»

В статье предложена схема интертекстуального анализа поэтического произведения; выявлена специфика реализации категории интертекстуальности в стихотворении Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой»; рассмотрены фигуры интертекста, а также особенности интертекстуального взаимодействия фрагментов стихотворения Е.А. Евтушенко с произведениями русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака, С.А. Есенина и В.В. Маяковского).

Ключевые слова: *интертекстуальность; интертекстуальный анализ; прецедентный текст; прецедентное высказывание; фигуры интертекста; аллюзия; аппликация; парафраз.*

Tatyana N. Kolokol'tseva

Intertextual Analysis of the Poem «Molitva pered Poemoi» by E.A. Evtushenko.

The article offers the scheme of intertextual analysis of the poetic text, educes the specifics of the intertextuality category in the poem «Molitva pered Poemoi» by E.A. Evtushenko, considers the figures of intertext and the special aspects of intertextual interplay of the fragments by E.A. Evtushenko with the works of Russian classical writers (such as A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.A. Nekrasov, A.A. Blok, B.L. Pasternak, S.A. Esenin i V.V. Majakovskij).

Key words: *intertextuality; intertextual analysis; precedent text; precedent statement; intertext figures; allusion; applique; paraphrase.*

Легендарный поэт-шестидесятник Е.А. Евтушенко, ушедший из жизни 1 апреля 2017 г., оставил после себя обширное творческое наследие, изучение которого займет, вероятно, многие десятилетия. К числу знаковых и широко известных произведений автора относится знаменитая «Молитва перед поэмой», являющаяся вступлением к поэме «Братская ГЭС» (1964–1965). В этом стихотворении сконцентрированы размышления Е.А. Евтушенко об уникальной роли поэта в России, о гражданственном звучании русской поэзии, о важности творческой преемственности.

«Молитва перед поэмой» представляет большой интерес в аспекте категории интертекстуальности, поскольку данный текст буквально пронизан многочисленными

интертекстуальными связями. Начальная строка произведения *Поэт в России — больше, чем поэт* давно стала крылатой, о чем убедительно свидетельствует, в частности, следующий факт: на соответствующий запрос поисковая система «Яндекс» выдает в общей сложности 92 миллиона ответов.

Как известно, категория интертекстуальности в настоящее время привлекает пристальное внимание ученых (см. работы И.В. Арнольд, Ю. Кристевой, Н. Пьегго, Н.А. Кузьминой, Т.Е. Литвиненко, В.П. Москвина, Н.С. Олизько, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской и многих других). Вслед за Е.А. Баженовой, мы будем понимать под интертекстуальностью, «текстовую категорию, отражающую соотносительность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [Баженова 2003: 104]. Интертекстуальность получает свое выражение через серию фигур интертекста, подробно описанных, в частности, в коллективной монографии под ред. Т.Н. Колокольцевой и В.П. Москвина «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (2014).

«Молитва перед поэмой» во многом близка по своей организации жанру послания. Основная часть данного текста включает серию фрагментов, адресованных великим русским поэтам, чье творчество

Татьяна Николаевна Колокольцева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

E-mail: tatnk@inbox.ru

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
пр. Ленина, д. 27, Волгоград, 400131, Россия
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin av., Volgograd, 400131, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Колокольцева Т.Н. Интертекстуальный анализ стихотворения Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой» // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 59–63. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-59-63.

является для Е.А. Евтушенко внутренним ориентиром: А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Н.А. Некрасову, А.А. Блоку, Б.Л. Пастернаку, С.А. Есенину, В.В. Маяковскому. Каждый из стихотворных фрагментов, обращенных к столпам русской поэзии, строится по одной и той же схеме, которую можно условно обозначить как «Дай, N, мне...», где в качестве желаемых объектов называются определенные качества, важные для стихотворца.

Эти семь фрагментов, адресованных русским поэтам, существенно различаются своей внутренней организацией. Каждый из микротекстов интертекстуально насыщен и в концентрированном виде несет информацию об идиостиле соответствующего автора: о его излюбленных ритмических моделях, а также о стилистически значимых концептах, наиболее ярких образах и символах. Остановимся на этом подробнее.

Первый микротекст, написанный четырехстопным ямбом, обращен к А.С. Пушкину:

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шая, глаголом жечь.

Приведенный катрен близок по ритмической организации к последнему четверостишию знаменитого пушкинского «Пророка» (в обоих случаях использованы четырехстопный ямб и перекрестная рифмовка). Финалом прецедентного текста является широко известный призыв: *Глаголом жги сердца людей!* В последнем стихе рассматриваемого четверостишия из «Молитвы перед поэмой» Е.А. Евтушенко содержится парафраз¹, восходящий к пушкинскому высказыванию: *как бы шая, глаголом жечь*. В качестве других показателей интертекстуальности отметим типичные для А.С. Пушкина эпитеты *раскованный, пленительный*. Впечатление певучести, столь характерное для пушкинской поэзии, создается Е.А. Евтушенко за счет звуковой инструментовки, прежде всего благодаря активному использованию сонорных *л, н, р* и сонанта *в*, которые замедляют темп речи, тем самым делая ее тональность более торжественной.

Второй микротекст адресован М.Ю. Лермонтову и представляет собой шестистишие, также написанное четырехстопным ямбом:

Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
недоброты твоей сестра —
лампада тайного добра.

Строфа характеризуется парной рифмовкой (AABBCC), которая использована, в частности, в таких известных произведениях М.Ю. Лермонтова, как «Три пальмы» и «Отчего».

В то же время отметим несколько существенных ритмических различий: «Три пальмы» написаны М.Ю. Лермонтовым четырехстопным амфибрахием, а «Отчего» — шестистопным ямбом. В обоих указанных лермонтовских произведениях мужская рифма чередуется с женской, тогда как у Е.А. Евтушенко используется только мужская рифма.

Интертекстуальные связи «Молитвы перед поэмой» Е.А. Евтушенко и произведений М.Ю. Лермонтова выражаются главным образом при помощи аллюзий². *Желчный взгляд* классика на жизнь современной ему николаевской России в целом и светского общества в частности — явление общеизвестное. Не случайно «презрительности ядом» пропитаны многие стихи М.Ю. Лермонтова. Такое настроение отражено, например, в финальных строках стихотворения «Как часто, построю толпою окружен...»:

О, как мне хочется смутить веселость их //
И дерзко бросить им в глаза *железный стих*, //
Облитый горечью и злостью!..

Использованное Е.А. Евтушенко метафорическое словосочетание *келья замкнутой души* — аллюзивный намек на душевное одиночество лирического героя М.Ю. Лермонтова. Последнее двустилие (*недоброты твоей сестра — лампада тайного добра*) построено на типичной для его стиля фигуре контраста, как бы подчеркивая парадоксальность соотношения добра и зла в творчестве поэта.

¹ Термин *парафраз* обозначает прием, состоящий в изменении лексического состава прецедентного высказывания или текста, известного широкому кругу читателей.

² Под *текстовой аллюзией* мы, вслед за В.П. Москвиным, понимаем «словесный намек на определенный известный адресату текст» [Москвин 2014: 25].

Микротекст, обращенный к Н.А. Некрасову, представляет собой восьмистишие, написанное анапестом — одним из любимых трехсложных стихотворных размеров классика:

Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музы твоей —
у парадных подъездов и рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу,
Дай мне подвиг мучительный твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.

Приведенный фрагмент «Молитвы...» обнаруживает отчетливые интертекстуальные связи с рядом произведений Н.А. Некрасова, прежде всего с известным стихотворением «Размышления у парадного подъезда». Прецедентный некрасовский текст написан разностопным анапестом, где в рамках строфы чередуются восьми-, шести- и семисложные стихи. Е.А. Евтушенко при стилизации стихотворной манеры Н.А. Некрасова использует нестрогий вариант анапеста. Об интертекстуальной связи сопоставляемых произведений свидетельствуют также употребленные Е.А. Евтушенко текстовые аппликации³: *у парадных подъездов и как бурлаки идут бечевой*.

Анализируемый фрагмент «Молитвы перед поэмой» обнаруживает интертекстуальные связи и с другими произведениями Н.А. Некрасова. Словоформа *у рельсов* аллюзивно отсылает нас к стихотворению «Железная дорога», а образ *иссеченной музы* — к произведению «Вчерашний день, часу в шестом...»:

Вчерашний день, часу в шестом, // Зашел я на Сенную; // Там били женщину кнутом, // Крестьянку молодую. // Ни звука из ее груди, // Лишь бич свистал, играя... // И Музе я сказал: «Гляди! // Сестра твоя родная!»

Благодаря умелому воспроизведению ритмических особенностей поэзии Н.А. Некрасова, а также интертекстуальным перекличкам «Молитвы...» с известными некрасовскими произведениями, Е.А. Евтушенко в целом удачно стилизует авторскую манеру своего знаменитого предшественника.

³ Под *текстовой аппликацией* мы, вслед за В.П. Москвиным, понимаем «прием цитирования без ссылки на источник» [Москвин 2014: 24].

Микротекст, адресованный А.А. Блоку, представляет собой катрен, написанный разностопным ямбом:

О, дай мне, Блок, туманность вещую
и два кренящихся крыла,
чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла.

Данный фрагмент пронизан концептами и образами блоковской поэзии. Упомянутая Е.А. Евтушенко *туманность вещая* возникает как отражение важного для поэзии А.А. Блока образа тумана, представленного в ряде его текстов:

Дыша духами и туманами, // Она садится у окна. («Незнакомка»).

Е.А. Евтушенко не случайно включает в данный фрагмент «Молитвы...» существенные *загадка* и *музыка*. Эти слова являются именами концептов, ключевых для творчества А.А. Блока, который видит мир как некую тайну, неразрешимую загадку; музыка же для поэта — тоже одна из загадок. Саму суть жизни А.А. Блок воспринимает через звуковые волны; музыка, разлитая вокруг, волнует и восхищает его:

О, сколько *музыки* у Бога, // Какие звуки на земле!
(«В ночи, когда уснет тревога...»).

Чувствовать музыку (в том числе и музыку поэзии) так, как чувствовал ее А.А. Блок, — великое счастье, к которому стремится и лирический герой Е.А. Евтушенко.

Итак, интертекстуальная перекличка с произведениями А.А. Блока устанавливается в анализируемом фрагменте прежде всего при помощи аллюзий.

Микротекст, обращенный к Б.Л. Пастернаку, представляет собой блестящий образец воспроизведения идиостилевых особенностей поэта:

Дай, Пастернак, смещение дней,
смущенье веток,
срашенье запахов, теней
с мученьем века,
чтоб слово, садом бормоча,
цвело и зрело,
чтобы вовек твоя свеча
во мне горела.

На наш взгляд, интертекстуально данная строфа теснее всего связана со знаменитым стихотворением Б.Л. Пастернака

«Зимняя ночь». Наблюдается тонкая ритмическая и содержательная подстройка к этому тексту. «Зимняя ночь» написана разностопным ямбом с чередованием восьми- и пятисложных строк. Напомним начало этого прецедентного текста:

Мело, мело по всей земле // Во все пределы.
// Свеча горела на столе, // Свеча горела.

У Евтушенко ритмическая структура микротекста, обращенного к Пастернаку, выглядит аналогичным образом. В интертекстуальном плане рассматриваемую строфу из «Молитвы перед поэмой» Евтушенко и «Зимнюю ночь» Пастернака сближает парафраз *чтобы вовек твоя свеча во мне горела*. Данную фигуру интертекста нельзя не признать удачной, поскольку в ее основе лежит один из самых известных образов Пастернака, ставший ярким поэтическим символом — символом свечи как знака духовного горения. Эффект парафраза возрастает благодаря расположению данной фигуры в сильной позиции конца стихотворной строфы.

Интертекстуальная перекличка между произведениями Е.А. Евтушенко и Б.Л. Пастернака обеспечивается также благодаря использованию образа сада. Данный образ представлен в целом ряде текстов Б.Л. Пастернака:

Простор вселенной был необитаем, / И только сад был местом для житья. («Гефсиманский сад»);

Давай ронять слова, / Как сад — янтарь и целду, / Рассеянно и щедро, / Едва, едва, едва. («Давай ронять слова...»).

Завершая анализ данного микротекста, отметим, что Е.А. Евтушенко удачно стилизует пастернаковскую метафорику (*смущенье веток, мученье века; слово, садом бормоча, цвело и зрело*). В целом анализируемая строфа, благодаря уместному использованию фигур интертекста и других изобразительно-выразительных средств, дает читателю яркое представление об особенностях идиостиля Б.Л. Пастернака.

Микротекст, обращенный к С.А. Есенину, представляет собой катрен, написанный пятистопным ямбом:

Есенин, дай на счастье нежность мне
к березкам и лугам, к зверью и людям
и ко всему другому на земле,
что мы с тобой так беззащитно любим.

Начальный стих данного фрагмента содержит парафраз первой строки известного стихотворения С.А. Есенина «Собаке Качалова»: *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* Во втором стихе анализируемого катрена из «Молитвы перед поэмой» перечисляются наиболее яркие образы есенинской поэзии. Так, *березка*, по сути, является сквозным образом для творчества С.А. Есенина и представлена во множестве его текстов, хорошо знакомых российским читателям:

Я навек за туманы и росы // Полюбил у березки стан, // И ее золотистые косы, // И холщовый ее сарафан. («Ты запой мне ту песню, что прежде...»).

Таким образом, интертекстуальные связи «Молитвы...» Е.А. Евтушенко и произведений С.А. Есенина устанавливаются с участием парафраза и серии аллюзий.

Микротекст, адресованный В.В. Маяковскому, имеет в своей основе ритмическую модель разностопного ямба и выстроен в виде знаменитой «лесенки», усиливающей акцентное звучание стиха:

Дай, Маяковский, мне
    глыбастость,
    буйство,
    бас,
непримиримость грозную к подонкам,
чтоб смог и я,
    сквозь время прорубясь,
сказать о нем
товарищам-потомкам...

В интертекстуальном плане приведенный фрагмент перекликается прежде всего с поэмами В.В. Маяковского «Облако в штанах» и «Во весь голос». Исползованный Е.А. Евтушенко окказионализм *глыбастость*, вероятнее всего, представляет собой аллюзию к строкам *Что может хотеться этойкой глыбе? А глыбе многое хочется!* («Облако в штанах»). Кроме того, здесь, возможно, содержится намек на ярко выраженную склонность В.В. Маяковского к индивидуальному словотворчеству. Существительные *буйство*, *бас* не только отражают поведенческие и речевые характеристики поэта (необузданный нрав, громкий голос), но и одновременно аллюзивно отсылают читателя к прецедентным высказываниям, в частности: *Мир огрбмив мощью голоса, иду — красивый, двадцатидухлетний*. («Облако в штанах»). Метафорическое словосочетание *сквозь время*

прорубая — аллюзия к строкам В.В. Маяковского *Мой стих // трудом // громаду лет прорвет // и явится // весело, // грубо, // зримо...* («Во весь голос»). Не вызывает сомнений текстовая принадлежность аппликации *товарищам-потомкам*, поскольку это обращение неоднократно используется в поэме «Во весь голос»:

Уважаемые *товарищи потомки*!

Слушайте, // *товарищи потомки*, // агитатора, // горлана-главаря).

В целом в анализируемом фрагменте «Молитвы перед поэмой», на наш взгляд, очень точно переданы идиостилевые характеристики поэзии В.В. Маяковского, которого Е.А. Евтушенко не только высоко ценил, но и считал одним из своих непосредственных учителей.

Таким образом, «Молитва...» представляет собой смелый и весьма успешный интертекстуальный эксперимент Е.А. Евтушенко. В произведение включено семь микротекстов, обращенных к великим российским поэтам А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Н.А. Некрасову, А.А. Блоку, Б.Л. Пастернаку, С.А. Есенину и В.В. Маяковскому. Благодаря ритмической подстройке к произведениям данных авторов и удачному использованию фигур интертекста (аллюзии, аппликации и парафраза), Е.А. Евтушенко точно воспроизводит идиостилевые особенности столпов русской поэзии и облачает в яркую поэтическую форму идею творческой преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб., 1999.

Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М., 2003.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — М., 2000.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 1999.

Литвиненко Т.Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Иркутск, 2008.

Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. — М., 2011.

Москвин В.П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат. Глава 1 // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллект. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. — М., 2014.

Олизько Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса: На материале произведений Дж. Барта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2002.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. — М., 2008.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. — М., 2007.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М., 2009.

REFERENCES

Arnol'd I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost', Sankt-Petersburg, 1999.

Bazhenova E.A. Intertekstual'nost', in *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, ed. M.N. Kozhina, Moskva, 2003.

Kristeva Yu. Bahtin, slovo, dialog i roman, in *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k post-strukturalizmu*, Moskva, 2000.

Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v protsessah evolyutsii poeticheskogo yazyka: extended abstract of PhD's thesis, Ekaterinburg, 1999.

Litvinenko T.E. Intertekst i ego lingvisticheskie osnovy (na materiale latinoamerikanskikh hudozhestvennykh tekstov): extended abstract of PhD's thesis, Irkutsk, 2008.

Moskvin V.P. Intertekstual'nost': Poniatiynyi apparat. Figury, zhanry, stili, Moskva, 2011.

Moskvin V.P. Teoriya intertekstual'nosti: kategorial'nyi apparat. Chapter 1, in *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznykh tipov*: multi-authored monograph, science ed. Kolokol'tseva T.N., Moskvin V.P., Moskva, 2014.

Oliz'ko N.S. Intertekstual'nost' kak sistemoobrazuyushhaia kategoriya postmodernistskogo diskursa: Na materiale proizvedenii Dzh. Barta: extended abstract of Ph candidate's thesis, Cheliabinsk, 2002.

P'ege - Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti, Moskva, 2008.

Fateeva N.A. Intertekst v mire tekстов. Kontrapunkt intertekstual'nosti, Moskva, 2007.

Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost', Moskva, 2009.

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-64-70

В.П. МОСКВИН

Ударение в именах существительных мужского рода с консонантной концовкой: норма и варианты

В статье рассмотрены акцентные особенности имен существительных мужского рода с консонантной концовкой, освещены причины и закономерности переакцентовки в таких словах, сформулированы ортологические рекомендации, связанные с ориентацией на старшую норму как основу правильной постановки ударения в словах данного класса.

Ключевые слова: *литературная норма; культура речи; акцентология; ударение; акцентный вариант; имя существительное; консонантная концовка.*

Vasily P. Moskvina

The Stress in the Masculine Nouns with Endings on Consonants: the Norm and Variants.

The article considers the stress aspects of masculine nouns with endings on consonants, covers the reasons and logic of change of accentuation in such words, orthological represents the recommendations connected with the orientation on the elder norm as the base for accentuation in such types of words.

Key words: *literary norm; speaking culture; accentology; stress; stress variant; noun; ending on consonant.*

Академик Я.К. Грот обратил внимание на то, что «окончание *-á / -я* во множественном числе имен мужского рода чрезвычайно распространено в языке» и «беспрерывно делает в нем все новые завоевания» [Грот 1873: 396], ср.:

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!!

(А.С. Грибоедов. Горе от ума).

Василий Павлович Москвин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

E-mail: vasmoskvina@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
пр. Ленина, д. 27, Волгоград, 400131, Россия
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin av., Volgograd, 400131, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Москвин В.П. Ударение в именах существительных мужского рода с консонантной концовкой: норма и варианты // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 64–70. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-64-70.

Но:

Профессора употребляются и по другим обязанностям, для исправления которых надлежало бы иметь особых гражданских чиновников.

(Н.П. Загоскин. История императорского Казанского университета, 1904).

При рассмотрении форм с ударной флексией *-á / -я* необходимо развести: 1) вопрос об источнике данной флексии; 2) вопрос о причинах востребованности этой флексии у указанных существительных.

Известна гипотеза А.И. Соболевского о заимствовании данной флексии у форм собирательных имен существительных типа *господа*, первоначально склонявшихся как *листва*: от *господы* (ср. от *листы*). Сначала «форма именит. ед. *господа* сделалась формою именит. множ. ч. к именит. ед. *господин*», далее, «по образцу *господа*, образовались формы именит. множ. тагана... погребя, города, дома, рога, писаря и т.п.» [Соболевский 1888: 152–154].

Данную гипотезу не принял И.В. Ягич: «Я например не могу удовлетвориться толкованием... что именительный “погребя”,

“города”, “дома”, “рога” и т.д. образовался по образцу “господа”. Это объяснение уже потому мало удовлетворяет меня, что слово “господа” обозначает собирательно живых существ, тогда как приводимые существительные на *a* выражают множественность предметов» [Ягич 1889: 111]. Однако и среди собирательных имен, и среди имен 1-го склонения немало как одушевленных, так и неодушевленных, в силу чего данный критерий не представляется значимым. Согласно предположению самого И.В. Ягича, «ударяемое *a* <...> вследствие трех падежей “берегам”, “берегами”, “берегах” вышло наружу также для именительного “берега”» [Там же 1889: 114]. Но в этом случае возникает вопрос, почему, к примеру, формы *дубам, дубами, дубах* не вызвали появление «ударяемого *a*» в форме Им. падежа мн. числа слова *дубы*.

А.А. Шахматов полагает, что варианты на *-á / -я (домá, писаря́)* возникли в результате переосмысления формы двойственного числа (*два шага, два города*): «Памятники указывают, что с течением времени прилагательные ставились во множественном числе, между тем как определяемые ими существительные оставались в двойственном... Ясно, что представление о двойственном числе в языке таких памятников само по себе сменилось представлением о неединственном, множественном числе...» [Шахматов 1957: 209; ср.: Дурново 1924: 284]. По оценке Л.А. Булаховского, данная грамматическая трансформация наиболее вероятна, хотя «не имеет бесспорного объяснения» [Булаховский 1937: 90].

Ряд ученых [Грот 1873: 396; Ягич 1889: 114; Дурново 1924: 285] видит в новых формах на *-á / -я́* результат влияния формы Им. падежа мн. числа существительных ср. рода типа *кружева́, поля́*, что, согласно мнению С.П. Обнорского, «теоретически... возможно, хотя неясны оставались бы при этом предположении ближайшие причины такого влияния» [Обнорский 1931: 3].

Вполне логична гипотеза (своего рода «теория полигенеза»), согласно которой флексия *-á / -я́* связана не с каким-либо одним из перечисленных выше, а со всеми потенциальными ее источниками [Иорданиди 1996: 93–94].

В.Л. Воронцова отмечает, что «факт широкого распространения флексии *-a* (*-я*) и вытеснения ею флексии *-ы (-и)* в форме им. падежа мн. числа» общеизвестен, однако «как бы ни определять генезис форм на

-a, остается открытым вопрос о причинах их огромной продуктивности»¹ [Воронцова 1979: 90 и 91].

В этой связи обратим внимание на следующий факт. Как известно, формы Р. падежа ед. числа и Им. падежа мн. числа в русском языке бывают омонимичны, что значимо, в частности: 1) для имен сущ. 3-го склонения, ср. *нет очереди* и *большие очереди*, отсюда устраняющая такую омонимию замена Им. падежа мн. числа *очереди* → прост. *очередя́*²; 2) для имен сущ. 2-го склонения с ударной концовкой *-á / -я*, ср. *моей судьбы* и устар. *судьбы Божии*:

И пред Тобой, мой Бог, молился;
Свои грехи воспоминал
И мудрости Твоей дивился...
Как правы все Твои судьбы!
(Ф.Н. Глинка. Карелия),

речной струи и устар. *текущие струи*:

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
(В.А. Жуковский. Вечер),

отсюда устраняющая омонимию замена Им. падежа мн. числа посредством переакцентовки: устар. *судьбы* → соврем. *судьбы*, устар. *струи* → соврем. *струи*. Факты свидетельствуют (см.: [Иорданиди 1996: 92]) о том, что здесь возможна и смена флексии, ср. лит. *вёрсты* и диал. *верста*, лит. *горы* и диал. *гора*, совр. *волны* и устар. *волна*:

Зашумели Ветры! вспенились Волна.
Возмутилось Дно! Бездны зазиляли!
И вострепетала влажна Глубина!

(В.К. Тредиаковский. Плач о кончине блаженные и вечнодостойные памяти Государя императора, и Самодержца Всероссийского Петра Великого, отца отечества, 1752).

Такая смена флексии, впрочем, приводит к омонимии Им. падежа мн. и ед. числа³.

¹ Позже к этому же выводу пришла С.И. Иорданиди [1996: 92–93; ср. Иорданиди 1982: 214]: «Вопрос о происхождении и причинах распространения флексии *-ы...* до сих пор остается дискуссионным».

² В этом случае также имеет место заимствование «чужой» флексии [Воронцова 1996: 314 и 1979: 21].

³ Отсюда следующая «редакторская» правка: *Зашумели Ветры! Вспенилась Волна* [Матяш 2004: 131].

Рассмотренные факты позволяют говорить о «слабом звене» русской грамматики в части противопоставления форм Р. падежа ед. числа и Им. падежа мн. числа имен существительных, в связи с чем ученые связывают «распространение форм на -а с тенденцией к акцентологической противопоставленности форм ед. и мн. числа» [Воронцова 1979: 91], т.е. с морфологизацией ударения как средства такого противопоставления. Думается, что причиной как переакцентовки, так и смены флексии в форме им. падежа мн. числа существительных муж. рода с консонантной концовкой, принадлежащих 1-му склонению, является тот факт, что она практически совпадает в звучании с флексией Р. падежа ед. числа (*шофёры* ≈ *шофёра*, устар. *домы* ≈ *дома*), поскольку «заударный [а] больше похож на [ы], чем на [а]» [Бондарко 1981: 124]. Здесь наблюдаем если не омофонию, то явное близкозвучие форм.

Устранение такого близкозвучия производится двумя способами:

1. Путем переноса ударения на окончания, что служит их подчеркиванию [Грот 1873: 401]: а) Им. падеж мн. числа *торты* — прост. *торты*, *сваты* — прост. *сваты*, *шарфы* — прост. *шарфы*, *шприцы* — прост. *шприцы*, устар. *носы* — совр. *носы*, устар. *стволы* — совр. *стволы*, устар. *холмы* — совр. *холмы*; б) Р. падеж ед. числа *свата* — прост. *свата*, *шарфа* — прост. *шарфа*, *шприца* — прост. *шприца*, устар. *ствола* — совр. *ствола*, устар. *холма* — совр. *холма*, устар. *червя* — совр. *червя*.

2. Посредством смены флексии: *вентили* — прост. проф. *вентилля*, *шофёры* — прост. *шофера*, *торты* — прост. *торта*, устар. *адресы* — совр. *адреса* (почтовые), устар. *вееры* — совр. *веера*, устар. *голосы* — совр. *голоса*, устар. *города* — совр. *города*, устар. *паспорты* — совр. *паспорта*, устар. *счеты* — совр. *счета* (за электричество), устар. *томы* — совр. *тома*.

Перакцентовка и смена флексии находятся в отношениях взаимоисключения: «окончание *а*, *я* может становиться на место *ы*, *и* неударяемых, но почти никогда не становится на место *ы*, *и*, имеющих ударение» [Грот 1873: 397].

Заметим, что наиболее напряженными среди гласных и, следовательно, наиболее сложными в артикуляционном плане являются фонемы <и>, <е> (см., например: [Богомазов 2001: 25]), а значит, замена <и> на <а> отвечает принципу экономии

речевых усилий, т.е. условию артикуляционного благозвучия. По этому критерию могут быть охарактеризованы и согласные: «С точки зрения благозвучия все фонемы делятся на легкие и затрудненные. Наиболее легкими являются гласные, затем сонорные, за исключением звука “р”, затем звонкие фрикативные “в”, “ж”, “з”, затем глухие фрикативные, затем взрывные и, наконец, аффрикаты и звук “р”» [Томашевский 1996: 89]; в логопедии наиболее сложными для произношения считаются звуки [р] и [л] (см., например: [Бабина и др. 2016: 23]). С этой точки зрения сочетания звуков [р] + [и], [л] + [и] следует оценить как крайне неблагоприятные в артикуляционном плане. Данный факт объясняет указанную Я.К. Гротом активность анализируемой замены в словах иноязычного происхождения, оканчивающихся звуками [р], [л]: *крейсера* → *крейсера*, *куполы* → *купола* [Грот 1873: 399].

Замечено, что флексию -*а* / -*я* активно принимают двусложные и трехсложные слова [Булаховский 1954: 64; Дурново 1924: 283; Грот 1873: 398–399]. Как кажется, данный факт можно объяснить тем, что подвижное ударение характерно для многосложных слов. Многосложные слова (типа *библиотекари*) не принимают ударной флексии -*а* / -*я* скорее всего в силу того обстоятельства, что произнесение форм типа *библиотекаря* затруднительно без побочного ударения, применение которого требует дополнительных мускульных усилий, а это противоречит закону языковой экономии.

Среди анализируемых имен немало слов «с ударением на первом слоге» [Обнорский 1948: 27; Грот 1873: 398 и 399]: *крейсер* — *крейсера*, *кучер* — *кучера*, *мастер* — *мастера*, *слесарь* — *слесаря*, *тенор* — *тенора*. Думается, данная аналогия легла в основу следующей модели переакцентовки: *шофёр* — *шофёры* → *шофер* — *шофера*, *договор* — *договоры* → *договор* — *договора*.

Итак, если принять за основу наше предположение, единой причиной и акцентных перемещений, и распространения форм на -*а* / -*я* выступает коммуникативно целесообразная необходимость устранения близкозвучия форм Р. падежа ед. числа и Им. падежа мн. числа. Далее происходит «выравнивание ударения в формах мн. ч.» [Воронцова 1979: 17]: прост. *торта* (вм. *торты*) — прост. *тортов* (вм. *тортов*), *тортам* (вм. *тортам*), *тортами* (вм. *тортами*). Этот процесс явно

вызван феноменом «омонимического отталкивания» [Редькин 1963: 120], в нашем случае формы Им. падежа мн. числа от формы Р. падежа ед. числа; в свете данного факта не представляется приемлемым вывод Т.Г. Хазагерова о том, что «между акцентуацией парадигматических рядов ед. и мн. числа... отношения взаимозависимости не наблюдается»⁴ [Хазагеров 1973: 47].

Из сказанного выше следует, что для анализируемых нами слов с консонантной концовкой старшей нормой являются: 1) корневое ударение; 2) безударная флексия Им. падежа мн. числа *-ы / -и*: *банты, вентили*. Варианты Им. падежа мн. числа на *-á / -я* (*взвода, вентилья, вызова, диспетчера, конуса, крема, троса*), *-ы / -и* (*банты, краны, лифты, иллюзы*) в том случае, если они противостоят живой и актуальной старшей норме, характерны для просторечия и профессиональной речи. Как известно, старшая норма более престижна по сравнению с младшей — даже при кодифицированности альтернативных вариантов, особенно в случаях неоправданной уступки узусу (ср. *договоры* и *договора, корректоры* и *корректор*). Будучи кодифицированы, формы на *-á / -я* при наличии вариантов на *-ы / -и* все равно «производят впечатление второсортности, стилистической сниженности» [Горбачевич 1989: 155].

Давно замечено, что слова книжные, не освоенные разговорной речью находятся под сильным воздействием норм

и традиций литературного языка, в отличие от слов, широко употребительных в народной речи, ср. *Бальзак — Бальзака*, но: *рюкзак — рюкзака; эпатаж — эпатажа*, но: *этаж — этажа; зонд — зонда, зонды*, но: *зонт — зонта, зонты* (при устар. *зонта, зонты*). Чем более слова «усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения» [Грот 1873: 396]⁵. Эта закономерность проявляется и при освоении заимствований, ср.: 1) Р. падеж ед. числа *блиндажа* < устар. *блиндажа* (франц. *blindage*), *рюкзака* < устар. *рюкзака* (нем. *Rucksack*), *метража* < устар. *метража* (франц. *mètre*), *гаража* < *гаража* (франц. *garage*); 2) Им. падеж мн. числа *сорта* < устар. *сорты* (франц. *sorte*), *супы* < устар. *супы* (франц. *soupe*), *спирты* < устар. *спирты* (лат. *spiritus*). Освоение терминов происходит прежде всего в профессиональной среде, отсюда характерность для терминологической лексики: а) феномена профессионального просторечия: Им. падеж мн. числа *вентилья*; б) младшей нормы, восходящей к профессиональному узусу: Им. падеж мн. числа *спирты*.

Закономерность, указанная Я.К. Гротом, требует двух уточнений:

1. Эта закономерность не затрагивает слова «малоупотребительные», «не сделавшиеся народными», но характерна для языка «разговорного, живого» [Там же: 396 и 400], т.е. явно связана с частотностью слов (см. табл. 1).

Таблица 1

Зависимость смены нормы от частотности слова⁶

№ сопоставления	Слово	Общая частота	Частотность в живой устной речи	Норма	
				старшая	младшая
1	зонд	3.8	—	+	—
	зонт	5.1	13.9	—	+

⁴ Ср.: «Формы мн. ч. в новых образованиях редко связываются с формами ед. ч.: инновации в склонении чаще всего происходят по аналогии и не выходят за пределы одного числа...» [Дурново 1971: 93].

⁵ В этом плане показательны и то, что уже при первом своем появлении и на начальном этапе распространения (XV–XVII вв.) ударная флексия мн. числа *-а* охватила прежде всего единицы обиходно-бытовой лексики [Иорданиди 1996: 90].

⁶ Частотность слов в представленной таблице дается по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова. Чтобы примерно оценить количество употреблений слова на миллион единиц, приводимую в колонке «Общая частота» цифру следует умножить на коэффициент 92 [Ляшевская, Шаров 2009: V–VI]. Знак прочерка «—» в колонке означает, что соответствующая ему лексема не зафиксирована в указанном словаре; такое решение авторов словаря расценивается нами как свидетельство низкой частотности данной лексемы.

№ сопоставления	Слово	Общая частота	Частотность в живой устной речи	Норма	
				старшая	младшая
2	эпатаж	1.2	—	+	—
	этаж	102.7	115.9	—	+
3	шкап	—	—	+	—
	шкаф	48.4	65.5	—	+
4	тубус	0.4	—	+	—
	адрес	92.7	71.8	—	+
5	йогурт	3.2	12.6	+	—
	паспорт	49.6	84.4	—	+
6	трос	8.0	—	+	—
	нос	138.8	79.4	—	+
7	шуруп	2.1	—	+	—
	суп	27.2	100.8	—	+

2. Повышенная частотность «срабатывает» только при наличии определенных стимулов к переакцентровке; одним из таких стимулов необходимо считать наличие омонимии или близкозвучия форм внутри парадигмы слова.

Конечно же, было бы наивно полагать, что частотное, освоенное живой разговорной речью слово с консонантной концовкой немедленно изменит свои акцентные и словоизменительные свойства. Так, слово *трус* достаточно частотно, чтобы его акцентные и словоизменительные свойства подчинились младшей норме, ср.:

Другой был *трус*,

А то бы стала *драка*.

Однако не хочу в *трусах* оставить *рака*:

И тот подымет *ус*.

(А.П. Сумароков. Два рака).

Но омонимическое отталкивание от равнозвучных форм слова *трус* 'предмет одежды' оставляет слово *трус* в сфере действия старшей нормы.

Как видим, в литературном языке закон частотности имеет лишь характер тенденции, последняя сдерживается рядом факторов. Наиболее значимыми факторами, сдерживающими распространение новаций, считаются:

1. Речь и нормативные оценки авторитетных носителей литературного языка. Одна из таких оценок не потеряла актуальности и в наше время: «Разговорная речь наша стремится к распространению форм

мн. ч. на ударенное *-а* от известных категорий имен мужского рода. В этом нет ничего удивительного и даже нового: на глазах старшего поколения *профессора́, учителя́* сменили более старые формы — *профессоры́, учителя́*. Однако нас, стариков, вполне привыкших к *профессора́, учителя́, образа́, шокируют инженерá, договорá, выбора́*» [Щерба 1957: 128].

2. Кодифицированность, т.е. зафиксированное в грамматиках и словарях «общественное одобрение и признание» [Семенюк 1970: 338] слова, словоформы, акцентного варианта, в силу чего нормой называют «употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочником» [Ицкович 1970: 4].

3. Литературная традиция. Сохраняя традицию, норма проявляет оценочную ретроспективность и консервативность: «Коль скоро она стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка, то свойство консервативности ей совершенно необходимо» [Беликов, Крысин 2001: 40]. Здесь представляется актуальным вопрос о коммуникативной ценности вышедших из употребления вариантов слов и словоформ (*мужи́, бурлаки́, дома́*). Такие варианты иногда именуют этимологическими [Рогожникова 1967: 154]. Считается, впрочем, что лексические пары типа *дома́* и *домы́* с точки зрения современного состояния языка нельзя назвать вариантами, поскольку те или иные единицы квалифицируются как варианты только «при их сосуществовании,

при их употреблении в одну и ту же эпоху» [Смирницкий 1954: 22]. Так, вариативность *домы* / *дома* была актуальной, казалось бы, лишь для первой половины XIX в., ср.:

Домы были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти *дома* казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов... (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Вместе с тем представляется, что этимологическую вариантность необходимо признать релевантной для современного состояния языка применительно к тем архаичным словам и словоформам, которые продолжают свою жизнь в произведениях русской классики. Так, многие, на первый взгляд, «неактуальные» варианты ударений находим в следующих текстах:

Чада Атрея и пышнопоножные *мужси*
ахейцы!

О! да помогут вам боги, имущие *домы*
в Олимпе...

(Гомер. Илиада; пер. Н.И. Гнедича);

Примчались. Он слуге велит

Лепажу *стволы* роковые

Нести за ним, а лошадям

Отъехать в поле к двум дубкам.

(А.С. Пушкин. Евгений Онегин);

Вечерней мглы покров воздушный

Уж *холмы* Грузии одел.

(М.Ю. Лермонтов. Демон);

Этот стон у нас песней зовется —

То *бурлаки* идут бечевою!..

(Н.А. Некрасов. Размышления
у парадного подъезда).

Замена вариантами, соответствующими младшей норме (*мужси*, *стволы*, *бурлаки*), разрушит метрическую структуру стиха: следовательно, правильная декламация предполагает знание особенностей произношения старинных вариантов слов и словоформ. Исходя из этих соображений, целесообразно считать знание этимологических вариантов, используемых в классической литературе, неотъемлемой частью речевой компетенции современного носителя русского литературного языка, прежде всего учителя-словесника.

Среди критериев нормативности языковых фактов, т.е. их принадлежности к системе литературного языка, факторами стабильности считаются в первую очередь традиция и кодификация; стимулами изменений — коммуникативная

целесообразность тех или иных новшеств, а также их узуальная востребованность, т.е. частотность. Рассмотренный класс имен существительных развивается под воздействием этих противоположных влияний.

ЛИТЕРАТУРА

Бабина Г.В., Белякова Л.И., Идес Р.Е. Логопедия. Дизартрия. — М., 2016.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: учеб. для вузов. — М., 2001.

Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык: Фонетика. — М., 2001.

Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. — Л., 1981.

Булаховский Л.А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. — Харьков; Киев, 1937.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика, морфология, ударение, синтаксис. — М., 1954.

Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е.А. Земская. — М., 1996.

Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв.: Формы словоизменения — М., 1979.

Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. — М., 1989.

Грот Я.К. О переходе ударения существительных имен в косвенных падежах // Филологические разыскания: Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. — СПб., 1873.

Дурново Н.Н. О склонении в современном великорусском литературном языке // Вопросы языкознания. — 1971. — № 4.

Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. — М.; Л., 1924.

Иорданиди С.И. Из истории форм существительных именительного множественного на -а в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. — М., 1982.

Иорданиди С.И. История именных парадигм множественного числа в русском языке: науч. докл. ... докт. филол. наук. — М., 1996.

Ицкович В.А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. — М., 1970.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М., 2009.

Матяш С.А. «Мерзкие» переносы Тредиаковского // В.К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. — СПб., 2004.

Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. — Л., 1931. — Вып. 2: Множественное число.

Обнорский С.П. Культура русского языка. — М.; Л., 1948.

Редькин В.А. Рец. на кн.: Kiparsky V. *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*. Heidelberg, 1962 // Вопросы языкознания. — 1963. — № 3.

Рогожникова Р.П. Соотношение вариантов слова, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. — М., 1967.

Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М, 1970.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания АН СССР. — М., 1954. — Т. IV.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. — Киев, 1888.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. — М., 1996.

Хазагеров Т.Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. — МГУ, 1973.

Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. — М., 1957.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957.

Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. — СПб., 1889.

REFERENCES

Babina G.V., Belyakova L.I., Ides R.E. *Logopediya. Dizartriya*. Moskva, 2016.

Belikov V.I., Krysin L.P. *Sociolinguistika: textbook for higher inst.*, Moskva, 2001.

Bogomazov G.M. *Sovremennyy russkii literaturnyy yazyk: Fonetika*. Moskva, 2001.

Bondarko L.V. *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi*, Leningrad, 1981.

Bulahovskii L. A. *Istoricheskii kommentarii k literaturnomu russkomu yazyku*, Har'kov, Kiev, 1937.

Bulahovskii L.A. *Russkii literaturnyy yazyk pervoi poloviny XIX veka: Fonetika, morfologiya, udarenie, sintaksis*, Moskva, 1954.

Vorontsova V.L. *Aktivnye protsessy v oblasti udareniya in Russkii yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)*, resp. ed. E.A. Zemskaya, Moskva, 1996.

Vorontsova V.L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv.: Formy slovoizmeneniya*, Moskva, 1979.

Gorbachevich K.S. *Normy sovremennoego russkogo literaturnogo yazyka*, Moskva, 1989.

Grot Ya.K. O perehode udareniya sushhestvitel'nyh imen v kosvennyh padezhah, in *Filologicheskie razyskaniya: Materialy dlia slovaria, grammatiki i istorii russkogo yazyka*, Sankt-Petersburg, 1873.

Durnovo N.N. O sklonenii v sovremenom velikorusskom literaturnom yazyke, in *Voprosy yazykoznaniya*, No 4, 1971.

Durnovo N.N. *Ocherk istorii russkogo yazyka*, Moskva, Leningrad, 1924.

Iordanidi S.I. Iz istorii form sushhestvitel'nyh imenitel'nogo mnozhestvennogo na -a v russkom yazyke, in *Obshheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniya*, Moskva, 1982.

Iordanidi S.I. *Istoriya imennykh paradigm mnozhestvennogo chisla v russkom yazyke: scientific report of PhD*, Moskva, 1996.

Itskovich V.A. Norma i ee kodifikatsiya, in *Aktual'nye problemy kul'tury rechi*, Moskva, 1970.

Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar' sovremennoego russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)*, Moskva, 2009.

Matiash S.A. «Merzkie» perenosy Trediakovskogo, in *V.K. Trediakovskii: K 300-letiyu so dnia rozhdeniya*, Sankt-Petersburg, 2004.

Obnorskii S.P. *Imennoe sklonenie v sovremennoe russkom yazyke*, Leningrad, 1931, iss. 2, *Mnozhestvennoe chislo*.

Obnorskii S.P. *Kul'tura russkogo yazyka*, Moskva, Leningrad, 1948.

Red'kin V.A. Book review: Kiparsky V. *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*. Heidelberg, 1962, in *Voprosy yazykoznaniya*, No. 3, 1963.

Rogozhnikova R.P. Sootnoshenie variantov slova, odnokorennykh slov i sinonimov, in *Leksicheskaya sinonimiy*, Moskva, 1967.

Semenyuk N.N. Norma, in *Obshhee yazykoznanie: Formy sushhestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka*, Moskva, 1970.

Smirnitiskii A.I. K voprosu o slove (Problema «tozhdestva slova»), in *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR*, Moskva, 1954, vol. IV.

Sobolevskii A.I. *Lektsii po istorii russkogo yazyka*, Kiev, 1888.

Tomashhevskii B.V. *Teoriya literatury. Poetika*, Moskva, 1996.

Hazagerov T.G. *Razvitie tipov udareniya v sisteme russkogo imennogo skloneniya*, MSU, 1973.

Shahmatov A.A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka*, Moskva, 1957.

Shherba L.V. *Sovremennyy russkii literaturnyy yazyk*, in *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku*, Moskva, 1957.

Yagich I.V. *Kriticheskie zametki po istorii russkogo yazyka*, Sankt-Petersburg, 1889.

Есть ли в русском языке слово *спички*?

(О полноте словоизменительной парадигмы и грамматических профилях слова)

Статья посвящена проблеме полной/неполной словоизменительной парадигмы и грамматическим профилям слов – совокупности форм, востребованных коммуникативной практикой. Автор ставит вопрос об использовании той или иной формы слова с «ущербной» парадигмой в качестве заглавного в словарной статье, анализирует частотность употребления разных форм слов в речевой практике.

Ключевые слова: *словоизменительная парадигма; полная/неполная парадигма; грамматический профиль слова; словоформа; частотность употребления.*

Boris Yu. Norman

Is There the Word *Spichki* in Russian Language? (About the Integrity of Inflectional Paradigm and Grammar Forms of the Word).

The article is dedicated to the problem of complete/incomplete of inflectional paradigm and grammar profile of the word – the whole forms actual in communicative practice. The author raises a question of use of one or another form of the word with «defective» paradigm as the title of vocabulary item, analyses the frequency of use of different words forms in verbal practice.

Key words: *inflectional paradigm; complete/incomplete paradigm; grammar profile of word; allolog; frequency of use.*

Вопрос, вынесенный в заголовок, может показаться странным или даже провокационным. Ну как же не быть такому слову? Все мы пользуемся спичками и знаем, что это такое. Но вопрос этот поставлен в языковой плоскости, и с точки зрения лингвистики он далеко не бессмыслен.

Борис Юстинович Норман, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания; ведущий научный сотрудник

E-mail: boris.norman@gmail.com

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, д. 4, г. Минск, 220030,

Республика Беларусь

Belarusian State University

4 Independence av., Minsk, 220030, Republic of Belarus

Уральский Федеральный университет (Екатеринбург)

пр. Ленина, д.51, Екатеринбург, 620083, Россия

Ural Federal University (Ekaterinburg)

51 Lenina av., Ekaterinburg, 620083, Russian Federation

Исследование выполнено за счет гранта РФ (проект № 16–18–02005).

Ссылка для цитирования: Норман Б.Ю. Есть ли в русском языке слово *спички*? (О полноте словоизменительной парадигмы и грамматических профилях слова) // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 71–76. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-71-76.

Ответить на него – значит решить, есть ли в русском языке отдельное слово *спички* или же это только одна из форм слова *спичка*. Можно сформулировать лингвистическую задачу и по-другому: какое слово есть в русском языке – *спичка* или *спички*? Какую форму следует считать исходной и использовать в качестве заглавной в словарных статьях?

Обратимся к справочным изданиям. Одно из лучших лексикографических пособий последнего времени – «Большой толковый словарь современного русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТСРЯ 1998) – дает следующее определение:

СПИЧКА – тонкая деревянная палочка с головкой из воспламеняющегося вещества для получения огня.

То, что словари не поспевают за жизнью, не должно нас удивлять. Сегодня, в частности, спички могут быть уже не «деревянными палочками», а картонными полосками. Но дело не в этом, а в другом. В той же словарной статье далее (после примеров) стоит вертикальная черточка, обозначающая «заметный сдвиг в значении», и говорится:

только мн. СПИЧКИ. Совокупность таких палочек в специальной упаковке, коробке как отдельный предмет.

И далее опять идут примеры.

Только *мн.* означает, что слово относится к категории *pluralia tantum*, «только множественных», и не имеет единственного числа. Говоря по-другому, *спички* попадают в ту же группу, что и русские существительные *сани, ножницы, очки, девчата...* Следовательно, у этого слова — особая грамматическая характеристика! Строго говоря, в предложениях *Я разложил на столе спички* (об отдельных «деревянных палочках») и *Не забудь купить спички* (об упаковках средств зажигания) употреблены формы двух разных слов. И это выводит нас на серьезный вопрос о морфологической парадигме.

Парадигма в морфологии — система форм словоизменения. Например, у слова *стол* — 12 таких форм (*стол, стола, столу..., столы, столов, столам...* и т.д.), это его парадигма. Но получается, что у слова *спичка* — такая же парадигма из 12 форм, а у слова *спички* (если считать его отдельным словом) — только 6, и все — множественного числа (*Не забудь купить спички, В доме нет спичек, Спичкам я не доверяю* и т.д.).

И первый вопрос, на который мы должны дать ответ, это: могут ли в рамках одного слова как лексической единицы существовать лексико-семантические варианты с разными морфологическими (словоизменительными) парадигмами? Эта проблема не простая, потому что именно различие в парадигмах — важнейшее свидетельство лексического расщепления слова. Такие примеры в русском языке хорошо известны. Это могут быть разные формы (и, соответственно, разные слова, ср. *зубы* и *зубья, листы* и *листья, меха* и *мехи, вижу проводника* и *вижу проводник* и т.п.) или же полный комплект форм в противопоставлении неполному. Ср:

капля ‘частица жидкости’ (двучисловое сущ.) и *капли* ‘жидкое лекарственное средство’ (только мн.); *средство* ‘способ, орудие’ (двучисловое) и *средства* ‘финансы’ (только мн.); *бег* ‘движение бегом’ (только ед.) и *бега* ‘скачки, состязания’ (только мн.); *право* ‘совокупность законов’ (только ед.) и *права* ‘документ, позволяющий управлять автомобилем’ (только мн.) и т.п.

По-видимому, в начальной стадии процесса семантической дивергенции эти варианты ощущались именно как варианты — в границах одного слова (вероятно, так обстоит дело и с нашими *спичками*),

а затем каждый из них превращается в отдельное слово (как в наши дни произошло со словами *мех* и *мехи*).

Но это только первый — теоретический — шаг на пути решения проблемы. А дальше надо сделать второй шаг. Мы привыкли обычно считать исходной (лемматизированной) для существительного форму единственного числа. Но не следует ли учитывать реальное употребление его форм? Ведь и у слова *очки* когда-то ощущалась связь с формой единственного числа *очко*; сегодня же только в шутку можно сказать об одной из частей очков: *У меня правое очко поцарапано*. И в русском языке есть много слов, не являющихся пока что *pluralia tantum*, но приближающихся к этой категории: *лекарственные, боеприпасы, ботфорты, букли, grenки, катакомбы, стропила, инициалы, каракули, кроссовки, надолбы...* Эти слова, вне всякого сомнения, употребляются чаще во множественном числе, чем в единственном. А.А. Зализняк в свое время предлагал выделять их в отдельный подкласс [Зализняк 1967: 60–61]. О том же писал Н.Д. Андреев, предлагая ввести особые статистические классы доминантно-сингулярных имен, типа *солнце*, и доминантно-плюральных, типа *оладья* [Андреев 1976: 71–72]. Иногда человек, привыкший употреблять то или иное слово во множественном числе, затрудняется образовать от него единственное: как сказать — *grenка* или *grenок, надолб* или *надолба*? Эти проблемы волнуют и составителей словарей. Надо ли давать в словаре в качестве исходной формы *инициал* или сразу *инициалы*? *боеприпас* или все же более естественное *боеприпасы*?

До тех пор пока *ботфорты* были историзмом, отсылающим нас к петровской эпохе и встречающимся только в литературе, грамматический род этого слова никого особенно не волновал. Но как только эта обувь стала реальностью сегодняшнего дня, женщины захотели знать, как сказать: *мой правый ботфорт* или *моя правая ботфорта*? Сравним и поведение этих слов в косвенных падежах:

Бабки на скамейке, утирая рты, бессмысленно смотрят, как она идет, ступая на каблучках своих *ботфорт...*

(Л. Петрушевская. Город Света);

Если удастся скосить глаза вниз, видишь парад изящнейших туфелек, высоких *ботфорт*ов, пряжек и шпор, но и кроссовок тоже...

(Д. Рубина. Окна).

Вообще варианты формы слова нередко встречаются в грамматике. Но в данном случае речь идет о принципиальном выборе основной формы слова! Это касается и целых подклассов слов. Скажем, какая форма является исходной в названиях народов и народностей: *немец* или *немцы*, *поляк* или *поляки*, *татарин* или *татары*? Словарь Ожегова, например, последовательно дает:

НЕГРЫ... *ед.* негр. Люди, принадлежащие к негроидной расе.

НЕМЦЫ... *ед.* немец. Народ германской языковой группы, составляющий основное население Германии.

НОРМАННЫ... *ед.* -анн. Общее название племен, населявших Скандинавию в средние века. И т.д. [Ожегов 1988].

Значит, *немец* семантически производно от *немцы*. И поскольку этническая характеристика человека выделяется только на фоне соответствующей общности людей, то примат множественного числа тут объясним. Можно понять составителя словаря и согласиться с ним.

А если мы имеем дело с предметами, которые в силу своей природы «предпочитают» существовать во множестве, — как мы представляем себе и употребляем их названия?

Скажем, в Словаре языка Пушкина (СЯП 1956–1961) зафиксированы все слова, употребленные великим русским поэтом в его творчестве. Это порядка 20 тыс. разных лексем, и для каждого слова приводится частота употребления отдельных словоформ. Эта статистика дает очень интересные результаты.

Так, для лексемы *слеза* из 281 употребления, зафиксированного в пушкинских текстах, 274 имеют форму множественного числа и только 7 — единственного. Для слова *глаз* из 341 употребления 323 представлены формами множественного числа и лишь 18 — формами единственного. Для лексемы *волос*, дающей в сумме 59 словоупотреблений, соотношение форм множественного и единственного числа выглядит как 54 к 5 и т.д. Для слова *бровь* (23 словоупотребления) это отношение равно 18 к 5. Все 8 словоупотреблений лексемы *ноздря* даны во множественном числе... Конечно, никто не скажет, что *слеза* или *ноздря* в русском языке — существительные pluralia tantum. И в словаре они совершенно справедливо даются в исходной форме единственного числа. Но речевая действительность наглядно демонстрирует нам

неравновесность отдельных «клеточек» парадигмы у этих слов. Понятно, данный факт обусловлен жизненной практикой носителя языка: слезы или волосы чаще существуют «во множестве», так же, как глаза и ноздри — парами. Кстати, в одном случае составители словаря все же отступают от избранного ими принципа: статья к слову *ус* представляет собой отсылку к существительному во множественном числе *усы* «волосяной покров над верхней губой у мужчин». И здесь из 61 словоупотребления только 4 относятся к единственному числу (вроде *Стал крутить свой си-вый ус*)... Всё это цифры, говорящие о реальной жизни слова в речи!

Сегодня в распоряжении филологов оказывается мощный инструмент исследования текстов, а через них и языка: электронная база данных, именуемая корпусом. Появляется даже особое ответвление науки — корпусная лингвистика. В частности, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) позволяет мгновенно узнать, в каких текстах употреблено то или иное слово, та или иная словоформа и какая общая частота интересующего нас явления. Для удобства пользователя отдельные функциональные стили представлены здесь в виде подкорпусов — поэтического, газетного, устного, исторического и т.п.

Вернемся к нашим спичкам. Оказывается, что слово *спичка* (в разных числах и падежах, в том числе и с предлогами) зафиксировано в НКРЯ в 2 396 документах (текстах), а слово *спички* (мн. число, опять-таки во всех возможных падежах) — в 1 715 документах [www.ruscorgo.ru]. Конечно, в последнем случае учитываются как контексты типа *Он разложил на столе спички*, так и контексты типа *Купи спички!* Но получается, что формы множественного числа этого слова составляют львиную долю (более 70%) от всех употреблений вокабулы *спичка!* Иными словами, *спички* нам нужнее, чем *спичка*. Соответственно, и у слова *спички* больше прав на то, чтобы оказаться в словаре русского языка, чем у его «родителя» *спичка!*

Обратимся теперь вообще к понятию парадигмы существительного. Это ведь не только изменение слова по числам, но также и по падежам. И так же, как мы привыкли считать исходным для существительного значение единственного числа, из всех падежей наиболее репрезентативным считается именительный. В словарях существительные приводятся именно

в именительном падеже. Но падежная парадигма слова может быть неполной: какие-то формы у слова могут отсутствовать. Примеры такого рода хорошо известны языковедам. Скажем, у русских слов *мечта* или *мольба* во множественном числе отсутствуют формы родительного падежа: нельзя сказать «мечт» или «мольб». А у слова *эхо* наличие других падежных форм вообще вызывает некоторые сомнения (можно ли сказать: *В этом эхе я услышал знакомые нотки* или *К этому эху трудно привыкнуть?*).

Все это приводит языковедов к пониманию необходимости исследовать реальную картину употребления слова в речи. Дело в том, что все грамматические явления, в том числе падежные формы, обладают некоторой средней частотой появления в текстах. И эта частота давно подсчитана. Оказывается, что самый частый падеж в русских текстах — это именительный (примерно 30%), на втором месте идет родительный (26%), на третьем — винительный (19%)... Редкие падежи — предложный, творительный, дательный. Значит ли это, что все слова в равной степени подчиняются частотному распределению? Нет, это только общая картина, выравнивающая какие-то частные особенности. На деле же можно для каждого слова очертить его грамматический профиль — т.е. совокупность форм, востребованных коммуникативной практикой. И при этом может оказаться, что у конкретных слов распределение словоформ по употребительности не отвечает общему правилу.

Например, довольно редкое существительное *прискорбие* со значением 'скорбь, печаль, горестное сожаление' (БТСРЯ). Национальный корпус русского языка фиксирует на это слово 460 документов, 585 вхождений. Среди приводимых контекстов есть и такие, как *Я — само прискорбие* и *Вообразите мое прискорбие...* и т.п. Однако абсолютное большинство словоупотреблений представлено всего двумя словоформами: *с прискорбием* (Тв. падеж с предлогом *с*) и *к прискорбию* (Д. с предлогом *к*). Конечно, нет оснований говорить об ущербности парадигмы этого слова, но в речи, оказывается, «жизнь» его сводится буквально к считанным формам.

Можно подсчитать употребительность отдельных словоформ даже для целого подкласса слов — для лексико-семантической группы (ЛСГ). И тут нас тоже ждут

неожиданности. Возьмем, к примеру, ЛСГ «Одежда»: слова типа *рубашка, платье, пальто, костюм, халат...* Оказывается, по данным корпуса, чаще всего эти слова употребляются в винительном падеже (30%), на втором месте идет предложный (26%), только затем — именительный (20%) и родительный (14%)... [Норман, Мухин 2015: 353].

Как объяснить этот отход от стандартного распределения? Судя по конкретным контекстам, человек в своей «усредненной» речемыслительной деятельности воспринимает одежду как артефакт, служащий ему «объектом» деятельности (надевания, снятия, хранения, покупки и т.п.) — это объясняет высокий процент винительного падежа. Затем, на втором месте, идет представление об одежде как о «контейнере», «оболочке» для своего тела (это объясняет большую долю форм предложного падежа, в том числе с предлогом *в*: *в рубашке, в пиджаке, в пальто...*). И лишь затем одежда — это «субъект» (состояния, размещения в пространстве, оценочной квалификации и т.п.) — об этом говорит соответствующая доля именительного падежа.

А у слов со значением «Инструмент» будут свои особенности в частотном распределении падежных форм, у слов со значением «Чувства» — свои... В этом проявляется когнитивная функция языка, его способность обеспечивать взаимодействие человека с окружающим миром. По сути, грамматический профиль слова отражает фрагмент языковой картины мира: он показывает, как человек относится к тому или иному явлению действительности, в каком качестве он его воспринимает и использует в своей мыслительной и коммуникативной деятельности. Может быть, по совокупности этих грамматических признаков («профилю») слова можно вообще судить о его значении, о его отнесенности к той или иной ЛСГ? Это очень заманчивая идея.

Возьмем еще один пример. Бумага и карандаш — письменные принадлежности. Соответствующие слова довольно часто употребляются в нашей практике. Причем оба они обладают полной парадигмой из 12 словоформ. Можно сказать:

У меня есть *карандаш* и *бумага*; У меня нет *карандаша* и *бумаги*; Доверить мысли *карандашу* и *бумаге*; Купить *карандаш* и *бумагу*; На столе валялись *карандаши* и *бумаги* (здесь *бумаги* — немного в «особом» значении); С *карандашами* и *бумагой* у нас проблема и т.д.

Но роль этих слов в нашей жизни разная. Бумага в типичном случае — не столько материал, сколько поверхность, на которой мы пишем, т.е. локатив (место). А карандаш — это прежде всего инструмент (орудие) для письма. Поэтому можно, не заглядывая в корпус текстов, предположить, что доля словоформ творительного падежа (типичного выразителя инструмента) *карандашом, карандашами* в общей массе употреблений этого слова будет выше, чем доля словоформ *бумагой, бумагами* среди совокупности их употреблений. А вот от слова *бумага* ожидалась бы повышенная частота употребления в формах предложного

падежа, выражающего, вместе с предлогами, идею «места» (ср.: *на бумаге, в бумагах* и т.п.). Язык сам знает, для чего нам нужно то или иное слово, и предлагает говорящему в первую очередь именно соответствующие словоформы. Проверим это по данным НКРЯ. Всего, с учетом снятой омонимии (иначе нам невозможно было бы различить, скажем, *бумаге* — Д. падеж и *бумаге* — П. падеж) здесь представлено 1 163 вхождения на слово *бумага* и 301 — на слово *карандаш*.

Вот как количественно распределяются словоформы этих двух слов по падежам (без различия ед. и мн. числа, т.е. Sg + Pl):

	ИП	РП	ДП	ВП	ТП	ПП	Всего
Бумага	157	347	32	396	90	141	1163
Карандаш	67	48	7	88	86	5	301

А вот те же данные в процентном отношении:

	ИП	РП	ДП	ВП	ТП	ПП	Всего
Бумага	13,5	29,8	2,8	34,0	7,7	12,1	100
Карандаш	22,3	15,9	2,3	29,2	28,6	1,7	100

Полученные данные интересны во многих отношениях. Например, для слова *бумага* значительно привычнее оказалась роль целого по отношению к части (*лист бумаги*), чем та же роль для слова *карандаш* (*грифель карандаша*) — соответственно 29,8 и 15,9 % словоупотреблений. Но главное — подтвердились сделанные выше предположения. Употребление словоформ творительного падежа *карандашом, карандашами* (в преимущественной функции инструмента) почти в 4 раза превосходит долю словоформ *бумагой, бумагами*. И наоборот, в предложном падеже, воплощающем в себе основную долю локативных отношений, процент словоформ (*на бумаге, (в) бумагах* оказывается в 7 раз больше, чем (*на карандаше, (в) карандашах*).

Если у слова неполная парадигма, то это его свойство обнаруживается лишь на фоне полной парадигмы всего грамматического класса (части речи и т.п.). Не заполненную по тем или иным причинам «клеточку» матрицы носитель языка вправе соотносить с заполненными «клеточками» у других слов: системный характер средства общения позволяет ему сделать это.

Например, в русском языке есть устойчивое выражение *с кондачка* со значением

‘не вникнув в существо дела, не подумав, наскоком, кое-как’. Можно сказать: *Не стоит решать с кондачка; Такие дела с кондачка не делаются* и т.п. Выражение не имеет других вариантов, оно застыло в этой форме и, кстати, этимологически остается неясным. Нельзя сказать ни *кондачком*, ни *по кондачку*... Тем не менее составители словарей, в частности (БТСРЯ), реконструируют парадигму этого слова и фиксируют исходную форму именительного падежа: *кондачок*. На каком основании это делается? По-видимому, лексикографы соотносят данное выражение с другими ему подобными (ср.: *с испуга* — исходная форма *испуг, с наскоку* — исходная форма *наскок, с разбега* — исходная форма *разбег, с кондачка* — исходная форма *кондачок*).

Аналогичные вопросы возникают по отношению к таким словам, как *бесценюк, всеоружие, обиняк, обнимка, отместка, отшиб, охотка, ошуть, придача, проформа, спуд, упад, эгида, юр* и многие другие. Все они фиксируются словарем (БТСРЯ) в исходной форме именительного падежа. А фактически употребляются в составе конкретных предложно-падежных форм: *за бесценюк, во всеоружии, без обиняков, в обнимку, в отместку, на отшибе, в охотку, на ошуть, в придачу*,

для проформы, под студом (или из-под студа), до упаду, под эгидой (редко из-под эгиды), на юру... Ничего удивительного в этом нет. Ведь даже такие полноценные сегодня наречия, как *вдали* и *понаслышке*, были когда-то членами парадигмы существительных *даль* и *наслышка*. Сравним употребление слов *наслышка* и *понаслышке* в следующей цитате:

Наслышка. Блок впервые прочитал Ницше в 1906, а до этого всё было понаслышке. (М.Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Очевидно, здравый консерватизм — неизбежное и необходимое свойство лексикографических пособий. И слитное или раздельное написание тут недостаточно показательно. Орфография вообще дело сравнительно позднее и условное. Объяснить, почему *вприкуску* пишется слитно, а *в обнимку* — раздельно, невозможно, это дело случая и лексикографической традиции.

Рассмотренные примеры отражают процессы лексикализации словоформы, превращения ее в отдельное, самостоятельное слово. В частности, падежная форма существительного вместе с предлогом со временем может превратиться в наречие. Это — длительный процесс, и естественно, что словари не сразу на него отзываются. Но вместе с тем приведенные выше примеры вскрывают некоторый **внутренний антагонизм словоформы и парадигмы**. Понятно, на чем он основан. Синтаксически активная словоформа запечатлевается в памяти «сама по себе», становится доминантной в рамках парадигмы и потому стремится к определенной автономии. Именно привычная синтаксическая роль создает у формы слова иллюзию самостоятельности и независимости от того словоизменительного ряда, в который она входит.

Все это — проблемы современной грамматической теории, которая стремится сделать лингвистическое описание максимально адекватным речевой практике и одновременно доступным для широкого читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Н.Д. Квазилингвистика Хомского // Вопросы языкознания. — 1976. — № 5. — С. 58–73.

Большой толковый словарь русского языка / глав. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 1998 (БТСРЯ).

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. — М., 1967.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.03.2018) (НКРЯ).

Норман Б. Полнота/неполнота парадигмы как признак слова // Грамматика и лексика у словенским језицима. Зборник radova s међународног симпозијума. — Нови Сад — Београд, 2011. — С. 151–164.

Норман Б., Мухин М. О грамматических профилях лексико-семантических групп: поиск внутренних связей между лексической и грамматической семантикой // SLAVIA časopis pro slovanskou filologii. Ročník 84. — 2015. — Sešit 3. — С. 348–359.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1988.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. — М., 1956–1961.

REFERENCES

Andreev N.D. Kvazilingvistika Homskogo, in *Voprosy yazykoznanija*, 1976, No. 5, pp. 58–73.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, chief ed. Kuznetsov S.A., Sankt-Petersburg, 1998.

Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie, Moskva, 1967.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, available at: <http://ruscorpora.ru>

Norman B. Polnota/nepolnota paradigmy kak priznak slova, in *Grammatika i leksika u slovenskim jezicima. Zbornik radova s mejunarodnog simpozijuma*, Novi Sad — Beograd, 2011, pp. 151–164.

Norman B., Muhin M. O grammaticheskikh profiliah leksiko-semanticheskikh grupp: poisk vnutrennih svyazei mezhdu leksicheskoi i grammaticheskoi semantikoi, in *SLAVIA časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 84, 2015, ed. 3, pp. 348–359.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka, after ed. of Shvedova N.Yu., Moskva, 1988.

Slovar' yazyka Pushkina: in 4 vol., responsible ed. Vinogradov V.V., Moskva, 1956–1961.

Нищеброд (Часть 2)

В статье рассматриваются семантические, прагматические и словообразовательные изменения слова *нищеброд* и его производных, возникших в XVIII–XIX вв., но актуализированных в современном русском языке в публицистическом стиле, интернет-общении, молодежном сленге. С одной стороны, в общем языке можно наблюдать усиление оценочности в слове *нищеброд* (и производных) для экспликации различных жизненных позиций и морально-нравственных приоритетов, что служит свидетельством включения понятия в традиционный философско-публицистический дискурс, о бинарности русского бытия и мироощущения (материальное – духовное). С другой стороны, в молодежном сленге слово *нищеброд* ведет себя иначе: подвергается графико-фонетической и морфологической трансформации в результате сближения со сленговым англоамериканизмом *bro* (< *brother* ‘приятель, знакомый’) и используется в речевой практике с игровым заданием.

Ключевые слова: история слова; семантическая трансформация; прагматика; оценочность; инновация; лингвофилософский дискурс; молодежный сленг; заимствование.

Aleksandr V. Zelenin

Nishchebrod (Pauper) (Part 2).

The article considers semantic, pragmatic and derivational *nishchebrod* word changes and its derivatives appeared in 18–19th centuries, but actualized in publicistic style, internet-communication, youth slang. From the one hand, we can see the intensification of evaluativity in *nishchebrod* word (and derivatives) for the explications of different life stances and moral and ethic priorities in common language that proves this term including into traditional philosophical and publicistic discourse and proves the binarity of Russian being and mental outlook (material and mental). From the other hand, *nishchebrod* word does differently: it is exposed to graphic-and-phonetic and morphologic transformation in the result of closing to slang Anglicism-americanism *bro* (< *brother*) that used in speech practise with the game purpose.

Key words: word history; semantic transformation; pragmatics; evaluativity; innovation; linguophilosophic discourse; youth slang; borrowing.

Не менее интересные процессы происходят и в морфологии слова *нищеброд*. Пусть и периферийным для языка, но любопытным феноменом является морфологическая трансформация данной лексемы. Желание говорящих оформить грамматическими средствами негативную оценочность может приводить в литературно-художественном стиле к грамматической мутации – переводу слова мужского рода в класс имен собирательных существительных, где

этот негативный прагматический компонент значения выражен при помощи окончания *-а*:

– Чего надо к празднику?! – засмеялся Шнурок. – Налей стакашек для сугреву да пару сотен займи. Отдам или отработаю. Ты меня знаешь.

Старуха его, конечно, знала, порой приглашая на помощь по хозяйству, особенно летом. Но нынче была вовсе ему не рада.

– А ты кроме «дай» да «подай» чего-нибудь знаешь? И с чего ты будешь отдавать, с каких доходов? Иди отсюда, – строго сказала она. – Правда, что чистая Шнурила. Шныряешь да доглядаешь, где плохо лежит. Повалилась, *нищеброда*! (Новый мир. – 2010. – № 7).

Впрочем, в этом можно видеть и просто стилизацию в литературном тексте народно-разговорной модели; существительные общего рода широко распространены как

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, преподаватель вуза.

E-mail: aleksandr.zelenin@uta.fi

Университет Тампере (Финляндия)

Tampereen yliopisto

Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Ссылка для цитирования: Зеленин А.В. *Нищеброд* (Часть 2) // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 77–81.
DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-77-81.

в диалектах, так и в литературном языке, но в том и другом случае «это своего рода “признаковые” слова, представляющие собой качественное определение лиц» [Васченко 1984: 62].

Рассмотрим семантические и словообразовательные новации в группе производных.

Производное *нищевродка* заметно уступает по употребительности своему этимону: за период с 2000 по 2018 г. в центральной и региональной печати оно было использовано всего 18 раз, причем в региональной прессе в 2 раза чаще (12 примеров), чем в центральной (6 примеров).

По версии Оксаны, бывший муж решил отомстить за то, что она с ним рассталась. У потерявшего Владимира Ткаченко своя версия событий.

— Это алчная женщина, которую я взял *нищевродкой* и которая высосала из меня все деньги, — говорит мужчина.

(Комсомольская правда (Барнаул), 16.05.2017);

Возвращаемся после отдыха с Багамов, решили на пару-тройку дней задержаться в Лондоне, у Витька там какие-то дела, к тому ж, ты знаешь, у нас там квартира. У него дела, а мне что, в четырех стенах сидеть. Я ему говорю: денег дай — шмоток прикупить, ну и на культурную программу. Он дал, веришь, только пятьдесят тысяч баксов. Совсем обнаглел, <...> я что, *нищевродка* какая, мне с такими грошами в приличных бутиках стыдно показаться... (Кузнецкий рабочий (Новокузнецк), 23.11.2016).

Прилагательное *нищевродский* за период с 2000 по 2018 г. активнее существительного *нищевродка*: в центральной прессе оно было использовано 21 (чаще — в газетах «Русский репортер», «Комсомольская правда», «Коммерсант»), а в региональной — 51 раз.

Суффикс относительности *-ск-* соотносит прилагательное *нищевродский* как со старыми, так и новыми значениями производящего (*нищеврод*), поэтому оно используется и в прямом номинативном значении ‘свойственный нищевроду; бедный, нищенский’, и в более расширительном, художественно-эстетическом. Ср. примеры использования прилагательного, где реализуется словообразовательное значение суффикса *-ск-*:

Нищевродское впечатление производит фасад дома... Там мы видим ржавый металлический бичевский столетний заборчик, неметенный

асфальт и обваливающуюся штукатурку дома, давно уже не крашенного. (Красноярская газета, 14.11.2017);

У меня был волшебный двухэтажный двор — это старая часть города, очень красивая и заброшенная. Район совершенно *нищевродский*, дикий, большая скученность, туалеты на улице, вокруг такая среда сумасшедшая — там было столько пьяниц, столько удивительных людей! (Русский репортер, 2013, № 13).

Однако в русском языке есть примеры, когда мы имеем дело с эстетизацией (символизацией) слова и понятия в современном культурном пространстве для выражения социальной идеи (в данном случае такое употребление встречает поддержку во втором актуализированном значении существительного *нищеврод*). Такие модификации хорошо описаны в русской стилистике и семантике; дополнительную семантическую осложненность при образовании производного с помощью стандартного суффикса в русистике называли «эстетическими приращениями смысла» (В.В. Виноградов), «комбинаторными приращениями» (Б.А. Ларин), «семантическими обертонами смысла» (Г.О. Винокур):

Фестиваль «*Нищевродский*» был задуман союзом молодых хореографов «Гильдия» как ответ на тягостные материальные условия в области современного танца. (Деловой Петербург, 12.02.2016);

«*Нищевродский 2014*» — это «хенд-мейд» проект, созданный хореографами, танцовщиками и художником без финансирования и призванный познакомить зрителя с современным танцем. (art1.ru; www).

В этом значении прилагательное мотивируется дополнительными, неявно-прагматическими семами ‘при отсутствии денег, финансов основанный на творческом порыве, энтузиазме’. Использование прилагательного в качестве имени собственного (онимизация) служит нескольким целям: с одной стороны, это выражение социального протеста при помощи языкового знака, с другой — это рекламно-психологический ход для привлечения зрителя.

Неологизм последних лет является относительное прилагательное *нищевродный*, употребляющееся в русском языке намного реже, чем *нищевродский* и выступающее в значении ‘связанный с жизнью нищеврода, нищевродов’ (т.е. со значением общей характеристики):

Сегодня время крутит колесо истории только в одну сторону, стараясь придавить как можно больше *нищевродных*, страдающих людей. (Красноярская газета, 02.10.2007);

А с другой — реальная, зачастую *нищевродная* и беспросветная жизнь простых людей, которая практически никак не соприкасается с жизнью официальной. (Красноярский рабочий, 26.07.2012).

Однако, как известно, граница между относительными и качественными прилагательными условна, подвижна. Повышенная эмоциональность и оценочность слова *нищевродный* в современном языковом пространстве приводит к его окачеству, т.е. к возможности употребления в живом речевом общении (в частности, на интернет-форумах, в чатах, блогах) в сравнительной степени *нищевроднее* или в краткой форме *нищевроден*:

Через час поисков стало понятно, что для покупки авто в салоне я чуть более, чем *нищевроден*. (Drom.ru, 21.10.2015; www).

В современных газетно-журнальных публикациях встречаются и некоторые сложные слова-окказионализмы, образованные по случаю:

Вся та *нищевродно-творческая* тусовка, которую я знал, исчезла. (Московский. комсомолец, 12.08.2016);

«Рокки» (1976) — отличный фильм про настырного *боксера-нищеврода*, который добивается славы и побед. (Комсомольская правда, 06.07.2011);

Вскоре Яна и Виталий расписались в Измайловском загсе Москвы. Однако родители не подерживали выбор Виталия — мол, «зачем привел эту *цыганку-нищевродку*», да и детей у молодых не было. (Мещерская сторона (Рязань), 26.11.2014).

Активность относительных прилагательных стимулировала образование в языке наречий-неологизмов: *нищевродски*, *по-нищевродски*, *нищевродно*. Мотивирующие прилагательные с ярко выраженной характеризующей семантикой и производные наречия выполняют в языке (преимущественно в публицистическом или разговорном стилях) аналогичную функцию — дать, как правило, ироничную или негативную оценку:

Иракцы... устроили выставку достижений гражданской обороны, которая выглядела абсолютно *нищевродски*. Там стоял шатер ковровый, где были выставлены огнетушители, лопаты, карисный зуб из ближайшей

стоматологической клиники и пластмассовый младенец в разрезе. Они пособирали все, что могли, и туда закинули. И духовой оркестр. (Комсомольская правда (Новосибирск), 04.07.2015);

Месяц назад силовики произвели обыск у главтаможенника Белянинова и обнаружили множество денег, сложенных *по-нищевродски* в коробки из-под обуви. (Арсеньевские вести (Владивосток), 10.09.2016);

Видеорегиистратор... ничего на видео не разобирать и сам по себе выглядит он *нищевродно*, в подарок точно лучше не брать никому... стыдно будет дарить. (Drom.ru, 14.09. 2013).

Вновь оказались востребованными старые глаголы *нищевродить*, *нищевродничать*, но уже в смещенном значении 'вести бедную, небогатую жизнь':

Мы с друзьями в детстве решили, что если кто-то сильно разбогатеет, то обеспечит всех остальных. Поэтому все ждут друг друга и *нищевродят*. (М. Жванецкий; Эхо Москвы, 02.02.2017);

Мы и в Украине массу дефектов выдаём. И народ там *нищевродничает*. А мы процветаем. Мы всех богаче, всех милее, всех добросердечнее. (Хорошие новости, 27.09.2017; www).

В языковых сферах, используемых некоторыми профессиями, в автомобильном, компьютерном сленге, в лексиконе дачников встречаются более глубокие переосмысления, основанные на коннотативных семах, формируемых вокруг смыслов «голь на выдумки хитра», «левша», «мастер на все руки», причем в таких ситуациях *нищевродить* имеет положительные оценочные оттенки:

Вообще-то, мы очень любим стоечные KVM... но совершенно не нравятся цены. 80 тыс. руб за то, что нас бы устроило. А что если *понищевродить*, попытаться сделать нечто подобное самостоятельно?.. (Complexdoc.ru, 02.08.2016; www).

Стремление социума осмыслить то или иное понятие более отвлеченно, абстрактно, обобщить в языковом знаке наиболее существенные коммуникативно-ценностные представления называется в грамматике концептуализацией; как правило, такое обобщение осуществляется именами существительными с суффиксами отвлеченности. Важный показатель востребованности понятия для выражения оценочных смыслов — появление или новых производных с абстрактным значением, или семантических неологизмов. Примером

словообразовательной инновации является, в частности, существительное *нищebroд* в собирательном значении 'небогатые, малообеспеченные, бедные люди':

[Р]аньше многие воронежцы покупали мелочевку в киосках, то теперь вынуждены идти в торговые центры, брать тележку и приобретать что-нибудь еще, чтоб не выглядеть смешным или *нищebroдим*... (Берег (Воронеж), 2016, № 72)

[В] ЛДПР своевременно сориентировались: нет денег — пошло вон, *нищebroдие*, меняем курс! (Голос Белогорья (Белгород), 2010, № 25).

Редкие употребления соотносят существительное *нищebroдие* с производящим *нищebroд* в первом рассмотренном нами значении 'чрезмерно богатый человек; мультимиллионер':

Сам вице-премьер Шувалов по сравнению с женой заработал за год в сто раз меньше — 6,5 млн руб. Можно сказать, *нищebroдие*... Впрочем, Ольга Шувалова оказалась расторопней всех остальных жен и заработала больше, чем два десятка дам, следующих за ней в рейтинге доходов. (Коммуна (Воронеж). — 2010. — № 65).

Грамматическая семантика неологизма *нищebroдие* в некоторых контекстах сближает его по смыслу с семантическим неологизмом *нищebroдство*, которое также заметно активизировалось в современном употреблении. Слово *нищebroдство* было известно уже в XIX в. и выступало синонимом слова *нищета* [БАС 1958, 7: 1341]. Ср. современные цитаты:

[О]твратительное *нищebroдство*, как на завтрак в отеле незаметно натереть бутербродов, завернув их в фольгу, а потом начать шуршать ими в экскурсионном автобусе, чтобы не тратиться на обед в кафе. (Life.ru, 4.04.2017; www);

[М]ного раз уже известные бизнесмены публично декларировали нищенские зарплаты не только сотрудников своих процветающих фирм, но и собственные доходы, в которых отражалось полное *нищebroдие* без кола и двора. Может, и поэтому молодежь тянется в сторону их образа жизни и мысли: красиво жить не запретишь. (Литературная газета. — 2005. — № 54).

Такое актуализированное употребление слова *нищebroдство* выводит его из прежнего синонимического ряда: *нищенство*, *попрошайничество*, *христарядничество* и вводит в новый синонимический ряд, тематически связанный с прежним, но отражающий морально-этические аспекты

понятия: *крохоборство*, *скряжничество*, *скудость*, *скопидомство*, *скарядничество*, *скупердяйство*, *жадность*, *жмотничество*, *плюшкинство*.

Часто это отвлеченное существительное употребляется в расширительном значении 'морально-нравственная скудость', используясь в основном в публицистическом лексиконе в оценочной функции:

Данное же собрание интеллектуального и эстетического *нищebroдства* способно удовлетворить лишь закоснелого в ностальгии представителя поколения. (Литературная газета, 24.10.2007);

В Интернете есть целые трактаты, где авторы, причисляющие себя, видимо, к «новой аристократии», излагают признаки «современного *нищebroдства*». (Там же, 27.04.2016).

Русскоязычные печатные издания в разных странах мира, как правило, с небольшой задержкой от российских СМИ начали использовать преимущественно лексему *нищebroд* примерно с 2010–2012 гг.: украинские («Кієвський телеграфЪ», «Слово» (Одесса), «Крешатик»), белорусские («Имя», «Туризм и отдых»), киргизские («Вечерний Бишкек»), казахские («Казахстанская правда»), молдавские («Пресс-обозрение»), американские («Лебедь» (Бостон), «Новый журнал» (Нью-Йорк)). Другие же производные (*нищebroдка*, *нищebroдский*) в русскоязычных СМИ единичны. Это связано с тем, что зарубежная реальность оперирует иными социальными и оценочными категориями и ищет языковое выражение в других лексических формах. Даже используя русские слова для лексического воплощения того или иного содержания, русскоязычная зарубежная пресса зачастую внедряет в них или свои социолингвистические оттенки, или нивелирует в них те нюансы, которые свойственны актуализированным словам в «материнском» русском языке.

Лексическая система языка наиболее быстро реагирует на изменения в социальных, морально-нравственных, ценностных ориентирах; это могут быть новые заимствования или переосмысления старых слов, развитие у них новых производных. Лексема *нищebroд* — одно из слов-симптомов нашей эпохи, показывающих столкновение и противоборство в общественном сознании двух моделей поведения, двух жизненных принципов и двух систем оценок социального бытия человека: ориентация на материальный

достаток и пренебрежительное отношение к менее обеспеченным согражданам (первая линия семантического развития слова) и, напротив, стремление сохранить морально-нравственные основания и принципы, не поддавшись и не продавшись искушениям «золотого тельца». Очевидно, эти крайние и непримиримые позиции вновь являются нам бинарную социально-философскую модель русского мира: деньги — духовность, материя — дух. Несомненно, в изменениях семантики слова *нищеврод* отразилось социально-экономическое расслоение российского общества на стыке эпох, настроений, ценностей, морально-нравственных ориентиров. Повышенная социальная рефлексия о своем (благо)состоянии, соотношении и сопряжении в жизни индивида и общества морали и капитала нашла словесный и эмоциональный выплеск в данном понятии; такая языковая и социолингвистическая реставрация объясняет как семантическую и прагматическую активность слова, так и обновление и инновации в словообразовательных рядах. Через это понятие и слово совершается концептуализация социально-моральных норм современного российского общества: оценочная репрезентация явления (*нищеврод*, *нищевродка*), его характерные признаки и свойства (*нищевродский*, *нищевродный*, производные наречия и сложные слова-окказионализмы), актуализация

и переосмысление содержания (*нищевродство*, *нищевродие*), протекание и состояние действия во времени (*нищевродить*, *нищевродничать*). Контексты и конституации употреблений этих слов — индикаторы острого и непримиримого столкновения идей и ценностей; это — центр социолингвистической жизни понятия. Периферийным является молодежный сленг, где слово *нищеврод* обнаруживает включенность в языковую игру (*нищеврод* > *нищевро*: *бро* < англ. *bro* < *brother*). Вместе с грамматической трансформацией (перевод в неизменяемую морфологическую форму) слово осмысливается в своей криптолатинской функции (принадлежность к «своим») и имеет шутливо-фамильярную коннотацию.

ЛИТЕРАТУРА

Васченко В. Грамматическая категория общего рода в русском языке // Вопросы языкознания. — 1984. — № 5.

Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1958. — Т. 7 (БАС).

REFERENCES

Vaschenko V. Grammaticheskaya kategoriya obshhego roda v russkom yazyke, in *Voprosy yazykoznanija*, No.5, 1984.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka, Moskva; Leningrad, 1958, vol. 7 (BAS).

К сведению подписчиков!

Во II полугодии 2018 года журнал «Русский язык в школе» с приложением «Русский язык в школе и дома» выйдет три раза: в июле, сентябре и ноябре.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Роспечать» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334); «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – П3896), «Урал-Пресс», «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»;

2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rospru.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).

«Русская грамматика» А.Л. Шлёцера 1764 г.

Статья посвящена истории «Русской грамматики» А.Л. Шлёцера, написанной для иностранцев в 1764 г. на немецком языке. Грамматика не была закончена и долго оставалась неизвестной, хотя могла бы стать очень полезным пособием по русскому языку. Одной из причин этого был негативный отзыв о ней М.В. Ломоносова. Целью данной статьи является описание истории создания «Русской грамматики» А.Л. Шлёцера и доказательство ее ценности как учебного грамматического пособия. В статье освещены возможные причины негативного отзыва Ломоносова о грамматике Шлёцера. Выявлены положения, которые были заимствованы из грамматики Шлёцера другими авторами и в дальнейшем оказали влияние на формирование грамматической системы русского языка. Именно эта грамматика в части «имени существительного» легла в основу учебной «Русской грамматики» Н.И. Греча.

Ключевые слова: *русский язык; родство языков; история русской грамматики XVIII века; имя существительное; склонение; этимология; А.Л. Шлёцер; М.В. Ломоносов.*

Anastasiya A. Kozeruk

«Russkaya Grammatika» («Russian Grammar») by A.L. Shljocer 1764.

The article is dedicated to the history of «Russkaya grammatika» («Russian Grammar») by A.L. Shljocer written for foreigners in 1764 in German. The grammar wasn't finished and stayed unknown for a long time though it could be the useful guidebook on Russian language. One of the reasons was the negative response of M.V. Lomonosov. The article aim is to give the description of «Russkaya grammatika» («Russian Grammar») origin and prove its value as the grammar guidebook. The reasons of the negative response of M.V. Lomonosov of A.L. Shljocer's work are covered in the article. The statements taken by other authors from Shljocer's grammar book and influenced on Russian language grammar system were determined. Particularly this book in part of "nouns" form the basis of training «Russkaya grammatika» («Russian Grammar») by N.I. Grech.

Key words: *Russian language; affinity of languages; 18th century Russian grammar history; noun; declension; etymology; A.L. Shljocer; M.V. Lomonosov.*

Долгое время «Русская грамматика» 1764 г. на немецком языке Августа Людовика Шлёцера (1735–1809) («Russische Sprachlehre» von A.L. Schlözer) оставалась неизвестной. Лишь в 1874 г. она была подготовлена к печати А.А. Куником, но издание

ее было прервано, возможно, по причине одновременного появления русского перевода грамматики Шлёцера В.Ф. Кеневичем [Кеневич 1875]. И только в 1904 г. начатое А.А. Куником дело было доведено до конца С.К. Буличем [Булич 1904].

Грамматика А.Л. Шлёцера относится к одному из лингвистических мифов XVIII в. как грамматика русского языка, издание которой было остановлено по распоряжению М.В. Ломоносова, что вызвало огромный интерес как современников, так и грамматистов XIX в. к ее содержанию наряду с другой «пропавшей» грамматикой В.Е. Адодурова [Никитин 2009].

Для практики преподавания русского языка в XIX в. грамматика Шлёцера интересна прежде всего тем, что к ее материалам обращался Н.И. Греч при составлении

Анастасия Андреевна Козерук, аспирант

E-mail: nastja120793@rambler.ru

Институт лингвистических исследований,
Российская академия наук

Тучков переулок, д. 9, Санкт-Петербург,
199053, Россия

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences

9 Tuchkov lane, Saint Petersburg, 199053, Russian
Federation

Ссылка для цитирования: Козерук А.А. «Русская грамматика» А.Л. Шлёцера 1764 г. // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 82–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-82-86.

своей известной «Грамматике русского языка» [Приемышева 2017: 71]. Греч пользовался рукописной грамматикой Шлёцера, которая, по его словам, была уничтожена по решению М.В. Ломоносова. «Но, — отмечает Н.И. Греч, — уцелели только три экземпляра. Я пользовался одним из них, и ему обязан моею системою склонений имен существительных» [Греч 1840, 1: 113]. Это очень важное замечание для истории развития русской грамматической мысли, учитывая тот факт, что многократно переиздаваемые «русские грамматики» Греча с конца 20-х гг. до середины 60-х гг. XIX в. служили в России популярными учебными пособиями. Таким образом, система склонения имен существительных, известная нам по настоящее время благодаря грамматической концепции Н.И. Греча, принадлежит именно А. Шлёцеру.

История создания грамматики А. Шлёцера содержит немало интересных фактов. Согласно справке, подготовленной научным сотрудником архива АН Е.С. Кулябко (1900–1991), «Русская грамматика» Шлёцера должна была «затмить “Российскую грамматику” Ломоносова и пошатнуть положение ее автора» [РГ]. Но сам Шлёцер вряд ли имел такое намерение. Написание грамматики русского языка для иностранцев не являлось инициативой немецкого ученого, приехавшего в Россию в 1761 г. и самостоятельно изучавшего русский язык [Кеневич 1875: 34]. Идея написания русской грамматики для иностранцев зародилась у статского советника, библиотекаря и члена правления Петербургской академии наук И.А. Тауберта (1717–1771). В начале 1763 г. во время обсуждения некоторых вопросов русского языка он предложил Шлёцеру составить свою грамматику. Причинами этого послужили неоднократные указания Шлёцера на «...множество неестественных правил и бесполезных подробностей...» в образцовой «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. Шлёцер принял данное предложение, так как давно уже занимался сравнением русского языка с родственными ему языками, что считал своим преимуществом перед Ломоносовым [Там же: 154].

Написание грамматики шло очень быстрыми темпами. После четырех месяцев работы Шлёцера над текстом Тауберт сдал в печать еще не дописанную до конца «Русскую грамматику». А чтобы Ломоносов не помешал выпуску грамматики, было даже

найдено подставное лицо, которое согласилось выдать себя за составителя «Грамматики Шлёцера». Такую роль принял на себя голштинiec Иоганн-Фридрих Гейльман, за год перед тем назначенный иностранным корректором в Академическую типографию [РГ]. Такая поспешность, вероятно, обусловливалась тем, что к печати уже готовился перевод «Российской грамматики» Ломоносова на немецкий язык. Тауберт же хотел выпустить грамматику Шлёцера раньше. Согласно отчетам типографии грамматика Шлёцера печаталась вдвое быстрее грамматики Ломоносова [Там же]. Но усилия были напрасными, так как в конце июля 1764 г. Ломоносов узнал о существовании грамматики Шлёцера и о ее печати. После резкого отзыва Ломоносова о грамматике Шлёцера, в котором он обвинял Шлёцера в «сумасбродстве в произведении слов российских» и вреде русской грамматике [Ломоносов 1955: 426–427], издание ее было прекращено.

Действительно ли грамматика Шлёцера была такой «беспорядочной», как описывал Ломоносов? Что же побудило его встать на пути появления в свет нового учебного пособия для иностранцев? Мог ли такой выдающийся ученый бояться конкуренции, так как уже готовился к печати перевод его «Российской грамматики» на немецкий язык? Или стоит иметь в виду причины личного характера?

На самом деле совсем не написание русской грамматики Шлёцером стало поводом к его разногласиям с Ломоносовым. Ведь ее создание совсем не входило в планы немецкого ученого, когда он собирался в Россию. Автора русской грамматики для иностранцев больше интересовала история. Он много занимался древнерусскими летописями и хотел составить путем их сопоставления с летописями других стран русскую историю (для этого он и стремился изучить русский язык). Идея проведения исторических исследований путем критического анализа письменных памятников разных народов скорее всего была почерпнута Шлёцером из диссертации (1758) И. Ире (1707–1780), в которой также была дана трактовка варяжского вопроса с точки зрения шведских ученых [Keipert 2010: 293]. По утверждению М. Петерса, филологические, этимологические и теологические интересы Шлёцера объединились именно во время его пребывания в Швеции (1750-е гг.). В это время Шлёцер знакомится

с исследованиями по русской истории и с нормандской теорией [Peters 2003: 186]. Вероятно, отстаивание Шлёцером точки зрения скандинавских историков в вопросе истории создания русского государства стало одной из причин его разногласий с Ломоносовым. Ведь норманская теория рассматривалась последним как оскорбление национального достоинства [Алпатов 1985: 39]. Русская грамматика Шлёцера содержала мысли о том, что немецкий язык оказывал влияние на русский. Это также могло послужить поводом к неприятию грамматики Ломоносовым. По мнению самого Шлёцера, причиной такой неприязни к нему со стороны Ломоносова было тщеславие последнего:

онъ считалъ себя универсальнымъ гениемъ и претендовалъ на монополію въ русской исторіи [Кеневич 1875: 201].

Ломоносов также мог отстаивать свою монополию и в области языкознания. Тот факт, что иностранец написал русскую грамматику, отступая во многом от правил, сформулированных в «Русской грамматике», и даже поправлял его, безусловно, не понравился Ломоносову [Там же: 202]. Поэтому «Русской грамматике» Шлёцера не суждено было послужить на благо русского языка и способствовать его популяризации за границей. Хотя Шлёцер и включил дальнейшую разработку «Русской грамматики» в свои планы [Алпатов 1985: 40], замечание Ломоносова по этому поводу снова выступило преградой для завершения работы:

Печатающаяся «Российская грамматика» на немецком языке достойна вечного погашения и забвения, затем что внесены в нее многие непростительные погрешности, кои впредь поправлять и истреблять излишний только труд будет [Ломоносов 1955: 428].

Стоит прокомментировать те недостатки, на которые указывает М.В. Ломоносов, а именно ошибочную этимологию некоторых русских слов (см. [Там же: 426–427]). Данные замечания, касающиеся происхождения некоторых слов, действительно правомерны. В защиту Шлёцера можно привести следующие аргументы: этимология как наука сложилась только в XIX–XX вв. В XVIII в. многие ученые, в том числе и автор рассматриваемой русской грамматики для иностранцев, большое значение придавали созвучиям слов, что и приводило

к подобным заблуждениям [Свердлов 2011: 730]. Тем не менее отмеченные погрешности не умаляют заслуги Шлёцера в области языкознания.

Интересной и ценной представляется глава «Родство русского языка с греческим, латинским и немецким». Шлёцер описал сходство этих языков с помощью «корнесловного метода» изучения языков, основанного на известной концепции корневых слов Ю.Г. Шоттеля (1612–1676), согласно которой словарный состав каждого языка строится из ограниченного количества корневых слов [Huterer 2001: 31–35]. Но автор не только сопоставил корни слов основных категорий (числительные, местоимения, слова, обозначающие необходимые понятия), дополнив это сравнение небольшим глоссарием, но и привел в качестве одного из доказательств родства языков флексии глаголов в русском, латинском, немецком, исландском и греческом языках [Булич 1904: 31–64].

Таким образом, мысль об изучении истории языка, его родства с другими языками, а также его происхождения посредством рассмотрения не только корней слов, но и флексий была высказана Шлёцером еще до родоначальника сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппа (1791–1867). Появившееся в 1816 г. сочинение Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системами греческого, латинского, персидского и германского языков» (*Über das Konjugationsystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griech.-lat., pers. und german. Sprache*) считается первой специальной работой по сравнительной грамматике индоевропейских языков [Десницкая 1984: 109]. Однако в своей грамматике А. Шлёцер уже указывает и на родство немецкого языка с персидским, хотя и не приводит доказательств:

Если когда либо придется объяснять родство персидскаго языка с нѣмецкимъ, — одно изъ самыхъ странныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ рѣшенныхъ явленій языка, — то это должно быть сдѣлано посредствомъ славянскаго языка. Да, если когда либо будетъ возможно найти согласіе между восточными языками (еврейскимъ и его братьями) и нашими европейскими и указать ихъ общее происхожденіе, — надежда, которая съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ знакомиться съ славянскимъ языкомъ, болѣе не представляется мнѣ столь нелѣпой, — то славянскій языкъ будетъ имѣть ближайшее право составить переходъ между этими впрочемъ совершенно

различными классами языков и таким образом на целый шаг приблизить нас к важному открытию *linguae primigenie* <первоначального языка> [Кеневич 1875: 444].

Доказательства, вероятно, отсутствуют из-за специфики жанра его работы, ведь целью данного грамматического сочинения было не сравнение индоевропейских языков, а представление русского языка иностранцам, а также ввиду недостатка времени для подробного изучения и обоснование родства языков. Но, тем не менее, сравнение Шлёцером глагольных флексий вышеперечисленных языков с целью указания на их общее происхождение было важным шагом от простого сопоставления лексем языков к сравнению их систем.

Наверняка, «Русская грамматика» Шлёцера оказалась бы полезной и широко применяемой в обучении русскому языку иностранцев. Ведь перевод «Российской грамматики» И.Л. Стаффенгагеном (1728–1784) на немецкий язык, законченный также в 1764 г., был бы довольно сложен, так как являлся очень подробным пособием по русскому языку, как и сама «Российская грамматика». Несмотря на все разногласия Шлёцера и Ломоносова, их сочинения хорошо дополняли друг друга. Критикуя «Российскую грамматику» Ломоносова за сложность и множество неестественных правил, Шлёцер все же признавал ее авторитет и взял из нее многие правила и примеры для своей грамматики.

В качестве примера эффективности применения грамматики Шлёцера в обучении стоит рассмотреть описание автором имени существительного в русском языке. Согласно «Русской грамматике», существительное может иметь три рода (мужской, женский и средний) [Булич 1904: 77] и два числа (единственное и множественное) [Там же: 80]. Автор также отмечает наличие в русском языке существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum* [Там же].

Описание падежной системы соответствует актуальному состоянию русского языка. Шлёцер указывает на наличие в русской грамматике шести падежей (именительного, винительного, родительного, творительного, дательного и предложного). Наличие звательного падежа он считает фактом старославянского языка [Там же: 82]. Склонений в «Русской грамматике» выделяется три. Автор относит слово к определенному типу склонения в зависимости от его рода и окончания [Там

же: 85]. Рассмотрение описания других частей речи не представляется возможным, так как текст грамматики обрывается в начале демонстрации следующей части речи — имени прилагательного. Но глава, посвященная имени существительному в русском языке, является хорошим примером для доказательства компетентности Шлёцера в области грамматики русского языка. Описание имени существительного содержит только характеристики, присущие живому русскому языку XVIII в. Правила, сформулированные понятным языком, подкрепляются реальными языковыми примерами.

К сожалению, грамматика А. Шлёцера так и осталась неким научным мифом, хотя, согласно опубликованному тексту, она могла бы стать важным научным явлением и для истории русской грамматики, и для практики преподавания русского языка. Ведь многие иностранные ученые, составляющие основную часть сотрудников Академии наук во второй половине XVIII в., не владели русским языком, что затрудняло их работу и вынуждало обращаться за помощью к переводчикам. К тому же достижение Шлёцером главной цели написания данной работы (знакомства иностранцев с красотой и богатством русского языка, а также правилами его грамматики) способствовало бы развитию русско-немецких отношений и в других сферах, например, политике, торговле и т.д., так как знакомство европейцев с русским языком значительно возвысило бы статус России на международной арене, развеяв миф о ее отсталости.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). — М., 1985.

Булич С.К. Schlözer A.L. Russische Sprachlehre. I—II. Шлёцер А. Русская грамматика. I—II. Съ предисловіем С.К. Булича. Издание Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. — Санкт-Петербургъ, 1904.

Греч Н.И. Чтения о русском языке. Ч. 1—2. — СПб., 1840.

Десницкая А.В. Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. — Л., 1984.

Кеневич В.Ф. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, имъ самимъ

описанная: Пребывание и служба въ Россіи, от 1761 до 1765 г.; извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ с нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича. Сборник Второго отделения Императорской Академии наук. Экземпляр из домашней библиотеки Г.В. Юдина. — Петербургъ, 1875.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — Т. 9: Служебные документы. 1742—1765 гг. — М.; Л., 1955.

Никитин О.В. Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2009. — № 5. — С. 104—110.

Приемышева М.Н. Николай Иванович Греч в истории русской филологической мысли (К 230-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2017. — № 8. — С. 68—74.

РГ — Русская грамматика А. Шлёцера. Один из шести уцелевших комплектов отпечатанных листов, подготовленный к печати А.А. Куником. С приложением письма А. Бакмейстера и справки об издании, составленной Е.С. Кулябко на поруч. Г.А. Князева. До 1764 г. / Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Разряд IV. Оп. 1. Ед. хр. 1060.

Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. — СПб., 2011.

Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernen der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von J.W. Paus. — München, 2001.

Keipert H. August Ludwig Schlözer als Sprachforscher // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 2009. Berlin, New York, 2010. — S. 282–304.

Peters M. Von Göttingen nach St. Petersburg und zurück — Grenzüberschreitungen im Leben und Werk August Ludwig (von) Schölzers (1735–1809) // 300 Jahre St. Petersburg. Russland und die «Göttingische Seele». Herausgegeben von E. Mittler und S. Glitsch. — Göttingen, 2003. — S. 183–199.

REFERENCES

Alpatov M.A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (18 — first half of 19 century), Moskva, 1985.

Bulich S.K. Schlözer A.L. Russische Sprachlehre. I–II. Shljotser A. Russkaya grammatika. I–II. S predislaviem S.K. Bulicha. Izdanie Otdeleniya russkago yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk, Sankt-Peterburg, 1904.

Grech N.I. Chteniya o russkom yazyke. P. 1–2, Sankt-Peterburg, 1840.

Desnitskaya A.V. Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoi poloviny XIX veka, Leningrad, 1984.

Kenevich V.F. Obshhestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera, im samim opisanaya: Prebyvanie i sluzhba v Rossii, ot 1761 do 1765; izvestiya o togdashednei russkoi literature. Perevod s nemetskago s primechaniyami i prilozheniyami V. Kenevicha. Sbornik Vtorogo otdeleniya Imperatorskoi Akademii nauk. Ekzemplyar iz domashnei biblioteki G.V. Yudina, Peterburg, 1875.

Lomonosov M.V. Complete set of works, Moskva, Leningrad, 1955, vol. 9. Sluzhebnye dokumenty. 1742–1765.

Nikitin O.V. Vasilii Evdokimovich Adodurov (K 300-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 5, 2009, pp. 104–110.

Priemysheva M.N. Nikolai Ivanovich Grech v istorii russkoi filologicheskoi mysli (K 230-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 8, 2017, pp. 68–74.

RG — Russkaya grammatika A. Shletsera. One of the extant sets of printed pages, prepared for printing by A.A. Kunikom. Accompanied by the letter of A. Bakmeistera and the reference of edition by E.S. Kulyabko under instruction of G.A. Knyazeva. Before 1764 / Sankt-Peterburgskii filial Arhiva Rossiiskoi akademii nauk. Razryad IV. Op. 1. Ed. hr. 1060.

Sverdlov M.B. M.V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki v Rossii, Sankt-Petersburg, 2011.

Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernen der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von J. W. Paus, München, 2001.

Keipert H. August Ludwig Schlözer als Sprachforscher // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 2009. Berlin, New York, 2010, pp. 282–304.

Peters M. Von Göttingen nach St. Petersburg und zurück — Grenzüberschreitungen im Leben und Werk August Ludwig (von) Schölzers (1735–1809) // 300 Jahre St. Petersburg. Russland und die «Göttingische Seele». Herausgegeben von E. Mittler und S. Glitsch, Göttingen, 2003, pp. 183–199.

Академик С.П. Обнорский: личность ученого в контексте проблем и дискуссий отечественного языкознания (К 130-летию со дня рождения)

В статье анализируется научное наследие видного отечественного лингвиста – академика С.П. Обнорского (1888–1962). Автор не только обратил внимание на известные труды ученого, но и сделал обзор архивных материалов, рассказывающих о дискуссиях в советском языкознании 1930-х гг. Значительное место уделено идеям С.П. Обнорского в области разработки проблем истории русского языка.

Ключевые слова: С.П. Обнорский; лингвистическая персонология; история языкознания; русский язык; лексикография; письменная культура.

Oleg V. Nikitin

Academician S.P. Obnorsky: Personality of the scientist in the Context of the Problems and Discussions of Russian Linguistics (To the 130s Anniversary from Birthday)

The article analyzes the scientific heritage of an outstanding Russian linguist, academician S.P. Obnorsky (1888–1962). The author paid attention not only to the well-known scholar works, but also presented a review of archival materials, telling about the discussions in Soviet linguistics of the 1930s. A significant place is given to the ideas by S.P. Obnorsky in the development of the history of the Russian language.

Key words: S.P. Obnorsky; linguistic personology; history of linguistics; Russian language; lexicography; written culture.

Сергей Петрович Обнорский принадлежал к числу ученых, сформировавшихся в традициях старой дореволюционной школы отечественной филологии с ее повышенным интересом к истории языка и лингвистической палеонтологии. Она сложилась во многом под влиянием академика А.А. Шахматова, к числу учеников которого относился С.П. Обнорский. Так, в ранние годы он опубликовал работы, посвященные разбору древних памятников письменности: он писал о Супральской рукописи, Чудовской псалтыри XI в., Ефремовской Кормчей XII в. и т.д.

В то же время С.П. Обнорский сделал ряд интересных наблюдений и в области этимологии. Например, он издал небольшую

статью о слове *блюдо* и пытался проникнуть в таинственный мир русского слова *лахудра*, которую иногда возводили к близкому греческому слову *λοχόβρα* «роженца». С.П. Обнорский отверг эту версию: «Действительно, думать о связи этих слов было бы весьма затруднительно. Да и следует ли непременно думать о заимствовании? Слово известно лишь русскому языку и к тому же лишь в народном, по большей части областном употреблении; кроме того[,] семасиологическая сторона слова как-то отдаляет мысль о возможности его заимствования» [Обнорский 1914: 380]. Сопоставляя диалектологические словари и личные наблюдения, ученый пришел к выводу, что *лахудра* употребляется в двух значениях: «1) неряшливо одетая, обтрепанная, растрепанная женщина и 2) распутная женщина[,] нередко можно слышать в вульгарной речи Петрограда» [Там же: 381]. Причем первичным значением, по мнению С.П. Обнорского, было «растрепанный», «оборванный», «неряшливый», а затем, в современных говорах, возникло другое: «(нравственно) истрепанный», «распутный», «а из совокупности этих значений легко вывести и общее значение “худой, изможденный, слабый”» [Там же: 381–382].

С 1916 г. выходят рецензии С.П. Обнорского на крупные научные труды, ставшие событием в лингвистике, которые

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

E-mail: olnikitin@yandex.ru

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

ул. Радио, д. 10А, Москва, 105005, Россия

Moscow State Region University

10A Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Никитин О.В. Академик С.П. Обнорский: личность ученого в контексте проблем и дискуссий отечественного языкознания (К 130-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 87–91. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-87-91.

показывают, что ученый обнаружил широкие познания в разных областях филологии. Его критические оценки «Грамматики русского языка» Р. Кошутича (1916), «Диалектологических разысканий в области великорусских говоров» Н.Н. Дурново (1925), «Исторической грамматики русского языка» К. Мейера (1925), «Исследований в области северновеликорусского наречия» В.В. Виноградова (1926), «Очерка истории русского языка» Н.Н. Дурново (1927) всегда корректны, свежи, фактологичны и характеризуют С.П. Обнорского как оригинального мыслителя и тонкого исследователя. Ведь написать рецензию на чужую книгу порой бывает сложнее, чем создать свою.

В 1927 г. выходит программная работа С.П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке», где на широком историческом и диалектном материале ученый показал развитие категории склонения (см. подробнее: [Обнорский 1927]). Названная монография вместе с капитальным трудом «Очерки по морфологии русского глагола» [Обнорский 1953] подняла планку историко-лингвистической ветви отечественной лингвистики на уровень дореволюционной школы. Богатство и разнообразие фактов народной речи, редкие источники, глубокие и оригинальные находки и обобщения сделали эти книги настольными пособиями не одного поколения ученых.

Совершенно удивительный труд С.П. Обнорского, созданный им в соавторстве с С.Г. Бархударовым, — «Хрестоматия по истории русского языка», — вышел в трех томах (частях) и охватил обширный пласт памятников письменности XI–XVIII вв. [Обнорский, Бархударов 1938; 1949; 1948], извлеченных из редких собраний. Впервые после «Исторической хрестоматии» Ф.И. Буслаева (1861) он воссоздал картину письменной традиции от начала ее формирования до периода создания общенационального литературного языка. Надо сказать, что для того марксистского периода в истории советского языкознания (а эта работа печаталась с 1938 по 1949 г.) подобные эксперименты могли окончиться весьма плачевно: марровская пропаганда диктовала совсем иные принципы научной работы, а поколение дореволюционных историков языка было почти уничтожено к концу 1930-х гг. или находилось в стесненном состоянии. И на фоне такой картины коммунистического «быта» в лингвистике была создана уникальная

«Хрестоматия», вобравшая как известные, так и малознакомые тексты разных жанров духовной, светской, деловой и народной литературы. В этих книгах есть примечательные иллюстрации к произведениям, таблицы и вклейки, воссоздающие подлинный колорит эпохи и рисующие своеобразные портреты времени.

Так, например, первая часть начинается с публикации древнейших иностранных источников о русском языке, Остромирова Евангелия, подписи Анны Ярославны 1063 г. и завершается изданием фрагментов текстов летописей, деловых грамот, песен Джемса, стихотворений Симеона Полоцкого, «Грамматики» М. Смотрицкого, повестей и пословиц (см. подробнее: [Обнорский, Бархударов 1938]).

Часть вторая (выпуск первый) этой «Хрестоматии» начинается с записей фольклора конца XVII в., печатных текстов «Вестей-Курантов», «Зрелища жития человеческого» из собрания Ф.И. Буслаева, продолжается документами эпохи Петра I, русскими «Ведомостями», «Арифметикой» Л.Ф. Магницкого. Здесь же даны редкие документы, характеризующие культурно-исторические интересы знати: «Азбука гражданская», «Брюсов календарь», «Приклады како пишутся комплементы разные», «Артикул воинский» и т.д. (см. подробнее: [Обнорский, Бархударов 1949]).

Часть вторая (выпуск второй) включила в отрывках произведения И.Т. Посошкова, К.Н. Зотова, В.Н. Татищева, А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, В.А. Нащокина, «Сборник» Кириши Данилова и другие интересные тексты (см. подробнее: [Обнорский, Бархударов 1948]).

Таким образом, были охвачены все пласты письменной культуры, которые в данном объеме и стали доступны студентам филологических факультетов. Причем авторы по возможности сохраняли оригинальные литеры, сокращения и другие черты древних текстов, что придало «Хрестоматии» вид учебного памятника, которым могли пользоваться и специалисты.

Изданная в практических целях «Хрестоматия» до сих пор является самым полным и авторитетным источником по истории письменной культуры, доступным для самостоятельного изучения студентам-филологам, но, к сожалению, почти забыта авторами «модернизированных стандартов» современного вузовского образования.

Творческий диапазон исследовательских поисков С.П. Обнорского был разнообразен: от истории и этимологии до проблем грамматики, культуры речи и лексикографии. Можно сказать, что он был в некотором смысле традиционалистом и держался в стороне от громких дискуссий, которые попали на страницы крупных журналов. Но все же в его биографии был показательный эпизод.

Не обойти нам в этой статье и полемических вопросов, которые неизбежно сопровождают научные события. Прежде всего это взаимоотношения лингвистов разных школ, испытывавших друг к другу ревностные чувства и иной раз оказывавшихся идеологическими противниками. Эта история была впервые исследована нами в монографии [Никитин 2012], посвященной забытым страницам отечественной лексикографии первой половины XX в. В ней речь шла о дискуссии по поводу первого тома «Толкового словаря русского языка» (далее — ТС) под редакцией Д.Н. Ушакова, оказавшегося в середине 1930-х гг. в центре политической кампании. И роль С.П. Обнорского в шельмовании «Ушаковского словаря», к сожалению, была не очень благовидной. Мы знаем об этом по письмам и репликам участников тех событий.

Напомним читателям обстоятельства памятной дискуссии 1935 г. в Ленинграде в той части, которая касается имени С.П. Обнорского.

Еще до выхода в свет I тома атмосфера в научных кругах вокруг ТС начала накаляться. Настроение некоторых видных и влиятельных ученых Б.А. Ларин охарактеризовал Д.Н. Ушакову в письме от 18 марта 1934 г.:

«<...> мельком он [А.С. Орлов. — *О.Н.*] неодобрительно отозвался о нашем словаре. А когда я сказал, что наш словарь — своей орфографией — окажет огромное нормализующее и унифицирующее влияние, чуть он выйдет, — и что АН должна сейчас уже это учесть, <...> то на меня зашикали и Обнорский и Истрина и почти все члены комиссии. Тон был такой, что “нам на В<аш> словарь наплевать”» [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 20. Л. 3 об.]. И это не единственная «дружеская» реплика в адрес Д.Н. Ушакова и его коллег по лексикографическому труду.

Незадолго до обсуждения ТС опять в письме Б.А. Ларина Д.Н. Ушакову от

24 октября 1935 г. проскальзывает ироническая нотка: «В Обнорской мастерской — пока не высказываются, но все обзавелись, держат у себя на столах и, по словам Ожегова, все усердно пользуются нашим Словарем» [см. подробнее: Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 136].

Наконец, в один из дней декабря 1935 г. состоялась настоящая битва марристов и антимарристов, продолжавшаяся, по воспоминаниям участников, семь часов. С.П. Обнорский в данной ситуации оказался на стороне идеологов «нового учения о языке». Его доклад Б.А. Ларин назвал «наиболее подлым и вредным» [Там же: л. 17] и пересказал основные тезисы так: «он признает только одно достоинство у авторов ТС — это их дерзость»¹; «он считает ТС образцом отрицательным, не велит своим сотрудникам следовать ему» [Там же]. Из ученых, поддержавших Д.Н. Ушакова и его соратников, с речами к аудитории обратились... Р.О. Шор — «очень убедительно вскрыла обывательскую скудоумность ряда обвинений», Л.В. Щерба — «хвалил нас до ужаса (Epochemachendes Werk, произведение, “гораздо выше Даля”)» [Там же: л. 17 об.].

Почему же так произошло, что С.П. Обнорский фактически оказался на стороне марристов? Одной из версий такого поведения ученого, занимавшего к тому времени «членкоррскую» должность, может быть то, что он тоже являлся опытным лексикографом и редактировал выпуски академического «Словаря русского языка», начатого еще академиком Я.К. Гротом и продолженного А.А. Шахматовым. «Ушаковский словарь» в каком-то смысле стоял на пути профессиональных интересов С.П. Обнорского. И хотя ТС был рассчитан на широкую публику и не претендовал на всеохватность лексики, такой культурный перекося в сторону московских лингвистов давал основание их ленинградским коллегам чувствовать себя более уязвимо. Неприкосновенными они уже не были к тому времени, и их проект находился на грани закрытия и в конце концов был остановлен. По словам В.М. Алпатова, «в ноябре 1933 г. неприятности впервые коснулись и Института языка и мышления. В картотеке Академического словаря <...>, группа составителей которого во главе с С.П. Обнорским была поглощена Институтом языка и мышления

¹ Здесь сохранены подчеркивания подлинника.

за два года до этого, были обнаружены “политические дефекты”. Было признано, что Словарный отдел института “не перешел на позиции нового учения о языке”. <...> многолетняя работа над словарем стала свертываться, а в 1937 г. в связи с “политическими дефектами” была прекращена (С.П. Обнорский, впрочем, не пострадал)» [Алпатов 1991: 109–110].

Таким образом, «Ушаковский словарь», несмотря на ожесточенное сопротивление марристов, был завершен, а академическое издание «Словаря русского языка» ушло в историю.

Эмоциональность полемического запала понятна: решалась судьба отечественной лексикографии. По какому пути она должна пойти? Станет ли новый словарь придатком идеологии, рупором ее идей? Перейдет ли он полностью под влияние марристов? От исхода этого непростого и весьма опасного дела зависели судьбы многих талантливых лингвистов. По счастью, партийную машину удалось остановить благодаря самоотверженной деятельности Д.Н. Ушакова и его учеников (см. подробнее об этом: [Никитин 2012]).

Но все же позднее, в конце 1940-х гг., С.П. Обнорский вновь приступит к лексикографической работе уже над новым популярным однотомным «Словарем русского языка», составленным С.И. Ожеговым (примечательно, в самый канун Великой Отечественной войны проект этого «Словаря» был утвержден Д.Н. Ушаковым и планировался к выходу в ближайшие годы). Потом Дмитрия Николаевича не стало, и его противник превратился в... соратника и консультанта ближайшего ученика Д.Н. Ушакова – С.И. Ожегова. Выпущенный в 1949 г. «Словарь русского языка» на титуле содержал имя и академика С.П. Обнорского, под редакцией которого он и был издан.

В общественной деятельности С.П. Обнорского было много противоречивого, и мы не вправе осуждать его за такие «предпочтения». Ученые того времени всегда лавировали, иногда выгадывали – им было очень непросто сохранить свое лицо. С.П. Обнорский один из немногих крупных филологов дореволюционной школы, который не подвергся репрессиям и по сути вместе с академиком И.И. Мещаниновым после смерти Н.Я. Марра был на вершине власти и все же тяготился ею. Ему хотелось, как и прежде, в молодые годы,

листать страницы «Слова о полку Игореве» или «Моления Даниила Заточника» и оставаться в плену совсем других фантазий и куда более благородных идей.

Но даже в такой сложной обстановке С.П. Обнорский не бросал своих коллег, прошедших ГУЛАГ, и поддерживал их, как мог. Мы имеем в виду его сотрудничество с опальным А.М. Селищевым, о чем сохранились документальные свидетельства.

В галерее портретов лингвистов XX в. имя С.П. Обнорского, безусловно, занимает почетное место прежде всего по глубине и цельности его историко-языковедческих трудов. Заметим, что за «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946) он был награжден Сталинской премией I степени. В этой книге ученый выдвинул и обосновал оригинальную концепцию происхождения истории русского литературного языка, вызвав всплеск новых лингвистических дискуссий на эту тему от Б.А. Ларина до Г.О. Винокура и В.В. Виноградова (подробнее об этом см.: [Добродомов 2016: 359 и др.]). Перу С.П. Обнорского принадлежат оригинальные статьи о Пушкине и Ломоносове, о памятниках русской деловой письменности – договорах русских с греками и «Русской Правде», о грамматике Г.В. Лудольфа 1696 г.

Ученый и в послевоенные годы определял политику в академической науке. Находясь на посту директора Института русского языка АН СССР со времени основания (1944 г.) до 1950 г., он немало способствовал развитию традиционных отраслей науки: лексикографии, диалектологии, культуры речи и, конечно же, истории языка.

Личность академика С.П. Обнорского, прошедшего длинный непростой путь в науке и не растерявшего подлинные принципы классической школы, не забыта. Его наследие, в том числе и эпистолярное, изучено значительно слабее, чем ученые труды, но и те немногие письма, которые нам удалось в свое время прочитать, свидетельствуют о редких качествах живого исследователя, гражданина, сохранившего высокое имя просветителя-филолога в эпоху социалистического реализма в науке.

В 1960 г. выходят его «Избранные работы по русскому языку» (1960) со вступительной статьей многолетнего соавтора С.Г. Бархударова, в которой маститый академик справедливо назван человеком

«большой творческой силы, богатой эрудиции» [Бархударов 1960: 25]. «Эти ученые, — отмечал С.Г. Бархударов, — не ломая направления науки, не перестраивая ее основ, своими знаниями, выдающимися способностями, кропотливым трудом обеспечивают рост в общем движении науки» [Там же: 25]. Наверное, эта характеристика деятельности С.П. Обнорского справедлива и сейчас.

С.П. Обнорский был из породы воспитанников академика А.А. Шахматова и нес это филологическое «послушание» с честью всю свою сознательную жизнь.

И еще одну черту С.П. Обнорского необходимо отметить. Она, на первый взгляд, совсем незаметна на фоне его идей и концепций, но показательна. С.П. Обнорский откликался на памятные даты, связанные с уходом известных и уважаемых им лингвистов и всегда находил правильные слова, невольно воссоздавая живой облик целого поколения классиков — И.В. Ягича, А.А. Шахматова, Ф.Е. Корша, Л.В. Щербы, Б.М. Ляпунова, А.М. Селищева. А трудиться для памяти ушедших — работа Божья. И С.П. Обнорский с ней справился великолепно.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. — М., 1991.

Бархударов С.Г. Творческий путь академика С.П. Обнорского // Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. — М., 1960. — С. 3–25.

Добродомов И.Г. Сергей Петрович Обнорский // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В.В. Потапов. — М., 2016. — С. 353–363.

Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. — Славянск-на-Кубани, 2012.

Обнорский С.П. К этимологии слова *лахудра* // Русский филологический вестник. — 1914. — Т. 74. — № 3–4. — С. 380–382.

Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1: Единственное число // Сборник ОРЯС АН СССР. — 1927. — Т. 100. — № 3. — С. I–XII, 1–324.

Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. — М., 1960.

Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. — М.; Л., 1946.

Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. — М., 1953.

Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка: пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Часть первая. — Л.; М., 1938.

Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть вторая. Выпуск первый. — М., 1949.

Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть вторая. Выпуск второй. — М., 1948.

REFERENCES

Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marizm, Moskva, 1991.

Barhudarov S.G. Tvorcheskii put' akademika S.P. Obnorskogo, *Obnorskii S.P. Izbrannye raboty po russkomu yazyku*, Moskva, 1960, pp. 3–25.

Dobrodomov I.G. Sergey Petrovich Obnorskii, *Otechestvennye lingvisty XX veka, otv. red. V.V. Potapov*, Moskva, 2016, pp. 353–363.

Nikitin O.V. Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya, Slavyansk-na-Kubani, 2012.

Obnorskii S.P. K etimologii slova *lahudra*, *Russkii filologicheskii vestnik*, 1914, t. 74, № 3–4, pp. 380–382.

Obnorskii S.P. Imennoye skloneniye v sovremennom russkom yazyke. Vyp. 1 *Edinstvennoe chislo*, *Sbornik ORYAS AN SSSR*, 1927, t. 100, № 3, pp. I–XII, 1–324.

Obnorskii S.P. Izbrannye raboty po russkomu yazyku, Moskva, 1960.

Obnorskii S.P. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda, Moskva, Leningrad, 1946.

Obnorskii S.P. Ocherki po morfologii russkogo glagola, Moskva, 1953.

Obnorskii S.P., Barhudarov S.G. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka: Posobiye dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii. Chast' pervaya, Leningrad, Moskva, 1938.

Obnorskii S.P., Barhudarov S.G. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Chast' vtoraya. Vypusk pervyi, Moskva, 1949.

Obnorskii S.P., Barhudarov S.G. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Chast' vtoraya. Vypusk vtoroi, Moskva, 1948.

CONTENT

METHODICS AND EXPERIENCE

Kalinina L.V. About Principles of Schoolchildren Preparation for the Olympiad on Russian Language.

Bochkareva G.A., Dorozhkina G.N. Kinds of Composition in the Format of the Basic State Examination on Russian Language: Style and Genre Characteristics (Article 2).

Improving professional skills

Shpil'naya N.N. Rhetorical Norms of the Oral Scientific Speech.

Gorbunova M.V. Students Written Speech in the Digital Educational Environment.

Sagitova A.F. Difficulties in Teaching of the Theme «Vowel Gradation in Word Root».

CHILD SPEECH

Tseitlin S.N. Some Factors Arranging for Spontaneous Learning of Orthography Rules.

METHODOLOGICAL MAIL

Dubova M.A. Study the Homogeneous Parts of the Sentence.

Lysova O.V., Lysova A.I. Methodology of Skills of Expressive Reading Development of Schoolchildren (Preparation for the Oral Part of Basic State Examination on Russian Language).

METHODOLOGICAL HERITAGE

Karamysheva S.N. Professor M.V. Ushakov's Publications in the Journal «Russian Language at School» (to 120th Anniversary of the Birth).

LITERARY TEXT ANALYSIS

Shestakova L.L., Kuleva A.S. Special Lexis in the Poetry by V. Mayakovsky.

Kolokol'tseva T.N. Intertextual Analysis of the Poem «Molitva pered Pojemoj» by E.A. Evtushenko.

LINGUISTIC NOTES

Moskvin V.P. The Stress in the Masculine Nouns with Endings on Consonants: the Norm and Variants.

Norman B.Yu. Is There the Word *Spichki* in Russian Language? (About the Integrity of Inflectional Paradigm and Grammar Forms of the Word).

IN THE WORLD OF WORDS

Zelenin A.V. *Nishchebrod (Pauper)* (Part 2).

LINGUISTIC HERITAGE

Kozeruk A.A. «Russkaja Grammatika» («Russian Grammar») by A.L. Shljocer 1764.

Nikitin O.V. Academician S.P. Obnorsky: Personality of the scientist in the Context of the Problems and Discussions of Russian Linguistics (To the 130s Anniversary from Birthday).

EDITORIAL BOARD

Editor in chief: N.A. Nikolina

L.G. Antonova, B.G. Bobylev, N.S. Bolotnova, G.N. Vladimirskaia, J.N. Gosteva, A.D. Deikina, O.E. Drozdova, E.L. Erokhina, A.V. Zelenin (*Republic of Finland*), L.P. Krysin, V.V. Lopatin, O.V. Nikitin, B.J. Norman (*Republic of Belarus*), S.S. Oganesyan, T.M. Pakhnova, I. Pálosi (*Republic of Vengria*), V.M. Pakhomov, M.N. Priemysheva, B. Toshovich (*Republic of Austria*), S.N. Tseitlin, M.R. Shumarina.

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

Издатель – ООО «Наш язык»

Выходит 9 раз в год

ISSN 2541–8793

июнь

12 +

СОДЕРЖАНИЕ

	2	От А до Я
Слова текут — вода живая	7	
	8	
	10	Риторика для родителей
Пишут школьники	12	
	17	Игры. Шарады
Кроссворд	19	
	20	Ответы

От А до Я

Словарь языка Тургенева

Ж

ЖЕЛЧЕВИК, -а, м. Злой, раздражительный, нервный, язвительный человек. *Весь он был жилистый, сухой — и говорил медленным, резким, отрывочным голосом. Сонный взгляд, угрюмый вид — как есть желчевик!* («Новь»). От желчь (желчевик 'тот у кого больна печень, желчный пузырь', и следовательно, желчный).

ЖЕНСКИЙ: Женский ум лучше многих дум. Об особой прозорливости женского ума. *Продолжайте, прошу вас убедительно, вашу исповедь; мне сдается, что и вам от этого будет легче, и мне оно принесет пользу. Пословица не даром гласит: «Женский ум лучше многих дум», а женское сердце и подавно — ей-богу!* («Переписка»).

ЖЁРНОВ: Рычагом не выворотить, жёрновом не вымелешь. См. РЫЧАГ.

ЖИВАЛЫЙ, -ая, -ое. Тот, кто жил где-л., имеющий опыт длительного пребывания где-л., знающий местные особенности. Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живалый» (как у нас в Орле говорится), заслушался вдоволь («Хорь и Калиныч»).

ЖИВОЙ: Живой живое думает. Пока человек жив, он должен думать о земном, реальном, материальном. Какой он (умерший, успший. — В.Е.) был муж совета! Он просто был муж Татьяны Юрьевны. Пойдемте обедать. Живой живое думает. Дмитрий Павлович, вашу руку («Вешние воды»). Ср. также: Живой живое гадает (затеваает) (В.И. Даль).

ЖИВОТ, -а, м. Животное (чаще — о лошади). *Совсем отлукавилась лошадь,*

а ведь какой прежде согласный был живот... Ну-ну, оглядывайся! («Касьян с Красивой Мечи»). *Один живот и есть...* («Бирюк»). То же у А. Островского, М. Горького и др.

ЖИВОТИК, -а, м. Животное, здесь — лошадь. — *А не знаю,* — ответил Касьян, — *на чем вы поедете; разве вот на этом животике,* — *прибавил он со вздохом.* — *На этом-то?* — *подхватил Ерофей и, подойдя к Касьяновой клячонке, презрительно ткнул ее третьим пальцем правой руки в шею* («Касьян с Красивой Мечи»). Ср. **ЖИВОТ**.

ЖИЛЕТЕЦ, -тца, м. Короткий жилет. Людей у Мардария Аполлоныча множество, и все одеты по-старинному: в длинные синие кафтаны с высокими воротниками, панталоны мутного колорита и коротенькие желтоватые жилетки («Два помещика»).

ЖИМОЛОСТЬ: что жимолость, что кто. О ком-л. бесчувственном, черством, глухом к чужому горю. *Была и дочка; да не стало ее, сердешной! Несчастье с ней приключилось: попала под колесо. И хоть бы разом ее убило! А то — мучилась долго. С тех пор я жалостливая стала; а прежде — что жимолость, что я. Как есть дерево!* («Новь»).

ЖИТЬ: жить на бивуаках. Жить неустроенно, неосновательно, без необходимых удобств. — *Я вас предупредил, любезный мой посетитель,* — *начал Василий Ильич,* — *что мы живем здесь, так сказать, на бивуаках* («Отцы и дети»). От бивуак (бивак) 'стоянка войск для ночлега или отдыха, временный лагерь (туристов, альпинистов и т.д.)'. Ср. бив(у)ачная жизнь (Д. Григорович и др.).

ЗАБЕДНЯТЬ, -яю, -яешь, *сов.*, без *доп.* Стать бедным, начать беднеть, обеднеть. Он не пил вина и работал прилежно, но ему не везло: жена его все хворала, дети умирали; он «забеднял» и никак не мог справиться («Поездка в Полесье»); Забеднял, «захудал» их род («Дым»). Прост.-диал. Ср. *забеднеть* (В. Даль, П. Бажов).

ЗАБИЖАТЬ, -аю, -аешь; *несов.*, кого, что и без *доп.* Обижать. Только смотрю: едет верхом да в шапке приказчик, — говорит: не извольте, того, *забижать* («Безденежье»). Прост.-разг.

ЗАБИРАТЬ: *хмелем забирать*. См. **ХМЕЛЬ**.

ЗАБОЧИТЬ, -чу, -чишь; *сов.*, без *доп.* Отклониться, отстраниться, повернуть в сторону, уступить дорогу. — *И прекрасно. Как вы полагаете, что думает теперь о нас этот человек? — продолжал Павел Петрович, указывая на того самого мужика, который за несколько минут до дуэли прогнал мимо Базарова спутанных лошадей и, возвращаясь назад по дороге, «забочил» и снял шапку при виде «господ» («Отцы и дети»).* Ср.: «Бочить <...> “Идти, подаваясь, отклоняясь в сторону от дороги. О лошадях, запряженных парой, когда одна из них боком вытесняет другую с дороги, а оттуда же о людях в том же смысле”... Нижегород., Лавровский, 1860» (Словарь русских народных говоров. — Л., 1968. — Вып. 3. — С. 141).

ЗАБРОНИТЬ, -ню, -нишь; *сов.*, кого и без *доп.* Забранить, изругать. На первый случай можно, Марианна Викентьевна. Чашечкой себя побалуя. А то Егорыч забронит (ударение И.Т. — В.Е.) («Новь»). Прост.-диал. Ср. *нали-то — нолито, стащит — стощит* и др. Ср. также *забранять* ‘запрещать’ (см. Виноградов В.В. История слов. — М., 1994. — С. 802).

ЗАВЕДЕНИЕ: в заведении (есть, нет) у кого, что. О чем-л., что водится, заведено, в обычае, в правилах. И Агей Фомич, вы думаете, сердится? Нисколько.

Нет — у нас этого и в заведении нет. Вот спросите хоть Ивана Ильича («Затишье»). Ср. в заводе (нет).

ЗАВИХРИТЬСЯ, -рюсь, ришься; *сов.*, без *доп.* Отдаться чему-л., какому-л. занятию; здесь: отдаться пению, самозабвенно запеть. Ободренный знаками всеобщего удовольствия, рядчик совсем завихрился, и уж такие начал отделявать завитушки, так защелкал, и забарабанил языком, так неистово заиграл горлом, что, когда, наконец, утомленный, бледный и облитый горячим потом он пустил, перекинувшись назад всем телом, последний замирающий возглас, — общий, слитный крик ответил ему неистовым взрывом («Певцы»). Чаше встречается в знач. ‘уйти в загул, закутить’ (у Л. Толстого и др.). Ср. *завелся*.

ЗАВОРОТЕНЬ, -тня, м. Человек с тяжелым неразговорчивым нравом, нелюдимый, подозрительный, недоверчивый (здесь — о жителях Полесья). — *Полеха! Полеха! Га, баде наняй, заворотень! Зачем пожаловал, заворотень?* («Певцы») Прим. И.Т.: «Они (полехи. — В.Е.) отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке. Заворотнями же их зовут за подозрительный тугой нрав». См. также **ПОЛЕХА**. Ср.: «*Заворотень* м. <...> Дикарь, кто прячется за ворота, во двор, заугольник. <...> *Заворотник* м. -ница ж. кто, бегая от дела, проводит время за воротами» (Даль. Словарь. — Т. 1. — С. 563), т.е. Даль связывает этот агентив со словом *ворота* и помещает в гнездо «ЗАВОРАЧИВАТЬ», восходящее к той же прасл. основе *verti.

ЗАГЛАЗНЫЙ, -ая, -ое. Такой, который находится вне поля зрения, который невозможно увидеть, проверить; далекий, недосыгаемый. Их разорили «страшно и всеконечно», отобрали у них честь, сослали в места заглазные; рухнули Осинины и уже не справились, не вошли снова в силу («Дым»); Деревня, в которой мы находились, была заглазная, глухая; все ее обитатели казались голышами; мы с трудом отыскивали одну — не то что белую, а маломальски просторную избу («Стучит!»).

ЗАГРАБИТЬ, -блю, -бишь; *сов.*; *кого, что*. Захватить, силой отобрать, насильственно, грабя, присвоить. *А сосед-то, проклятый, в суд, да просьбу. Побой, говорит, учинил, да и землю заgrabил. — Ах, он проклятый! заgrabил — а? свое добро заgrabил? Каково?* («Безденежье»). Прост.

ЗАГРЁБ, -а, *м.* Здесь: широкое движение косой, когда она скашивает траву. *Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки — и пошел косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало, глядя на его размахи да заgreбы* («Муму»).

ЗАДАЧА, -и, *ж.* Загадка, тайна, а также удача, везение. *В тот же самый вечер двор сгорел дотла, ни одна клеть не уцелела, и Наумов наследник остался нищим. Читатель легко себе представит, какие поднялись толки в соседстве по случаю этого пожара... Видно, он свою «задачу» с собой унес, твердили все* («Постоялый двор»). Диал. Ср.: «Задача также все, что задано или что задается: вопрос для решения, загадка, урок; успех, удача, счастье... и пр.» (Даль. Словарь. — Т. 1. — С. 572).

ЗАДИРАТЬ, -аю, -аешь; *несов.*, *без доп.* Задираться, начинать спор, вести себя агрессивно, заносчиво, идти на конфликт. *Начинал разговор, «задирал» всегда Петушков; Онисим неохотно отвечал ему* («Петушков»). То же у М. Салтыкова-Щедрина и др. В XX в. чаще встречается с управлением *задирать* кого (у Ю. Нагибина и др.) или *задираться*.

ЗАДНИЙ: *задние лопатки из вертлюгов выдергать* кому, чему. Наказать кого-л., разделаться с кем-л., «ноги выдернуть». *Я, говорит, этому Митьке задние лопатки из вертлюгов выдергаю, а не то и совсем голову с плеч снесу* («Однодворец Овсяников»). См. **ВЕРТЛЮГ**.

ЗАЗДРАВНЫЙ, -ого, *м.* или **ЗАЗДРАВНОЕ**, -ого, *ср.* Пожелание здоровья, долголетия и т.п. *С тех пор он очень редко показывался домой, хотя никогда не забывал принести барыне просвиру с вынутым заздравным* («Постоялый двор»).

Субстантивация прил. *заздравный* (кубок, тост, чаша и т.п.).

ЗАЗНАТЬ, -аю, -аешь; *сов.*, *кого*. Узнать, познакомиться, завести знакомство. *Зазнал я его уже стариком: в первый мой приезд мне, помнится, было лет двенадцать, а ему уже за семьдесят лет перевалило* («Старые портреты»).

ЗАКАЗ, -а, *м.* Лесной участок, где запрещены вырубка леса и охота. *Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, «заказ». В этом «заказе» нашли мы глушь и дичь страшную* («Бурмистр»). Ср. устар., прост. заказ 'запрещение'. Ср. заказник 'заповедник'.

ЗАКОСТЕНЕТЬ, -ею, -еешь; *сов.*, *без доп.* Успокоиться, застыть, стать спокойным после какого-л. перенесенного тяжелого несчастья, потрясения. *Нам случилось однажды войти в избу крестьянки, только что потерявшей единственного, горячо любимого сына, и, к нашему нашему удивлению, найти ее совершенно спокойною, чуть не веселою. «Не замаете, — сказал ее муж, от которого, вероятно, не скрылось это удивление, — она теперь за-костенела».* И Литвинов так же «за-костенел». Такое же спокойствие нашло на него в первые часы его путешествия («Дым»). Ср. *за-костенеть* 'потерять способность к развитию, восприимчивость ко всему новому, укрепиться в консервативных взглядах'.

ЗАКРУТАСЫ, -ов. Выкрутасы, замысловатые линии, петли. *Росчерк Миши под письмом постоянно сопровождался особенными закрутасами, черточками и точками — и много употреблял он восклицательных знаков* («Отчаянный»). Разг.-прост., устар.

ЗАКУТКА, -и, *ж.* Хлев для мелкого скота; чулан; конура. *На следующий день, часу во втором, Елена стояла в саду перед небольшою закуткой, где у ней воспитывались два дворовые щенка* («Накануне»). Ср. диал. *кут* 'угол в крестьянской избе'.

ЗАЛЕСЬЕ, -я, *ср.* Место, местность посреди лесов, за лесом. *В болотах ночую да в залесьях, в поле ночую один, в глуши* («Касьян с Красивой Мечи»).

ЗАЛО, -а, ср. Зал, гостиная. *Наконец, появился Калинопыч в своем шершавом камзоле и, растворив дверь в «зало», громогласно воскликнул: — Государь, этта будет Сила Самсоныч с другими господами!* (Новь).

ЗАЛОТОШИТЬ, -шу, -шишь; сов., что и без доп. Начать быстро говорить, болтать, «молоть», «тараторить». — *Ну, однако, за стол, господа, за стол, — залотошил Голушкин* («Новь»). Из диал. Ср.: «*Лотошить...* лепетать, болтать, тарантить, молоть языком бойко, резко, бестолково, по-бабьи; || то-ропить, -ся, спешить и суетиться» (Даль. Словарь. — Т. 2. — С. 269).

ЗАМАТЬ, -аю, -аешь; несов., кого, что (обычно в повелительном наклонении в отриц. форме). Трогать, затрагивать, касаться. *Нам случилось однажды войти в избу крестьянки, только что потерявшей единственного, горячо любимого сына, и, к немалому нашему удивлению, найти ее совершенно спокойною, чуть не веселюю. «Не замайте, — сказал ее муж, от которого, вероятно, не скрылось это удивление, — она теперь закостенела»* («Дым»).

ЗАМАШКА, -и, ж. Мужские растения конопли, посконь, а также посконная пряжа, посконный холст. *В последнее время бабы нашли выгодным красть у самих себя и сбывать таким образом пеньку, в особенности «замашки»* («Хорь и Калиныч»). Ср.: «Скорее вырастающие стебли (конопли. — В.Е.), видные издали, содержат цветки с одними тычинками и пыльниками и называются посконою; их выдергивают в ясную и теплую погоду, чтобы цветень разлетался вокруг для оплодотворения, причем нарочно машут стеблями по воздуху, отчего посконь и называется также замашкой» (Даль В.И. Ботаника. — СПб., 1851).

ЗАМОТАТЬ: замотать, словно зайца на угонках кого. Крайне утомить, лишить сил, преследуя. *Судьба замотала его, словно зайца на угонках* («Чертопханов и Недопюскин»). См. **УГОНКА**.

ЗАМШИТЬСЯ: замшилось сердце к кому, чему. Сердце остыло, стало

равнодушным. *Алексей Сергеевич их не обидел в своем завещанье, хотя и не вспомнил о них на смертном одре. «Замшилось к ним мое сердце», — сказал он мне однажды. Зная его доброту, я дивился его словам («Старые портреты»). Замшились (от мох). Ср. замшетъ.*

ЗАПИНКА, -и, ж. Остановка, поддержка при ходьбе. *Походочка с запинкой, голос с пришепеткой, улыбка, как у ребенка, чуть только взглянешь на него... наконец, свежесть, здоровье — и мягкость, мягкость, — вот вам весь Санин* («Вешние воды»).

ЗАПОЛЕВАТЬ: птишку заполевать. См. **ПТАШКА**.

ЗАРАСТИ: зарастить мхом. Одичать, закоснеть, без попыток быть в курсе происходящих изменений. *По крайней мере я стараюсь, по возможности, не зарастить, как говорится, мхом, не отстать от века* («Отцы и дети»). Ср. мхом обрасти, замшетъ.

ЗАТРАПЕЗ, -а, м. Род дешевой, грубой, пестрядиной, подобной тикуткани, чаще в синюю полоску; повседневная одежда из этой ткани, а также обобщенно о грубой одежде, материи. *И бьют-то ее и в затрапезе держат не по вашей милости?* («Контора»); *Я, разумеется, тот час же приказал ее остричь, одеть в затрапез и сослать в деревню* («Ермолай и мельничиха»). Возможно, по фамилии купца-фабриканта Затрапезнова, изготовлявшего эту ткань. Ср. *затрапезный*.

ЗАТРЕПЕТАТЬСЯ (в ладони) —ещусь, —ещешься; сов. Здесь: вероятно, хлопнуть. *Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают* («Бежин луг»).

ЗАХОТЕТЬ: Осень включет, а как весна захочет. См. **ОСЕНЬ**.

ЗАХУДАТЬ, -аю, -аешь; сов., без доп. Прийти в упадок, обеднеть, утратить роль в обществе (о роде, семье, фамилии). *Забеднял, «захудал» их род — и не поднялся ни при Петре, ни при Екатерине* («Дым»). Ср. захудалый.

ЗАЧАТЬСЯ, зачнусь, зачнёшься; сов., без доп. Начаться. *Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное (солнечное затмение. — В.Е.) зачнется, так Тришка и придет* («Бежин луг»). Диал.-прост.

ЗАЧИЛИКАТЬ, -аю, -аешь. Сов. к *чиликать*.

ЗАЧИЧКАТЬ, -аю, -аешь; сов., без доп. Закончиться, захиреть, сильно ослабеть, загдохнуть (о каком-л. желании, стремлении, вдохновении и т.п.). *Признаться сказать, я сам думаю, что если и водилось за моим приятелем в молодости какое-нибудь хотя не ясное, но сильное стремление к тому, что весьма мило названо «чем-то высшим», то это стремление давным-давно в нем угомонилось и зачичкало* (выделено И.Т.). Он был довольно толст и наслаждался превосходным здоровьем («Два портрета»). Ср.: «**Зачичкаться** кур. съежиться, захилеть; или спасть с тела, похудеть» (Даль. Словарь. — Т. 1. — С. 664).

ЗАШИБИТЬ: комара не зашибёт. См. КОМАР.

ЗАШИБАТЬ, -аю, -аешь; несов., без доп. Пить, выпивать, пьянствовать. *А плотник был хороший; зашибал маленько, а хороший был плотник* («Касьян с Красивой Мечи»). В том же знач. слово широко употр. в современной разг. речи.

ЗАЯЦ: замотать, словно зайца на угонках. См. ЗАМОТАТЬ.

ЗВЕРЬ: красный зверь. См. КРАСНЫЙ.

ЗЕВАТЬ, -аю, -аешь; несов., без доп. Здесь: быть широко открытой, раскрытой настежь (о двери). *Внизу дверь на балкон широко зевала, раскрытая настежь* («Дворянское гнездо»). Особую судьбу этого слова в русском языке отмечает В.В. Виноградов, подчеркивающий преемственность словоупотребления от А. Пушкина (*Могила склизки, которы также тут, // Зеваючи жильцов*

к себе на утро ждут) к Н. Гоголю (*Зевота видна была на строениях, крыши также зевали*) и И. Тургеневу. Отмечается влияние старославянизма *зиять*, начиная с М. Ломоносова, Г. Державина, В. Жуковского (см.: Виноградов В.В. История слов. — М., 1994. — С. 900–901).

ЗЕМЛЯ: Выше неба не взлетишь, в воде не проживешь, от земли не уйдешь. См. НЕБО.

ЗЕМЛЯ: два аршина под землю видеть. См. ДВА.

ЗЕМЛЯ: Земля не клином сошлась на ком, чем. О ком (чем)-либо, кто (что) не является единственным, о возможности выбора других вариантов. *Нравится тебе женщина, — говорил он, — старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отвернись — земля не клином сошлась* («Отцы и дети»). *Клин 'узкий участок земли'.* Ср.: «*Белый свет не клином стал (сошелся). Перед нами свет не клином сошелся. На свету не на клину, места будет для всех. Перед нами свет не клином сошелся. Государева земля не клином сошлась*» (Даль. Словарь. — Т. 2. — С. 119).

ЗЕМЛЯ: Хороша садовая земля, да не расти на ней морошке. См. ХОРОШИЙ.

ЗМЕЙ, -я, м. Здесь: шутил.-одобрительно: мастер, молодец. *Русака как раз заматают (гончие. — В.Е.), а уж на красного зверя — змеи, просто аспиды* («Петр Петрович Каратаев»).

ЗОРНЫЙ, -ая, -ое. Настоянный на зоре (любистоке). *Привезли какого-то заспанного и шершавого доктора, с крепким запахом зорной водки* («Дневник лишнего человека»).

ЗЫКНУТЬ, -ну, -нешь; сов., без доп. Издать резкий звук, свист. *Что-то резко зыкнуло около самого уха Базарова, и в то же мгновенье раздался выстрел* («Отцы и дети»). Ср.: *зык* в знач. сущ. (М. Салтыков-Щедрин и др.), *зыкать*.

В.С. ЕЛИСТРАТОВ
Москва

Слова текут — вода живая

Влиятельный

Слова *влиятельный* в этимологических словарях русского языка мы не найдем. По-видимому, авторы видят в нем обычное производное от глагола *влиять*. Однако история появления этого прилагательного неординарна.

Его нет в двуязычных словарях конца XVIII – начала XIX в., хотя потребность в нем назревала. Ср.:

Influé. Содействующий, имеющий влияние, влечение, содействие. (Полной французской и российской лексикон, с последнего издания Лексикона Французской академии на русский язык переведенный собранием ученых людей. – СПб., 1786. – Ч. 1. – С. 651); **Influent.** Имеющий влияние. (Татищев И.И. Полный французско-русский словарь. – М., 1816. – Ч. 2. – С. 91; то же в изданиях 1827 и 1841 гг.).

Замечательный ленинградский лексиколог Ю.С. Сорокин в своем труде «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX века» относит прилагательное *влиятельный* ко времени появления в печати статей Д.И. Писарева, т.е. к 1861–1866 гг. В.В. Виноградов считает, что это произошло раньше – в 30–50 гг. XIX в., когда «от слова *влияние* производятся слова *влиятельный, влиятельность*» (Виноградов В.В. История слов. – М., 1994. – С. 864).

Однако прилагательное *влиятельный* можно встретить значительно раньше:

Аглинское золото однако же взяло наконец перевес и по отсутствию Гордана, донные островитяне (англичане. – Н.А.) сделались единственными влиятельными агентами в политической системе (буде позволительно дать сие название слепоте глубокого невежества нескольких мирз, а с тем вместе и заводителям регулярных войск в Персии, без видимой пользы много денег толико пожирающих). (Сokolov А.Е. Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816–1817 гг. // НКРЯ).

Двадцатью годами позже в «Библиотеке для чтения» 1837 г. читаем:

...журнал *влиятельный*, un journal *influent*, как говорят нынче в Париже. (Т. XX. – Отд. VII, Смесь. – С. 130).

Приведенная цитата прямо указывает на французские корни этого прилагательного. Скорее всего, это неточная словообразовательная калька франц. *influent* (точная была бы *вливающий*). Из деловой письменности и журнальной полемики оно проникло в художественную литературу:

Я посмотрел в ту сторону: из дверей выступала сановитая, влиятельная особа... (Григорович Д.В. Карьерист, 1845 г // Библиотека Мошкова).

Лексикографическую фиксацию слова *влиятельный* мы находим в лексиконе Ф. Рейфа (Параллельные словари русского, французского, немецкого и английского. Русский словарь. Второе издание. Исправленное с прибавлением слишком 5000 слов. – СПб.; Карлсруэ, 1853):

ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ, adj. influent, qui a de l'influence. (С. 70).

В журналах 60-х гг. XIX в. прилагательное *влиятельный* встречается достаточно часто:

Влиятельный писатель есть по преимуществу – человек партии. (ЖМНП. – 1862. – Т. CXIV. – Отд. I. – С. 215); ...что давало до сих пор средство влиятельной партии в совете <...> сажать на адъютантские места покровительствуемых ею фаворитов. (Замечания на Проект общего устава императорских Российских университетов. – СПб., 1862. – Т. I. – С. 13).

Количество примеров можно значительно увеличить. Однако любопытно отметить, что Я.К. Грот в своих «Филологических разысканиях» (СПб, 1876) воспринимает это слово как новое:

В ближайшее к нам время к этим оборотам присоединилось еще много других, например, считаться с чем <...>, или слова влиять, влиятельный, немислимый (undenkbar)...» (Т. I. – С. 17).

Вслед за прилагательным *влиятельный* появилось и собственно русское существительное *влиятельность*. Его можно найти в «Сборнике ученых статей, написанных профессорами имп. Казанского университета» (Казань, 1857. – Т. II. – С. 3) и в Журнале министерства народного просвещения:

[Дамы], по своей находчивости и влиятельности, легче могут склонить каждого на жертвование... (ЖМНП. – 1861. – Т. CX. – Отд. IV. – С. 64).

Художественная литература тоже взяла на вооружение это слово:

Назвав княгиню влиятельною и пышною, я считаю необходимым показать, в чем проявлялась ее пышность и каково было ее влияние на общество людей дворянского круга, а также наметить, чем она приобрела это влияние в то время, в котором влиятельность неофициальному лицу доставалась отнюдь не легче, чем нынче... (Лесков Н.С. Захудалый род, 1874 // Лесков Н.С. Собр соч. – М., 1956–1958. – Т. V. – С. 61).

Лобби

Существительное *лобби* кажется довольно новым в русском языке, однако русские читатели общественно-политической литературы познакомились с ним уже в середине XIX в. Англ. *lobby* значит собственно 'сени, прихожая; коридор'. В этом изначальном значении мы и находим его в переводе книги Ф.Г. Тернера «О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния» (СПб., 1860. – С. 70) в виде варваризма, т.е. в орфографии подлинника:

Прямо с галереи (так. – Н.А.) вы входите в небольшую переднюю (Lobby), потом в общую комнату, или столовую (Living-room).

Но еще раньше мы встречаем интересующее нас слово не в прямом, а в переносном смысле:

Число таких парламентских courtiers достигает до трехсот. Не имея доступа в присутствие, где происходят совещания, они обыкновенно помещаются на лестнице или в сенях, the lobby, отчего и называются lobby, что некоторым образом соответствует биржевому термину кулисса. <...> Самые депутаты подчиняются иногда влиянию lobby. (Отечественные записки. – 1857. – Т. CXII. – Отд. IV. – С. 60).

Под *the lobby* здесь следует понимать не прихожую или закулисье, а людей, находящихся в этом помещении (и их специальную функцию). Так в «Былом и думах» А.И. Герцена вторая глава имеет подзаголовок «Девичья и передняя». Герцен ни словом не касается описания этих помещений, речь идет о разговорах горничных (девичья) и лакеев (передняя).

В то же самом значении *lobby* употребляется и позже, например в журнале «Дело» (1876. – № 11. – С. 156):

Класс этот, известный под именем *lobby*, довольно многочислен; его находят на всех ступенях государственного и общественного управления. В конгрессе и сенате, в законодательных собраниях Штатов <...> – везде лоббисты обделывают свои темные делишки.

Слово *лобби* в транслитерированном виде находим позже, в журнале «Северный вестник» 1893 г. (№ 10. – Отд. II. – С. 106), где описывается процесс голосования в Вестминстере. Здесь оно имеет значение 'специальное помещение для голосования':

Вместо того, чтобы подавать голоса вставанием или поднятием рук, здесь все члены палаты... должны очистить залу. Голосующие отправляются в проходные *лобби* (*lobby*) – род коридоров (так. – Н.А.), примыкающих к зале с двух противоположных сторон: в правой лобби собираются «да», в левой «нет».

В переводе с английского языка В.Я. Богучарского книги Г. Джорджа «Общественные проблемы (*Social problems*)» (М., 1903. – С.253) *лобби* имеет значение 'закулисные действия с целью повлиять на исход голосования по тому или иному вопросу'.

Как и слово *лобби*, агентив *лоббист* сначала появляется в нетранслитерированной форме. При этом он сопровождается попыткой калькирования:

...существует в Вашингтоне особый класс лиц, именуемых «коридорщиками» (*lobbyists*), специальной задачей которых является оказывать влияние на ход текущего законодательства... На их обязанности... лежит либо «провести» известный закон, для общества, компании или предприятия выгодный и потому желательный, либо «провалить» известный закон, для общества компании или предприятия невыгодный и потому нежелательный. Агенты эти вечно наполняют собой широкие, светлые и комфортабельные коридоры (*lobby*) сената или палаты представителей, смотря по надобности... По сему главному месту постоянного их пребывания они и получили наименование «коридорщиков» (*lobbyists*). (Исторический вестник. – 1900. – Т. LXXXI. Июль. – С. 251; автор статьи Е. Правдин).

А так как в политической жизни Соединенных Штатов Америки женщины уже тогда принимали активное участие, то возникли и *коридорщицы* – уже без кавычек (Там же. – С. 257).

В отличие от слов *лобби* и *лоббист* существительное *лоббизм* и глагол *лоббировать* появились существенно позже. По данным Национального корпуса русского языка, они встречаются в печати в последнее десятилетие XX в. (не ранее 1995 г.).

Н.С. АРАПОВА
Москва

Риторика для родителей

Что такое риторика

Известно, что у многих родителей возникают трудности в общении с собственными детьми, которые порой не слушаются, не во всем откровенны с родственниками, часто спорят, не всегда добросовестно выполняют свои обязанности и т.д. Причины подобных трудностей различны. Одной из них, на наш взгляд, является незнание родителями законов риторики. Многие скептически воспримут это утверждение. Постараемся его доказать.

Существует много определений понятия риторики. Рассмотрим некоторые из них.

А.К. Михальская, автор учебника по риторике для учащихся 10–11 классов, предлагает следующее определение: «Риторика – это теория и мастерство целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи» (М и х а л ь с к а я А.К. Русский язык: Риторика. 10–11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений филол. профиля. – М., 2011. – С. 36). Проанализируем это определение более подробно. Автор раскрывает основные признаки эффективной («хорошей») речи:

- целесообразность как наличие в речи намерения, основной задачи;
- воздействие на адресата как стремление пробудить у адресата определенные мысли и чувства, побудить его к каким-либо действиям и поступкам;
- гармонизация общения как обеспечение взаимопонимания между людьми, как создание условий для совместного решения затронутых в речи вопросов и поисков истины.

Таким образом, подчеркивается роль риторики в создании эффективной речи, речи целесообразной, воздействующей, гармонизирующей.

Риторика как теория и практика общения обеспечивает эффективность этого процесса. Каковы же основные признаки и особенности общения?

Общение – это процесс взаимодействия людей, что предлагает:

- обмен определенной информацией;
- управление своим поведением и поведением партнеров по общению;
- воздействие на чувства, эмоциональное состояние, настроение общающихся.

Все это требует знаний и практического воплощения определенных правил, норм, даже законов, отражающих существенные особенности процесса общения.

Как нельзя без знания правил вождения транспортного средства управлять автомобилем, так нельзя без знания законов общения добиться эффективности этого процесса. В связи с этим ответим на вопрос: что такое эффективное общение? Эффективным общение является в том случае, если удалось достичь поставленной цели: поставил задачу рассмешить – и все рассмеялись; поставил задачу убедить сделать что-то – собеседник сделал; поставил задачу (любую) – она решена.

Эффективное общение нужно отличать от результативного общения. Бывает так, что внешне задача решена: собеседник выполнил просьбу, принял вашу точку зрения, но при этом затаил обиду (иногда даже злобу), что впоследствии может привести к осложнению отношений, к появлению нежелательных настроений во взаимодействии общающихся.

Еще одно положение, которое следует учитывать в процессе общения – общение не существует вне ситуации. Это значит, что собеседник должен осознавать, кто и кому что-либо говорит, какова задача говорящего (з а ч е м? д л я ч е г о?), где и когда происходит общение. Представьте, что вы начали общаться без учета этих факторов. Вы всегда можете потерпеть неудачу, так как не обратили внимание на настроение собеседника, особенности его занятости в течение дня, на то, как он говорит о предмете речи. Другими словами, учет названных факторов позволяет сделать общение уместным. Это умение дается с трудом. Вот что говорит Цицерон об уместности речи: «Как в жизни, так и в речи нет ничего труднее, как увидеть, что уместно».

И наконец, в процессе взаимодействия нужно учитывать вид общения в зависимости от количества участников общения. Взаимодействие родителей с детьми относится к межличностному общению (один – один). При таком виде общения собеседники меняются ролями: говорящий – слушающий (об этом нужно помнить обязательно!). При этом возможна разная степень активности партнеров. Так, в ситуации общения родителей с детьми старшие в ряде случаев пользуются своим положением, демонстрируют большую активность и даже, что не всегда допустимо, подавляют активность детей.

Таким образом, риторика – это и наука, и практическое мастерство. Риторика помогает людям общаться, обеспечивает эффективность общения. Приведем в связи с этим определение риторики, предложенное Т.А. Ладыженской: «Риторика – это наука об эффективном общении» (Ладыженская Т.А. Программа по риторике для школы // Риторика: методология и практика. Сборник программ / отв. ред. и сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М. – Ярославль, 2003. – С. 213).

В заключение проанализируем фрагмент рассказа В. Драгунского «...Бы». Его герой, известный всем Дениска (Денис Кораблев), рассуждает о том, как было бы хорошо, если бы во всех делах главными были не взрослые, а дети. Вот как он описывает эту ситуацию.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и команду юю как хочу, да и папе небось тоже бы «понравилось», а о бабушке и говорить нечего. Что и говорить, я бы все им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот еще новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! – И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: – Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Все решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскисывайся на стуле!»

Что не нравится Дениске в общении родителей и детей? Что его возмущает? Можно ли назвать предложенный героем вариант общения (в подражании взрослым) эффективным?

Не нравится Дениске многое: командный тон общения («командую... как хочу»); неуважение к собеседнику; обидные замечания; неуместная ирония («все решаешь мировые проблемы») и т.п.

Более всего его возмущает, что взрослые не замечают настроения детей, не понимают, что дети хотя и выполняют требования взрослых, но делают это с обидой на них («И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду...»).

Это дает основание признать общение неэффективным, хотя взрослые добиваются определенных результатов.

Все это происходит, потому что в данном случае не реализуются основные законы риторики, сущность которых мы раскроем в следующей статье.

Н.А. ИППОЛИТОВА,
Е.Л. ЕРОХИНА
Москва

Как через образы автор передает реальность

(По роману Н.К. Чуковского «Балтийское небо»)

Введение*

Цель работы: исследовать, как автор через средства выразительности создает образы и передает реальность.

Предмет исследования: описания воздушных боев и самолетов в романе Н.К. Чуковского «Балтийское небо».

Задачи:

- 1) обозначить профессиональную лексику и авиационные жаргонизмы, используемые в книге;
- 2) выписать из романа тропы, помогающие автору описывать самолеты и воздушные бои;
- 3) с помощью специальной литературы и научного консультанта «перевести» фразы с тропами на профессиональный язык;
- 4) произвести сравнительный анализ и сделать выводы.

Актуальность работы заключается в следующем:

- 1) подобного исследования, посвященного «Балтийскому небу», не найдено;
- 2) роман не входит в школьную программу, не упоминается в списках литературы для внеклассного чтения, никто из моих одноклассников его не читал, так что очень хочется привлечь к нему внимание, попробовать заинтересовать тех, кто будет читать мою работу (или тех, кто будет слушать мой доклад), тематикой романа;
- 3) книга повествует о героях Великой Отечественной войны, об их беспрецедентном мужестве – чем больше мое поколение узнает об этой войне, тем лучше.

Основная часть

Авиационные термины и жаргонизмы

Книга про авиацию, разумеется, не могла быть без специальной лексики и профессионального жаргона. И то, и другое Николай Корнеевич прекрасно знал, поскольку во время войны работал корреспондентом на Балтийском флоте. Я постарался разделить данные слова и выражения на практически всем понятные (даже людям, далеким от авиации) и на требующие объяснения для обывателей. Помогли мне в этом ответы одноклассников (мы прибегали с руководителем к так называемому социологическому опросу).

Первая группа слов:

- 1) «воздушный таран» (прием воздушного боя, заключающийся в нанесении повреждений самолету противника... самолетом атакующего);
- 2) «мертвая петля», или «петля Нестерова» (фигура высшего пилотажа в виде замкнутой петли в вертикальной области);
- 3) ведущий (атакующий);

---

* Текст исследовательской работы, подготовленной в рамках VII Международной научно-практической конференции «Объединяемся знаниями», дается в сокращении, но с сохранением структуры.

- 4) ведомый (прикрывающий);
- 5) «юнкерс» (немецкий самолет-бомбардировщик);
- 6) «мессер», или «мессершмитт» (немецкий самолет-истребитель).

Вторая группа слов:

- 1) «свечкой пошел вверх» (вертикальный набор высоты) (Цит. по: Чуковский Н.К. Балтийское небо: роман: в 2 кн. – М., 2005);
- 2) «вошел в пике» (совершил маневр пикирования, т.е. резкого снижения с нарастающей скоростью под углом от 30 до 90 градусов к земной поверхности);
- 3) «виражил», «крутился» (выполнял фигуры высшего пилотажа);
- 4) «дал козла» (самолет подпрыгнул при посадке на ВПП);
- 5) ВПП (взлетно-посадочная полоса);
- 6) «бреющий полет» (полет на предельно малой высоте...);
- 7) эскадрилья (12–24 самолета, основное тактическое авиационное подразделение Военно-воздушных сил, состоящее из нескольких звеньев или отрядов, включающих в себя 4–6 самолетов);
- 8) «эскадрилья шла шапкой» (сопровождала другие самолеты в качестве прикрытия; истребители осуществляют прикрытие штурмовиков или бомбардировщиков, выполняющих боевое задание);
- 9) «посадил самолет на брюхо» (летчик посадил самолет без шасси);
- 10) «костыль» (хвостовая бесколесная точка опоры самолета);
- 11) «хозяин самолета» (техник, в слове «хозяин» заложено громадное уважение к технике со стороны летчиков);
- 12) «висеть в воздухе» (...прикрывать патрулированием в воздухе охраняемый объект на земле или на воде);
- 13) «сорваться в штопор» (переход самолета в критический режим полета, заключающийся в движении самолёта по вертикальной нисходящей спирали малого радиуса при больших углах атаки);
- 14) «вернулся пустым» (летчик-истребитель израсходовал весь боекомплект);
- 15) «зайти "юнкерсу" в мертвый конус» (пространство, недостижимое для пулеметов врага);
- 16) трассирующие пули (боеприпас особой конструкции к огнестрельному оружию, поражающие элементы которого начинают светиться в полете и оставляют ясно видимый для стрелка след; использование такого боеприпаса позволяет стреляющему видеть траекторию полета снаряда (пули) и корректировать стрельбу);
- 17) «бочка» (фигура высшего пилотажа – поворот относительно продольной оси на 360 градусов с сохранением общего направления полета);
- 18) лонжерон (основной силовой элемент конструкции самолета, располагающийся по длине конструкции) (Авиационный справочник (для летчика и штурмана) / под ред. В.М. Лавского. – М., 1964);
- 19) стабилизатор (в авиации одна из горизонтальных плоскостей, которая обеспечивает устойчивость самолета) (Советская военная энциклопедия / под ред. А.А. Гречко. – Т. 8: «Ташкент» – Ячейка стрелковая. – М., 1980);
- 20) фюзеляж (корпус самолета);
- 21) «фокке-вульф» (немецкий самолет-истребитель);
- 22) «харрикейн» (британский самолет-истребитель, на котором в 1941–42 гг. приходилось летать нашим летчикам);
- 23) «ишак» (И-16, советский одномоторный истребитель, созданный в ОКБ Н.Н. Поликарпова; название «ишак» получил из-за первых звуков «И-Шестнадцать»).

<...>

Вывод: слов второй группы однозначно больше, поэтому автор романа не увлекается терминологией, а использует как можно больше художественных образов, чтобы повествование было доступным для всех.

Тропы, использованные для описания самолетов и воздушных боев

Эпитеты – образные, выразительные определения при слове, выраженные преимущественно именем прилагательным, но также и наречием (Меркин Г.С., Зыбина Т.М., Максимчук Н.А., Рябикова О.С. Выразительные средства художественной речи. – М., 2008. – С. 51).

- 1) И начался бой, *неистовый, стремительный*.
- 2) Клин из десяти истребителей выскакивал из тумана таким же целым и *монолитным*, как и нырял в него.
- 3) Летчики шли *превосходно*.
- 4) Немец атаковал *трусливо* – дал одну очередь с дистанции метров в триста и пошел *наутек*.

5) Держаться в тумане приходилось *тесно* (с минимальными интервалами; такой режим полета требует большого напряжения и профессионализма летчиков).

6) Все линии «харрикейна» показались Лунину *вялыми и неопределенными*. (Очень точно подобранные эпитеты, поскольку специалисты считают, что у данной модели самолета... нечеткие формы крыла, плоскостей и фюзеляжа.)

7) *Проклятый* «харрикейн». (В романе рассказывается о том, как британские самолеты легко воспламенялись во время боя, что вызывало невероятное раздражение советских летчиков, поскольку они теряли технику, а самое главное – людей, которые погибли или получали сильные ожоги. Эпитет *проклятый* и передает оправданное возмущение летчиков.)

8) У самолетов были странные *тупые* рыла. (Речь идет о «фокке-вульфах» – самолетах с радиальным двигателем и открытой передней частью капота.)

9) *Широколобый* И-16 был *увертливее*. И-16 поразил его *широкой, бульдожьей* мордой и короткими плоскостями. «У этого *цепкая* хватка», – подумал он тогда. (Эпитеты не только объясняют конструкцию самолета (у мотора и у передней части моторного отсека данного самолета большой диаметр по отношению к размаху крыла), но и имеют, конечно, эмоциональную окраску: «широколобый», «широкий», «цепкий» – это «умный», «крепкий», «прочный», «упорный».) (Толковый словарь русского языка. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2003. – С. 1079).

В книге эпитет – не самый часто используемый троп, поскольку эпитеты, в принципе, не свойственны мужской речи, как правило, лаконичной. А в данном случае речь идет не просто о мужчинах, а о боевых летчиках, стремящихся точно выразить свои чувства и мысли, а не украсить их. Гораздо больше сравнений, потому что люди не рождаются летчиками, ведущими бои. У всех сначала была другая, обычная, мирная жизнь. И все сравнения погружают нас именно в нее, подарившую человеку первоначальный опыт. <...>

Сравнения – троп, в котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. (Указ. соч. – С. 55).

1) Десять самолетов-истребителей поднялись и *журавлиным клином* понеслись над лесами – низко, почти на бреющем.

2) Через минуту пять самолетов Рассохина, построившись *клином*, летели сквозь сияющий и дробящий солнечные лучи туман, как сквозь *радугу*.

3) Треск коротких очередей, *похожий с земли на кваканье лягушек*.

4) «Харрикейн» вспыхивал, как *берёста*. (Данное сравнение особо заставляет ощутить катастрофичность ситуации: наши летчики не были готовы к тому, что самолет настолько быстро будет воспламеняться.)

5) Самолет выскочил из туч, *как пробка из бутылки*.

6) Новые группы штурмовиков *волнами* двигались к неприятельским судам. (Сравнением передается интенсивность наступления: как волны набегают на берег, так и штурмовики группами летят – одна за другой.)

7) Штурмовики возникли перед ним – группа крупных горбатых машин, *похожая на стадо зубров*. (Самолеты Ил-2, Ил-6, Ил-8 действительно, в связи со своей конструкцией, похожи на мощных горбатых зубров: во-первых, по сравнению с кабиной самолета-истребителя кабина штурмовика больше (похожа на горб), так как предназначена для двух человек (летчика и стрелка); во-вторых, штурмовики оснащены крупнокалиберной пушкой, чьи снаряды способны пробивать броню танков.)

8) Самолеты обмерзали, становились тяжелыми, *как утюги*, их прижимало к воде, к лесу. (Это сравнение, наверное, не совсем понятно современному юному читателю, живущему в эпоху удобной бытовой техники. Но утюг времен 30–50-х гг. XX в. мог весить до пяти килограммов.)

9) Она (вражеская эскадрилья бомбардировщиков) росла перед ними, по мере того как они к ней приближались, *словно горная гряда*, непроницаемая, но колышущаяся и живая, *как первобытная магма*. (Сравнение с горой и раскаленным расплавом свидетельствует об огромной опасности: гору нельзя сдвинуть, магма может начать изливаться и поглотит тебя.) <...>

10) Длинные огненные жгуты [трассирующие пули] скрещивались и сплетались повсюду, окружая его, *как сеть*. (Самолет, обозначенный трассирующими пулями, становится превосходной мишенью для противника.) <...>

11) Аэродром стал тверд, *как чугун*. (Речь идет о зимнем периоде, когда в сильные морозы происходит обледенение ВПП, что сильно затрудняет работу летчиков при взлете и особенно при посадке.)

12) И «мессершмитт», *тощей черной птицей* скользнув по громадному солнечному диску, упал в воду, багровую, *как пламя*.

В данном сравнении интересен эпитет *тощей*: он не только передает геометрические особенности немецкого самолета, чей фюзеляж меньше по высоте и ширине по сравнению с другими самолетами такого же класса, но и выражает презрительное отношение к врагу, которого приятно видеть поверженным. «Тощий» здесь еще и «бедный», «пустой», «никчемный». (Толковый словарь русского языка. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2003. – С. 994). Не стоит сомневаться, что сами немцы говорили про свой самолет «изящный». <...>

Близким к сравнению является и следующий троп – метафора. Это главный, основной троп художественной литературы, ее зерно. Метафора – это оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-то аналогии, сходства, сравнения (Меркин Г.С., Зыбина Т.М., Максимчук Н.А., Рябикова О.С. Выразительные средства художественной речи. – М., 2008. – С. 45).

В метафоре всегда заложены и образность, и юмор, и красота языка, и его глубина.

Метафоры. В основе многих метафор лежит олицетворение. Человеку свойственно одушевлять неживые предметы. Прочитав «Балтийское небо», понимаешь, что летчики, техники всегда одушевляют самолеты, для них это однозначно не груда металла, напичканная разными приборами. Самолет – это их товарищ, или родственник, или даже они сами, их своеобразное продолжение. Это всегда живое.

1) *Гибель* самолета, самолет *погиб* (неоднократно встречающаяся в книге метафора, очень ярко передающая обозначенное выше отношение летчиков); <...>

2) *пение* моторов радовало слух Лунина (поэтично говорится о слаженной, без сбоев, работе двигателей летящих рядом самолетов, и нет для ведущего звена лучшей песни); <...>

3) Прочность, жесткость, уровень напряжения – это основное для самолета. И потом – *усталость*. Надо, чтобы самолет не *уставал* в течение 30 тысяч часов. (В основе... существующего в физике понятия «усталость металлов», или «усталость материалов» (конструкция самолета не должна приводить к частым изгибам и напряжениям, либо материал, из которого сделан самолет, должен быть соответствующим, чтобы выдерживать такие условия)... тоже лежит метафора. И что интересно: когда читаешь книгу, складывается ощущение, что «уставать» может именно техника, но не человек); <...>

4) черные *туши* «юнкерсов»; <...>

5) огромный *крутень сцепившихся* самолетов;

6) сбились в один *клубок* с «мессершмиттами»;

7) Он ворвался в самую *гущу* их, в *кашу*; <...>

8) Самолеты вертелись и вертелись, *две карусели* – одна в другой. (Очень интересная метафора. Может показаться, что это не опасно, ведь карусель – развлечение. Однако стоит вспомнить, что, закружившись, легко перестать ориентироваться в пространстве, да и падение не исключено); <...>

9) *стада* «юнкерсов» (метафора не только обозначает количество самолетов (более 30–40), но и опять же передает отношение к противнику: «стада» – их надо гнать) <...>

Заключение

Язык романа «Балтийское небо» своеобразный: с одной стороны, сдержанный, лаконичный, с другой – яркий, метафоричный. Наверное, только так и можно описывать реальные военные события из жизни летчиков-истребителей, чтобы и специалист сказал «Да, правда!» и чтобы обычный человек все понял. И на второе работают именно средства выразительности языка: эпитеты, олицетворения, сравнения, метафоры. Именно они помогают УВИДЕТЬ картину.

Я, безусловно, ознакомился и с тем, как в настоящих донесениях и сводках говорят о воздушных боях (обращался к сайту Министерства обороны и к сайту «Подвиг народа»). Так вот что интересно: даже в официальных документах происходит это соединение стилей языка. Наравне с сухим «вести прицельное бомбометание» (Наградной лист И. Кожедуба // Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=16851336&tab=navDetailManAward>), «атаковал с дистанции 150–200 метров», «с правым полупереворотом правой плоскостью ударил по правой плоскости самолета противника» (Наградной лист С. Амет-Хана к ордену Ленина. // Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=150038571&tab=navDetailManAward>) существуют и другие фразы: «выполнял задачу по *очистке* воздуха от ВВС противника» (Наградной лист И. Кожедуба // Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=16851336&tab=navDetailManAward>), «*объятые* пламенем вражеские самолеты *рухнули*», «проявил себя *верным сыном* Родины», «*дерзкий* воздушный боец», «*беспощадно* уничтожать фашистских *стервятников*» (Наградной лист С. Амет-Хана к ордену Красного Знамени // Подвиг народа [Электронный ресурс]. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=20277471&tab=navDetailManAward>).

Метафоричность заложена в русском языке, она превращает мысли в яркие и зримые образы.

Антон ЧЕКИН, VII класс,
ГБОУ «Школа № 1517»
города Москвы,
руководитель: А.Е. Сибилева,
консультант: к.т.н. А.Ю. Чекин

Поэтимы

(Поэтические загадки по этимологии)

(Продолжение)

- 62.** По этой траектории снаряд в мишень летит,
так и уподобление по-гречески звучит.
В церковном переводе это 'притчею' зовут,
и корни 'слова' галльского надежно скрыты тут.

Ответ:

Парабола, притча, пароль. История слова *пароль* может быть рассмотрена и на более глубинном уровне. Известно, что Иисус говорил с народом притчами. Церковнославянское *при-тч-а* имеет такой состав: *при-* – приставка приближения, *-тч-* – корень со значением энергичного приближения (*ткнуть*), *-а* – окончание существительных женского рода. Та же структура у греческого образца для слова *притча* – *пара-βολ-ή*, архаичное чтение [*параболѣ*], совр. [*параволи*]. Термин многозначный: это и парабола, по которой летит камень, брошенный в цель (не прямо, а по дуге), это и риторическая фигура уподобления. Мы иногда говорим *прикинь* в смысле 'пример'. И когда мы сравнивали состав и последовательность морфем в *при-тч-а* и *пара-βολ-ή*, то это тоже было притчей-параболой, т.е. соположением и сравнением. А поскольку в церкви часто обращались к поучительным притчам Иисуса, то и всякая речь и слово стали кое-где называться *parole* (франц.), *parola* (итальянское), *paràula* (каталанское), *palábra* (испанское), *palávra* (португальское). В славянском мире *притча* дала похожие плоды: сербск. *причати*, хорватск. *pričati* значит 'говорить, рассказывать'.

- 63.** Тетрадь и «белая ворона»,
держава (враг Наполеона)
в игре, но пернатый матрос
сюда по ошибке прирос.

Ответ:

*Альбом 'тетрадь для записей и рисования' (лат., букв. 'белое') (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986–1987. – Т. I. – С. 74) и альбинос 'особь с отсутствием пигментации' (а также Альбион 'Англия', по белому цвету прибрежных скал) (Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexicography.online/etymology/>), но не испанское и португальское *альбатрос* 'олуша' и не его первичная форма, отраженная в названии острова *Алькатрас* (Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com>).*

64. Ритуал и пушки с их патронами,
Состояние, согласное с законами, –
Целых семь в ряду таких
Позабывших, но родных.

О т в е т:

Обряд – букв. ‘нечто упорядоченное’, *орудие* – букв. ‘то, чем орудуют’ (также *оружие, ружье*), *снаряд/заряд* – букв. ‘то, чем снаряжают, заряжают’, *порядок* – букв. ‘то, что по ряду расставлено’ (Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexicography.online/etymology/>).

65. Похож на часть он сотую,
И от него с охотою
Избавятся актер, и чтец,
И однокоренной певец.

О т в е т:

Лат. **акцент** – букв. ‘то, что слышится как призыв в пении’ (содержит измененную перед [к] приставку *ад-* ‘при’ и корень *-кант-* ‘петь, пение’, ср. *аф-фикс* ‘служебная морфема, присоединяемая к основе’ < *ад+фикс*, где приставка *ад-* меняется перед *-фикс*), **кантор** ‘певец’, **кантата** – форма причастия, букв. ‘петая’. Любопытно, что лат. *акцент* – это калька др.-греч. *προσῳδία* ‘ударение, просодия, просодика’. Поскольку у греков ударение было музыкальным, то не удивительно, что в этом слове выделяются морфемы: *прос-* ‘при, к; на’ и корень *-о:д-* (с долгим [о:]) ‘петь, песнь’ (Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com>). Ср. с той же приставкой **просфора** ‘хлебец для причастия’, букв. ‘**при**ношение’ (Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexicography.online/etymology/>).

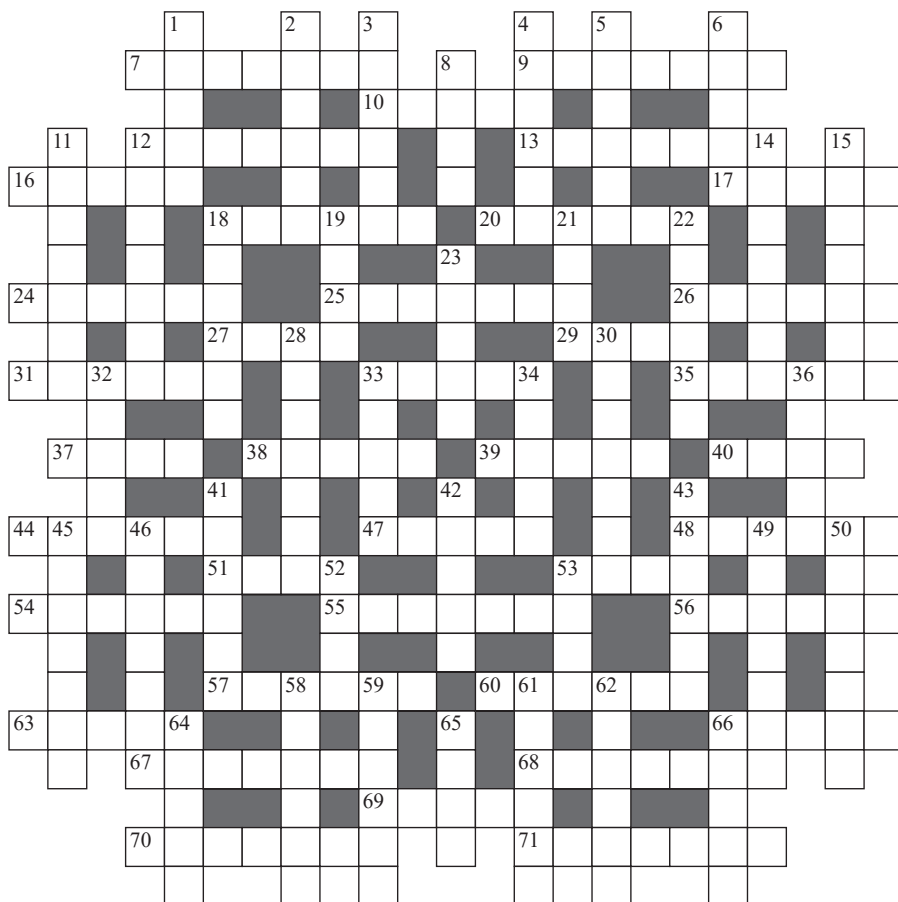
66. Чушь приглушенно говорили,
Или иной резон в игре тут?
Во всяком разе получили
Мы от латыни пару эту.

О т в е т:

Конечно, это шутка, будто ерунду говорят приглушенным голосом, но лат. **абсурд** ‘бессмыслица’, букв. ‘неблагозвучие, фальшивое звучание’, состоит из приставки *аб-* ‘от, из’ и корня *-сурд-* ‘глухой’ (Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com>), ср. **абстрактный** ‘отвлеченный’. Вспомним выражение *под сурдинку* ‘приглушенно’, *сурдина* – вставка в духовой инструмент. И обучение глухих называется *сурдопедагогикой*, а перевод для них на язык жестов – *сурдопереводом* (Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexicography.online/etymology/>). Как и *акцент*, изначально музыкальный термин **абсурд** меняет свое значение. Интересно, что греческое *ἀλόκοιφος* (с синонимичными латинским *аб-* и *-сурд-* частями) значит ‘приглушенный’ (в том числе и цвет), но не ‘абсурдный’.

В.В. ШАПОВАЛ
Москва

Кроссворд

По горизонтали. **7.** Итальянский скрипач и композитор XVII – XVIII вв. **9.** Предшественник витамина А. **10.** Река в Лондоне. **12.** Город в Ивановской области. **13.** Персонаж драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад». **16.** Служитель культа, колдун. **17.** Русский писатель. **18.** Сосуд для питья. **20.** Остров в Ионическом море. **24.** Морское божество в древнегреческой мифологии. **25.** Отрезок, соединяющий вершину треугольника с серединой противоположной стороны. **26.** Актерское амплуа. **27.** Металл. **29.** Черноморский город. **31.** Город на севере Италии. **33.** Русский художник – автор картины «Девочка с персиками». **35.** Древнегреческий бог виноградарства и виноделия. **37.** Северные сапоги из меха. **38.** Плотницкий инструмент. **39.** Горная система Азии. **40.** Химическое соединение. **44.** Часть старинной крепостной стены от башни до башни. **47.** Поэтическое название северного ветра. **48.** То, что создано собственными трудами и заботами. **51.** Знаменитый русский адвокат. **53.** Российский архитектор, восстанавливавший Москву после пожара 1812 г. **54.** Манера держать свое тело. **55.** Название повестей Л. Толстого и М. Горького. **56.** Условно-поэтическое имя в русской поэзии. **57.** Третья часть месяца. **60.** Женщина – образец супружеской верности в древнегреческой литературе. **63.** Минерал – разновидность граната. **66.** Горная коза – символ женской грациозности. **67.** Героиня пьесы У. Шекспира «Буря». **68.** Бог брака в античной мифологии. **69.** Речевой штамп. **70.** Коммуна в Италии. **71.** Русский живописец XVIII в.

По вертикали. 1. Русский художник – автор триптиха «Александр Невский». 2. Предмет спортивного инвентаря. 3. Дословная выдержка из текста. 4. Палочка, продлевающая руку лектора. 5. Персонаж сказки Ю. Олеши «Три толстяка». 6. Русский военачальник, получивший почетную приставку к фамилии *Забалканский*. 8. Полуостров на севере Западной Сибири. 11. Город в Италии, прославившийся древней врачебной школой. 12. Вид соломенной шляпы. 14. Итальянская разновидность клавесина. 15. Итальянский город у подножия Везувия. 18. Американский писатель-фантаст XX в. 19. Река в Карелии. 21. Древнейший русский напиток. 22. Одна из nereid – персонаж древнегреческой мифологии. 23. Западноевропейский струнный щипковый музыкальный инструмент. 28. Гусарский мундир, расшитый шнурами. 30. Персонаж комедии У. Шекспира «Как вам это понравится». 32. Государство в Европе. 33. Длинное бревно, укрепленное стоймя. 34. Приток Лены. 36. Имя героини романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». 41. Город в Ферганской долине. 42. Соблазнитель «бедной Лизы». 43. Героиня балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро». 45. Остров в Приморском крае. 46. Совокупность ряда болезненных симптомов общего происхождения. 49. Мужское имя, использованное в комических целях в басне «Помещик и трава» К. Пруtkова. 50. Известный русский поэт XIX в. 52. Остров близ полуострова Пелопоннес в Греции. 53. Сильный холодный ветер. 58. Половецкий хан – герой оперы А. Бородин «Князь Игорь». 59. Пьеса Е. Шварца. 61. Член Арзамасского кружка. 62. Столица Сирии. 64. Древний город в Греции. 65. Поэтическое наименование небесной высоты. 66. Дробленая крупа.

ОМБЕМБ Кроссворд (№ 5)

По горизонтали. 4. Смorchok. 7. Брантом. 11. Кошице. 12. Лиотар. 13. Козетта. 16. Польша. 17. Дворяня. 18. Арманда. 20. Рысак. 23. Дамка. 27. «Дело». 28. Жилет. 30. Неон. 31. Вандея. 32. «Корсар». 33. Бронте. 34. «Инония». 35. Сошник. 37. Корица. 38. Блед. 39. Хорал. 40. Реал. 41. Альба. 44. Алыча. 47. Людмила. 49. Тополь. 50. Гароди. 51. Гаркуша. 53. Доризо. 54. Ренева. 55. Версаль. 58. Полянка.

По вертикали. 1. Омар. 2. Гранде. 3. Хоро. 5. Хоромы. 6. Килька. 7. Бекаа. 8. «Млада». 9. Голова. 10. Чайник. 14. Замбия. 15. Танрек. 19. «Февраль». 20. «Рогнеда». 21. Совесть. 22. Кинешма. 23. Десница. 24. Мириады. 25. Андорра. 26. Боливар. 28. Жених. 29. Тобол. 36. Кондор. 37. Карибу. 42. Леонов. 43. Беотия. 45. Лоренц. 46. Чудово. 47. «Льгов». 48. Агарь. 52. Касьян. 56. Егор. 57. Лука.

Русский язык в школе и дома. 2018. № 6. 1–20

Редакция:

Т.А. Боброва, А.Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная верстка – К.В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17

Телефон/факс: 8(495)671–09–85. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© Журнал «Русский язык в школе и дома». 2018

Одним из наиболее верных путей построения научной методики русского языка, решения вопроса об эффективности отдельных приемов обучения является методический эксперимент – вычленение, выделение того или иного приема с целью сравнения его эффективности с эффективностью других приемов.

Методический эксперимент заключается главным образом в проведении специальных уроков, различающихся только в отношении изучаемого приема при возможном равенстве всех прочих условий. Сила методического эксперимента в том, что это наиболее доказательный, наиболее объективный метод, поскольку он основывается на анализе конкретных фактов. Без такой экспериментальной проверки часто нельзя определить, что же в описываемом опыте является положительным.

Несомненно, методика русского языка имеет за последние годы большие достижения, однако имеются еще и такие нерешенные вопросы, относительно которых высказываются различные, иногда диаметрально противоположные мнения. Ни общие рассуждения, ни ссылки на законы педагогики или лингвистики не помогают решению этих вопросов. Здесь особенно важно обращение к конкретным фактам и их экспериментальному анализу.

Очень большое значение для построения методики правописания имеет изучение ошибок. Ошибки представляют тот фактический, объективный, поддающийся точной количественной обработке материал, который очень много говорит о закономерностях в процессе усвоения учащимися отдельных правил, об их сравнительной трудности, о нарушении этих закономерностей.

Изучение ошибок помогает выяснению их причин, что создает возможности для построения рациональной методики. Особенно много может дать в этом отношении экспериментальное, сравнительное изучение ошибок – сопоставление количества ошибок, различающихся в каком-либо одном отношении, с целью выделить действие одного фактора.

Экспериментальное направление в методике русского языка, в частности экспериментальное изучение ошибок, все более пробивает себе дорогу. Все больше... методика русского языка обосновывает свои рекомендации не на общих рассуждениях, а на экспериментальном изучении конкретных ошибок. С каждым годом все больше появляется углубленных экспериментальных исследований, посвященных отдельным проблемам изучения орфографии. <...>

Против эксперимента в методике иногда возражают, указывая, что он очень громоздок и неприменим в массовых условиях, так как требует большого количества испытуемых.

Однако такие возражения неубедительны. Если предпослать проведению эксперимента в двух параллельных классах контрольную работу, повторив ее после проведения эксперимента, чтобы определить эффективность работы по снижению ошибок, то можно сделать довольно достоверные выводы и на ограниченном материале.

(Ушаков М.В. Об эксперименте в методике русского языка // Русский язык в школе. – 1960. – № 3. – С. 94–95).

